5. Krajnik Arkiv
1935

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

No. 67 67

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории рабочего движения во время мировой войны.— К истории гвоздевщины.— Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. Из истории — семеновщины в 1919 г.—Анатоль Франс и царская цензура.—Из дневника А. А. Половцова. — Николай II — „доктор русской истории". — До Цусимы.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из истории рабочего движения во время мировой войны (Стачечное движение в Костромской губ.). С предисловием *М. Иновеицева* 5

К истории гвоздевщины („Бюллетени" Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета). С предисловием *Ив. Меницкого* 28

Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. С предисловием *С. Пионтковского* . . 93

Из истории семеновщины в 1919 г. С предисловием *Вл. Елагина* 131

Анатоль Франс и царская цензура. С предисловием *Л. Полянской* 147

Из дневника А. А. Половцова. С предисловием *Д. З.* . 168

Из записной книжки архивиста

Николай II—„доктор русской истории". С предисловием *Д. Заславского* 187

До Цусимы 193

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

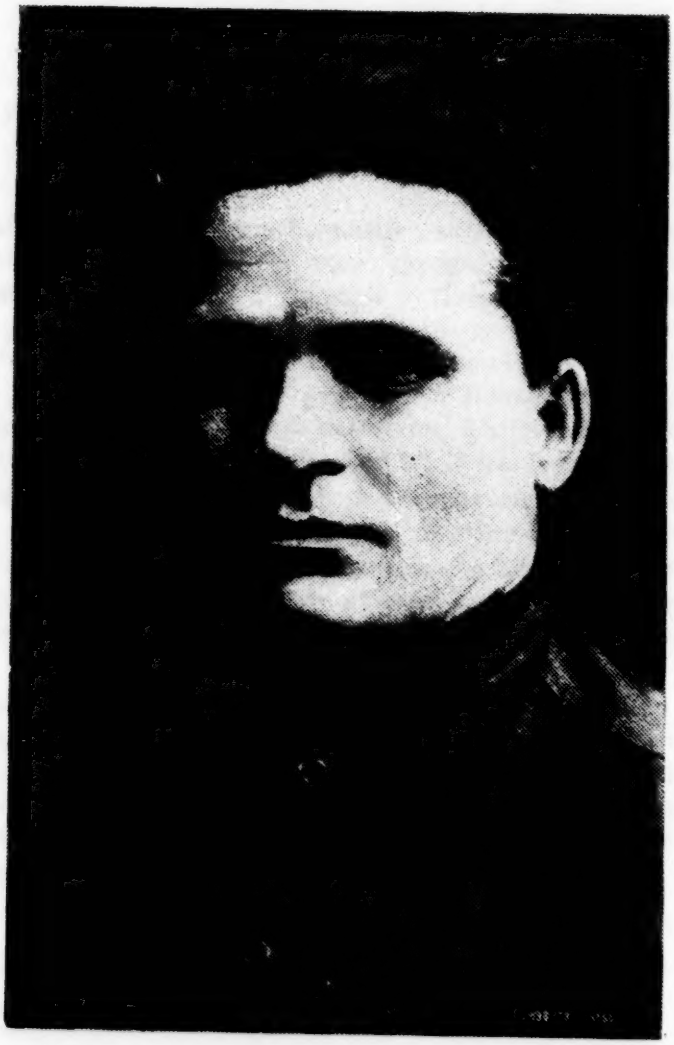
ТОМ ШЕСТОЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сдано в произв. 10/XI — 23 XII 1934 г. Подписано к печати 23-27/I 1935 г.
Статфор. Б, 176 × 250 13 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 37. З. т. 1024
Уполн. Главлита Б—41212 Тираж 2550

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.



Сергей Миронович КИРОВ

(1886—1934)

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Центральный комитет ВКП (большевиков) с великим прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех трудящихся Союза ССР и трудящихся всего мира, что 1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии, пламенный, бесстрашный революционер, любимый руководитель большевиков и всех трудящихся Ленинграда, секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(большевиков), член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Сергей Миронович К и р о в.

Потеря товарища Кирова, любимого всей партией и всем рабочим классом СССР, кристально чистого и непоколебимо стойкого партийца, большевика-ленинца, отдавшего всю свою яркую, славную жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является самой тяжкой потерей для всей партии и Страны Советов за последние годы.

Центральный комитет верит, что память о товарище К и р о в е, светлый пример его бесстрашной, неутомимой борьбы за пролетарскую революцию, за строительство социализма в СССР будут вдохновлять миллионы пролетариев и всех трудящихся на дальнейшую борьбу за торжество социализма, за окончательное искоренение всех врагов рабочего класса.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Центральное архивное управление СССР включило в свой план работы на 1935 год издание сборника исторических документов о тов. С. М. КИРОВЕ, павшем на боевом посту от руки подлого агента подлой контрреволюционной банды последышей зиновьевской антисоветской группки.

Эти документы, выявление которых ведется как в центральных, так и местных архивохранилищах, послужат материалом для развернутой биографии тов. С. М. КИРОВА,— в них отражены различные этапы кипучей революционной деятельности этого ближайшего соратника, ученика и друга великого СТАЛИНА, подлинного пролетарского трибуна, непримиримого большевика, всю свою жизнь отдавшего неустанной борьбе за великое дело партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА, за победу пролетарской революции во всем мире.

ЦАУ СССР

Из истории рабочего движения во время мировой войны

(Стачечное движение в Костромской губ.)

Настоящая публикация является продолжением публикации «Из истории рабочего движения накануне мировой войны», напечатанной в LXIV томе «Красного архива». Публикуемые здесь документы освещают рабочее движение в городе Костроме летом 1915 г.

Важнейшим этапом этого движения была экономическая забастовка Большой Костромской льняной мануфактуры, начавшаяся 2 июня и превратившаяся в политическое движение рабочих города Костромы против полицейского режима военного времени.

Правление Костромской мануфактуры в первый день забастовки угрожало лишением бастующих льготы от военной службы, которой они пользовались как работающие на оборону. Но это не помогло. 3 июня бастовали уже все шесть тысяч человек Большой мануфактуры, а 5 числа в 12 часов дня к ним присоединилось две тысячи рабочих фабрики Анонимного общества, несмотря на то, что полицией были предприняты все меры к тому, чтобы изолировать работающих от бастовавших.

Главноначальствующий Костромской губернии губернатор Мякинин в объявлении, вышущенном 3 июня, грозил репрессиями за стачку на Большой мануфактуре, как за стачку на правительственном предприятии «ввиду выполнения этой фабрикой срочных казенных заказов для нужд сражающихся за веру, царя и родину русских воинов», иначе говоря, грозил применением военной силы и отправкой на фронт.

5 июня вечером забастовавшие рабочие всей массой пошли снимать рабочих фабрики Зотова, работавших над приготовлением материалов для пулеметных лент и по заказам морского министерства, под охранным кордоном полиции, конных стражников и роты 670-й пешей дружины. Подойдя к фабрике Зотовых, рабочие начали строить баррикады против конных стражников, стали разбирать мостовую и проникли даже во двор фабрики.

Полиция открыла стрельбу по «скопищу» и арестовала ряд «зачинщиков». Арестовывали из-за засады, спрятавшись во дворе фабрики Зотовых, там же прятали арестованных, не смея вести их по улице.

Полиция скрывала, сколько было убитых, — во всех донесениях число убитых меняется. Но даже по полицейским сведениям оказались убитыми и тяжело ранеными: Миша Королев—10 лет, Катя Иванова, Митя Осипов и Ваня Смыслов — не старше 16 лет, Корзинин, Блохина, Шестаков, Рябишкина, Герасимова — 18—19 лет, и только трое: Ермолаев, Хохлова и Прокофьев были старше 20 лет. Среди убитых и раненых оказалось несколько рабочих фабрики братьев Зотовых.

Тов. министра внутренних дел Джунковский телеграммой одобрил расстрел и приказал предать военному суду «зачинщиков».

Однако расстрел не сломил сопротивления рабочих. Администрации Большой мануфактуры и Анонимного общества пришлось пойти на экономические уступки. Публикуемые здесь показания директора фабрики Костромской мануфактуры Шевал-

дышева выясняют, как он в контакте с фабричной инспекцией и губернатором пытался организовать сопротивление рабочим требованиям, переходя от угроз к уступкам. Но рабочие продолжали бастовать и «глухо волноваться». 7 июня в виде протеста против расстрела к бастующим примкнули печатники. 8-го к ним присоединилась фабрика Зотова. Положение оставалось напряженным. Движение грозило перебросится в Нерехтский, Костромской, Кинешемский уезды. 9 июня бастовали фабрики Симонова в селе Яковлевском, Нерехтского уезда, 10 июня — фабрика Кормилицына в селе Ильинском, Костромского уезда, 11 июня — фабрика Скорынина, Нерехтского уезда. Весь характер движения говорит о том, что движение среди этих текстилей было связано с движением в Иваново-Вознесенске в конце мая и начале июня. Движение начинало принимать общерайонный характер.

Политические мотивы движения всячески замазываются полицией во всех публикуемых документах, но факты скрыть трудно. 6 июня среди рабочих и около лагеря запасного батальона распространялась прокламация «К русскому солдату от русской женщины». Эта листовка отражает настроение работниц, она дышит ненавистью против войны и против царского режима. Женщины обращались к солдатам и просили их помощи. Что делать? Они голодают. Хлеба нет. Вероятно, они знали, что сотни тысяч пудов хлеба достались немцам в Либаве и Привислинском крае во время русского отступления в начале 1915 года, когда бездарные русские полководцы накопили там хлеб вместо снарядов и вынуждены были все запасы отдать немцам. Женщины наивно формулируют это в прокламации: «Неужели только для немца родила земля русская?», но они ясно видят, что для них хлеба нет. Где же он? «Что нам делать? Солдаты, защитите нас. Мы голодны и не можем работать. Нас, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Что делать? Научите нас».

Работницы еще не сделали для себя вывода: бороться против царского режима, против войны, за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Но своими действиями они уже делают это: движение костромских рабочих останавливает на время военное производство, дезорганизует тыл.

Руководил ли кто-нибудь этим движением, была ли большевистская организация в городе? Полицейские дознания и полицейский сыск не могли установить в городе влияния большевиков. Но оно налицо. Ни аресты до забастовки, ни постоянное наблюдение шпиков, ни расстрел, ни разгон профессиональной организации печатников не могли уничтожить большевистского влияния на рабочую массу. В этом отношении любопытен спор, освещаемый в донесении жандармского полковника Семигановского, между председателем «Профессионального общества рабочих печатного производства», который боялся репрессий и «берег» профсоюз, и П. К. Кагановичем и Мастом, которые настаивали «возможно шире и интенсивнее поддерживать движение против хозяев» и добились того, что печатники объявили политическую забастовку против расстрела. Разве это не показатели большевистского влияния? Из этого же документа мы узнаем, что Каганович был в 1908 г. членом подпольной с.-д. организации, Маст в 1912 г. был одним из распространителей большевистской газеты «Звезда», Симановский настаивал на активизации всех действий общества. Большевистское влияние проявляется и в самом движении масс. Даже начальник Костромского жандармского управления в письме к товарищу министра внутренних дел принужден это признать: «Наибольшим успехом в Костромской губернии пользуется учение с.-д. партии, имеющее довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. В наиболее крупных районах текстильных фабрик, как гг. Кострома, Кинешма», в рабочей массе «стало замечаться неповольство войной и возмущение существующим порядком в государстве». Далее он приводит выдержку из резолюции с.-д. конференции, происходившей в Иваново-Вознесенске 11 июля: «Принимая во внимание текущие события, группа находит современное положение стра-

ны критическим. Желая выйти из такого положения и следуя принципам социал-демократии, группа должна принять самые энергичные меры для возбуждения масс, требовать прав народу при помощи экономической стачки. При неудовлетворении — вести агитацию за вооруженное восстание с целью свержения современного правительства».

Июньские события в Костроме в 1915 г. показывают, что несмотря на ужасный полицейский гнет и репрессии военного времени, несмотря на провокации, провалы и т. д., рабочее движение в годы мировой войны, руководимое партией большевиков, росло и крепло. Победа рабочего класса была близка.

М. Иноземцев.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 14 июня 1915 г. № 304 [1]).

С поступлением от военного ведомства заказов на частные фабрики, многие прядильные фабрики Костромского фабричного района перешли на изготовление этих заказов исключительно из разных грубых сортов пряжи и почти прекратили выработку наиболее тонких сортов. В мирное время, когда на этих фабриках вырабатывались и тонкие и грубые сорта пряжи, существовала нормальная расценка платы рабочим за выработку этих сортов, дававшая каждому единичному рабочему определенный заработок, более или менее удовлетворявший его. Когда же фабрики прекратили выработку тонких сортов пряжи, дававших рабочему наибольший заработок, и перешли на выработку в большинстве грубых сортов, уплачивая за них рабочим по существовавшей на эти сорта расценке, то этим самым ежемесячный средний заработок каждого рабочего при выработке заказов военного ведомства понизился. Так как в это же время рабочие видели, что благодаря массовым заказам фабрикант зарабатывает больше, чем до выполнения заказов военного ведомства, то естественно среди них началось брожение с целью урегулировать свой заработок и повысить его, причем на большинстве фабрик рабочие избирали для этого свой старый путь — объявления забастовки и предъявления требований. Так как эти требования были экономические, то обыкновенно забастовка заканчивалась, когда тем или другим способом данный фабрикант и его рабочие приходили, при содействии фабричной инспекции, к какому-либо соглашению. При этом все возрастающая дороговизна жизни заставляла рабочих постепенно повышать свои требования, поддерживая их также угрозой забастовки.

Между прочим, на фабриках г. Костромы такие экономические забастовки, продолжавшиеся один-два дня и иногда даже только частью фабрики, начались с февраля месяца сего года и продолжались с перерывами до последнего времени, причем прибавки к заработку рабочих, на которые соглашались фабриканты, дошли от 10% на заработанный рубль до 25—30% на рубль и до 2 рублей квартирных денег в месяц. При наблюдении за рабочими было установлено, что на предъявление требований их вызывала не какая-либо определенная организация, а пример одной фабрики заражал другую — когда на какой-либо фабрике получалась рабочими прибавка, то соседняя требовала за ней того же, причем фабриканты, действуя не солидарно, прибавляли

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 20. Документы подгот. к печати Е. В. Горелкина.

неодинаково — один набавит расценку, другой прибавит процент на заработанный рубль, третий квартирные деньги и т. д., что, в свою очередь, вызывало среди рабочих разных фабрик постоянное стремление получить то, что имеют рабочие на другой фабрике.

Все это, несомненно, создавало известную организованность рабочих, и в их действиях получалась солидарность.

Полковник Семигановский.

Телеграмма костромского губернатора министру внутренних дел от 5 июня 1915 г. № 450 [1]).

Днем 1 июня в Костроме на фабрике товарищества Большой льняной мануфактуры рабочие предъявили требования квартирных денег, но работу продолжали. 2 июня днем около трех тысяч рабочих прекратили работы, определенных требований не предъявили, выражая желание квартирных денег. 3 июня с утра прекратили работу все шесть тысяч рабочих фабрики; 3 и 4 июня администрацией завода и рабочими велись переговоры, и 4-го, казалось, было достигнуто соглашение. Рабочие все время вели себя спокойно, при первом требовании расходились. Все меры предосторожности были приняты; на соседние фабрики забастовка не переходила. Сегодня, вопреки ожидания, рабочие снова забастовали, предъявили новые экономические требования, причем настроение у них тревожное. О последующем донесу дополнительно.

[Губернатор Мякинин.]

Объявление администрации рабочим товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 2 июня 1915 г. [2]).

Правление товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры доводит до сведения рабочих следующее.

1) На фабрике товарищества без всяких заявлений со стороны рабочих были сделаны прибавки к заработной плате в феврале и мае, в общем, до 25%. Больше никаких прибавок не будет.

2) Фабрика в настоящее время работает почти исключительно для армии, поэтому остановка работы на фабрике вызовет задержку доставки предметов снаряжения армии и будет на-руку нашим врагам.

Кроме того, ввиду военных заказов, правительством были освобождены ратники, работающие на фабрике. В случае останова работы льгота эта пропадает.

Грозное время, переживаемое отечеством, требует напряженной работы и полного спокойствия внутри страны.

Не время бастовать, необходимо работать.

Правление товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры.

2 июня 1915 г.

Объявление главноначальствующего Костромской губернии [3]).

3 июня 1915 г.

Считаю долгом напомнить рабочим и служащим на фабрике товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры, что ввиду выпол-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 6. Воспроизводится по копии деп. полиции.
[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 78.
[3]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 188. Заголовок подлинника.

нения этой фабрикой срочных казенных заказов для нужд сражающихся за веру, царя и родину русских воинов, виновные в возбуждении к стачке, а также самовольно, по соглашению между собой прекратившие или приостановившие на ней работы, согласно закону, подлежат преследованию и наказанию, как за стачку на правительственном предприятии.

Обращаюсь при этом с просьбой ко всем рабочим фабрики не останавливать в настоящее военное время правильного хода работ на фабрике и не создавать этим затруднений и замешательств, которые наруку и могут принести пользу исключительно лишь нашему врагу, с такой яростью набросившемуся и наступающему на святую Русь.

Главноначальствующий Костромской губ.
губернатор Мякинин.

Из протокола показаний помощника костромского полицеймейстера судебному следователю Костромского окружного суда по важнейшим делам от 6 июня 1915 г.[1]).

3 июня сего года на фабрике Большой Костромской льняной мануфактуры, в городе Костроме, началось забастовочное движение среди рабочих, предъявивших фабричной администрации требование об установлении помесячного квартирного довольствия для рабочих. Из всех костромских фабрик 3 и 4 июня означенное движение происходило на одной лишь фабрике товарищества Большой льняной мануфактуры. Около 12 часов 5 июня бастующие рабочие этой фабрики, в числе около 1000 человек, вышли с фабричного двора толпою и направились по Царевской улице, пытаясь проникнуть на центральные улицы города. Приказом, отданным наряду полицейских чинов, бывших в фабричном районе, толпа рабочих была рассеяна, причем последние обманули полицию, сделав вид, что они расходятся по домам. Вскоре однако та же толпа, и приблизительно в том же количестве участников, пробравшись задворками, переулками и окраинными улицами к воротам фабрики Анонимного общества, остановилась здесь, причем, увидев вход в ворота фабрики запертым и охраняемым чинами полиции, несколько человек из толпы рабочих бросились бежать к забору, ведущему через сад во двор названной фабрики и, проломив отверстие в заборе, проникли во двор, а затем в фабричный корпус, где насильственным способом сняли с работы 2 000 человек рабочей смены.

Вместе со снятыми рабочими фабрики Анонимного общества рабочие фабрики Кашина, или иначе товарищества, направились огромной толпой к фабрике бр. Зотовых, вырабатывающей материалы для пулеметных лент и материалы для морского министерства, с явною целью насильственного прекращения работ на этой фабрике, где они еще продолжались. В расстоянии 240 шагов от ворот фабрики бр. Зотовых наряд полиции в составе 25 стражников, вооруженных винтовками, под моей командой, преградил дорогу скопищу рабочих, причем многие из толпы, высказывая возмущение по поводу присутствия конных стражников, заявили мне, что они доведут дело до конца, не взирая даже на то, если бы в них стреляли.

---

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 6.

Около 3 часов пополудни нескольким десяткам из стоявшего возле фабрики скопища удалось, обежав по задворкам фабрику бр. Зотовых, сломать заднюю калитку и, проникнув в фабричные корпуса, пытаться насильственно прекратить работы на фабрике. Из вторгшейся в фабричные корпуса кучки задержаны были немедленно 9 человек, оказавшихся бастующими рабочими фабрик Большой Костромской льняной мануфактуры и Анонимного общества. Задержанные помещены были в сторожку, расположенную на фабричном дворе, под охраной полицейских городовых и двух рядовых прибывшей к тому времени и прошедшей мимо скопища рабочих роты 670-й Костромской пешей дружины.

Задержанных рабочих, переданных военной власти, не удалось немедленно отправить по назначению, так как на пути от фабричных ворот к городу стояла значительная толпа рабочих, состоящая из мужчин, женщин и подростков, настроенная явно враждебно против присутствующих стражников и полицейских чинов. Вскоре скопище рабочих устремилось на образованную нарядом стражников цепь, начало бросать в стражников камнями, выломанными из проходящей мимо фабрики мостовой. Независимо от сего, некоторыми из толпы был спилен стоявший по близости телефонный столб, причем проволоки последнего были подтянуты и укреплены к расположенным через дорогу телеграфному и фонарному столбам, так что получилось заграждение, препятствовавшее проезду конных стражников. Устроив эту преграду, толпа, бросая булыжником из разрушенной на пути ее прохождения мостовой, начала теснить отряд полицейских стражников по улице к воротам фабрики бр. Зотовых, настойчиво требуя освобождения 9 арестованных за вторжение в фабричный корпус. При этом некоторые из стражников получили ранения.

Видя, что намерения скопища приняли явно угрожающий характер, я, распоряжавшийся действиями полиции, приказал отряду стражников произвести залп из винтовок. Залп был произведен, но никто из толпы ранен или убит не был. После этого в толпе раздались крики: «Не бойтесь, у них нечем стрелять, патронов нет». И одновременно с этим толпа рабочих бросилась ко мне и отряду стражников, стоявших поперек улицы, причем я, получив несколько ударов камнями и видя, что рабочие, не ограничиваясь бросанием камней, начали стрелять из бывшего у некоторых из них огнестрельного оружия, вновь распорядился произвести выстрелы, после чего выстрелами были ранены находившиеся в числе участников скопища 7 мужчин и 6 женщин: из числа их один убит был на месте происшествия, двое же других мужчин и женщина, — как мне известно, — скончались по доставлении в фабричную больницу.

Личности убитого и раненых рабочих были установлены и оказались: 1) крестьянин Нерехтского у., Сидоровской вол., дер. Худынской Иван Ионов Корзинин, 18 лет, рабочий фабрики Михина; 2) крестьянин Костромского у., Каримовской в., дер. Чижова Александр Андреев Ермолаев, 27 лет, рабочий фабрики бр. Зотовых; 3) крестьянин Костромского у., Семеновской вол., д. Окатова Михаил Михайлов Королев, 10 л.; 4) крестьянка Нерехтского у., Блазновской в., д. Пирогова Мария Зиновьева Блохина, 18 л., рабочая фабрики Кашина; 5) крестьянка Костромского у., Башутинской вол., д. Лиходеева Екатерина Никитина Иванова, 16 лет; 6) крестьянин Костромского у., Пушкинской вол., д. Пуловлева Дмитрий Степанов Осипов, 16 л., рабочий фабрики бр. Зо-

товых; 7) мещанин г. Костромы Александр Николаев Шестаков, 19 л., рабочий фабрики Чумакова; 8) крестьянин Костромского у., Шишкинской вол., д. Федорка, рабочий фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры Иван Ефимов Смыслов, 16 лет; 9) крестьянка Костромского у., Коряковской вол., д. Захарова Александра Лукоянова Рябишкина, 17 л., рабочая той же фабрики; 10) крестьянка Костромского у., Башутинской в., д. Лиходеева Александра Никитина Иванова, 20 лет, рабочая той же фабрики; 11) крестьянка Нижегородской г., Кирилловского у., Зауломовской в., д. Сосунова Авдотья Петрова Хохлова, 28 лет, рабочая той же фабрики; 12) крестьянин Нерехтского у., Яковлевской в., д. Рогачева Иван Константинов Прокофьев, 30 лет, рабочий той же фабрики, и 13) крестьянка Нерехтского у., Золотиловской вол., дер. Дюдякова Анна Николаева Герасимова, 19 лет, рабочая той же фабрики.

Что касается задержанных во дворе фабрики Зотовых 9 лиц, о которых я показывал ранее, то они, как выяснилось, оказались следующими лицами: 1) крестьянами Костромской губернии и уезда, Гридинской вол., с. Рождественского Василием Ивановым Кокушкиным, 2) Апраксинской вол., дер. Чечулина Иваном Васильевым Копытцевым, 3) Бахмутинской вол., д. Окулова Иваном Павловым Моревым, 4) Бычихинской вол., д. Невежина Василием Васильевым Веселовым, 5) Колшевской вол., д. Догадкина Иваном Васильевым Костровым, 6) Белореченской вол., с. Федорова Александром Федоровым Тихомировым, 7) Вологодского у., Вопревской вол., с. Порозова Константином Ефимовым Бокаревым, 8) Коряковской вол., дер. Захарова Михаилом Васильевым Болотовым и 9) плесским мещанином Иваном Михайловым Сорокиным.

Исполняющий должность судебного следователя по важнейшим делам [подпись].

Телеграмма костромского губернатора министру внутренних дел от 6 июня 1915 г. № 474 [1]).

В дополнение телеграммы доношу: в час дня на фабрике Большой мануфактуры было вывешено объявление о расторжении договоров и закрытии фабрики на неопределенное время. Рабочие во 2-м часу большой толпой двинулись в город, были остановлены полицией и рассеялись, но часть задворками пробралась, сломав забор, на фабрику Анонимного общества и успела снять с работы всех рабочих, около тысячи человек. Затем бросилась к фабрике Зотова, где производится много заказов военного ведомства. Здесь полиция успела их перехватить, и 9 ворвавшихся на фабрику арестованы. Толпа, в которой было много женщин и подростков, собралась у фабрики Зотова и стала себя вести агрессивно. Я немедленно поехал на место; часть мостовой была разобрана, повидимому, для цели нападения. Я убеждал толпу разойтись и не чинить беспорядков. Толпа, видимо, успокоилась, но просила освободить арестованных, в чем категорически отказано. Для охраны завода вызвал роту. Около 9 часов вечера толпа значительно увеличилась, стала бросать камнями в стражников; приказано было разогнать толпу нагайками. Толпа повалила телеграфный столб, устроила баррикаду и не

[1]) ДП, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 8.

поддалась; тогда стражникам было приказано произвести залп; толпа рассеялась. Убито двое; число раненых не выяснено.

Губернатор Мякинин.

Телеграмма товарища министра внутренних дел Джунковского костромскому губернатору от 7 июня 1915 г. № 1443 [1]).

№ 474. Действия ваши одобряю. Выясните зачинщиков, [чтобы] предать их военному суду. Держите меня в курсе дела ежедневно. № 1443.

За министра внутренних дел Джунковский.

Телеграмма костромского губернатора товарищу министру внутренних дел Джунковскому от 8 июня 1915 г. № [486] [2]).

Дополнение телеграммы № 474. Пятого убитых оказалось четыре, раненых выяснено пока девять; из чинов полиции получили ушибы камнями помощник полицеймейстера, четыре городовых, двенадцать стражников; ушибы легкие. Шестого работы на фабрике Зотова продолжались, на фабрике Большой мануфактуры и Анонимного общества бастовали. В городе настроение было тревожное. Шестого [много] слухов о возможности погромов. Ездил на фабрику Большой мануфактуры, куда собрал часть рабочих, убеждал не нарушать порядок, начать работы. Хотя настроены примирительно, но, ввиду несомненного присутствия приезжих из Москвы агитаторов, положение остается невыясненным. Около лагеря запасного баталиона найдены разбросанными прокламации. Сегодня, седьмого [3]), ввиду крестного хода и ярмарки, ожидались беспорядки. Были приняты при участии войска строгие меры предосторожности, и все прошло благополучно. Забастовали только в виде протеста все работающие на частных типографиях. Розыски и расследование деятельности производятся.

[Губернатор Мякинин].

Прокламация костромских женщин-работниц к солдатам [4]).

Июнь 1915 г.

К русскому солдату от русской женщины.

Солдаты! К вам обращаемся мы за помощью. Защитите нас. Наших отцов, сыновей и мужей забрали и отправили на войну, а нас, беззащитных, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Некому нас защитить! Защитите вы нас!

Нам говорят: работайте спокойно, но мы голодны и не можем работать. Мы просили, и нас не слышали, мы стали требовать, и нас расстреливали. Говорят, нет хлеба. Где же он? Неужели только для немца родила земля русская?

Солдаты!

Что нам делать? Научите нас, помогите нам! У нас нет близких.

Женщины-работницы.

---

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 13.
[2]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 15.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 35, лит. В, л. 10.

Доклад начальника Костромского губернского жандармского управления департаменту полиции от 25 июля 1915 г. № 423 [1]).

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Местная организация партии социал-демократов.
Принадлежит к . . . . . [2]) областному комитету.
Возникла в 1903 г. в ноябре месяце.

Деятельность проявляется в следующих пунктах губернии. В городах: Костроме, Кинешме, селах: Новой Вичуге, Гольчихе Кинешемского, села Середе Нерехтского и селе Родниках Юрьевского уездов.

Местные комитеты имеются в следующих пунктах. Комитетов нет, есть отдельные лица и кружки, самостоятельно ведущие сношения между собой.

Втечение отчетного месяца деятельность организации проявилась в следующем (совершенно кратко). Лица местной с.-д. группы, входившие в состав «Профессионального общества рабочих печатного производства», создали забастовку печатников в виде протеста против примененной полицией силы в столкновении с фабричными рабочими.

Были изданы или распространены втечение отчетного месяца следующие революционные издания (поименовать и приложить образцы). Отпечатаны ручным способом типографским шрифтом в количестве около 2-х десятков и распространены прокламации «К русскому солдату от русской женщины».

Технические предприятия (типографии, лаборатории, склады литературы и оружие) имеются или ставятся в следующих пунктах. Нет.
Боевые организации имеются в . . . . Нет.
Военные организации имеются в. . . . . Нет.
Секретных сотрудников имеется: а) интеллигентов — . . . . ., б) рабочих—5. Вспомогательных—15.

Полковник Семигановский.

Объявление администрации рабочим фабрики товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 4 июня 1915 г.[3]).

Правление товарищества, уже повысив с 1 февраля с. г. постоянные заработки рабочим на 10—15% и, кроме того, по случаю тяжелого военного времени в мае с. г. сделав временную прибавку до 1 октября в размере 10%, ныне по желанию рабочих временную последнюю прибавку, равную 10%, заменяет квартирными деньгами, которые будут выдаваться постоянно с 1 июня с. г. ежемесячно в следующем размере:

Рабочим малолетним (12—15 л.).	75 коп.
» подросткам(15—17 л.).	1 руб.
» взрослым (муж. и женщ.).	2 руб.

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 35, лит. В, л. 8.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Моск. военно-окружный суд., 1915 г., д. № 637, л. 70

Кроме того, ввиду вздорожания продуктов первой необходимости, правлением товарищества будут приняты меры, и по возможности работ на фабрике рабочим будет устроена льготная продажа с 15 июня с. г. на все время войны (через общество потребителей) на таких условиях: каждый рабочий старше 15 лет втечение месяца может получать следующие товары по ценам:

	Количество	Цена	Сумма
Муки ржаной обдирной . . .	1 пуд —	1 р. 35 к.	1 р. 35 к.
Муки пшеничн. 2-й голуб. . . .	1 пуд —	2 р. 30 к.	2 р. 30 к.
Пшена	— 10 ф.	1 р. 60 к.	— 40 к.
Гороху.	— 05 ф.	1 р. 80 к.	— 22½ к.

Разницу же — убыток от этих цен товарищество принимает на себя.

Правление товарищества:
С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление администрации рабочим фабрики товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 5 июня 1915 г.[1]).

Несмотря на все сделанные правлением уступки, рабочие предъявили новые требования и на работы стать не пожелали.

Договор найма с рабочими считается расторгнутым с 1 часу дня сего 5 июня, и фабрика закрывается на неопределенное время.

О дне выдачи расчета рабочим будет объявлено особо.

Правление товарищества Большой
Костромской льняной мануфактуры:
С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление администрации рабочим фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры от 6 июня 1915 г.[2]).

Замена десятипроцентной прибавки. назначенной к выдаче по 1 октября, квартирными деньгами оказалась по подсчету невыгодной для рабочих, зарабатывающих более 20 рублей в месяц.

Не желая понижать заработок рабочих, правление товарищества постановило: всем, для кого замена десятипроцентной прибавки квартирными деньгами окажется в конце месяца невыгодной, то есть менее 10% прибавки, — доплатить разницу, эта доплата будет продолжаться до 1 октября с. г.

Таким образом, с 1 октября будут сохранены квартирные деньги навсегда, в размерах, уже объявленных, и понижение цен на продукты первой необходимости до конца войны, согласно объявления от 4 сего июня.

Если же рабочие и при этих условиях не приступят к работе, то начиная с 10 час. утра 10 сего июня рабочим предлагается получить полный расчет, для получения которого рабочие небольшими группами

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 80.
[2]) Моск. военно-окружный суд., 1915 г., д. № 637, л. 84.

будут допускаться к конторе фабрики. Только к 10 июня может быть окончен подсчет расчетных книжек.

Правление товарищества:

С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Объявление правления товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры от 8 июня 1915 г.[1]).

По последней просьбе рабочих рабочим будут выданы ежемесячные квартирные деньги в следующем размере:

взрослым (мужчин. и женщ.).	2 руб.
подросткам (15—17 л.).	1 руб.
малолетним (12—15 л.).	—75 коп.

Кроме того для всех будет сохранена последняя майская десятипроцентная прибавка до 1 октября сего года.

Все объявления, вывешенные до сего времени, теряют свою силу, так как сами рабочие предпочитают десятипроцентную прибавку удешевлению харчей.

Так как депутаты от рабочих заявили, что после этого объявления все рабочие станут на работу, то на фабрике будет дан свисток.

Если же к работам не приступят после свистка, то рабочим будет предложен расчет 10 июня.

Правление товарищества:

С. Третьяков.
В. Шевалдышев.

Протокол показания директора фабрики Большой Костромской льняной мануфактуры судебному следователю Костромского окружного суда по важнейшим делам от 17 июня 1915 г.[2]).

Владимир Алексеевич Шевалдышев, пот. поч. гражданин, живу в г. Костроме, 39 лет, правосл., не судился.

Первого июня сего года мне сообщили, что чесальное отделение на фабрике остановило работы, но требований никаких не предъявило. Так как рабочие не изъявили желания говорить со мной, то я на фабрику не пошел. Часа через два мне сообщили, что чесальщики просят меня к себе в корпус. Когда я пришел в корпус, то в корпусе кроме чесальщиков появились рабочие из других отделений. Чесальщики заявили мне, что они просят дать им квартирные деньги, как это сделано на фабрике у Зотовых. Я объяснил рабочим, что прибавка, сделанная нами в мае месяце, больше прибавки Зотовых и что замена этой прибавки квартирными деньгами невыгодна для самих же рабочих. Когда я начал объяснять рабочим, почему считаю уплату квартирных денег как нечто особое от общего заработка, неправильной и невыгодной для рабочих, то из толпы рабочих кто-то крикнул: «Не [надо] его слушать! Слыхали мы эти сказки». После такого заявления мне при-

[1]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 82.
[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 637, л. 76.

шлось заявить рабочим, что я пришел с ними разговаривать, а не слушать дерзости, и уйти из корпуса.

2 июня забастовала ткацкая фабрика, чесальщики же приступили к работам, но через некоторое время опять забастовали. Затем забастовали рабочие и по другим отделам, причем требований, как это делали на прежних забастовках, никаких никто не предъявлял. Мной было вывешено объявление за № 1 [1]), при сем прилагаемое, которым я надеялся повлиять на рабочих, так как наша фабрика в настоящее время исполняет военные заказы. Остановка работ на нашей фабрике могла бы вызвать остановку ряда фабрик, исполняющих из нашей пряжи заказы того же военного ведомства. Об этом мной было доведено до сведения рабочих.

3 июня забастовка на фабрике продолжалась, и никаких требований рабочие не предъявляли. 4 июня рабочие попросили приехать фабричного инспектора, которому изложили свои желания. По совету с фабричным инспектором было вывешено объявление № 2 [2]), которое при сем прилагается. Рабочие заявили, что на условиях, предложенных объявлением № 2, на работы они станут. 5 июня к работам рабочие не приступили. Мной было вывешено объявление № 3 [3]). До часу дня я лично вел переговоры с рабочими и просил рабочих к городу и в город толпой не ходить. Упрашивал рабочих спокойно разойтись по домам, так как вся толпа рабочих, собравшихся 5-го у конторы фабрики, была возбуждена, и среди нее главным образом фигурировала молодежь. Около часу дня рабочие вышли с фабрики и отправились по Царевской улице. Я же уехал из Костромы, так что знаю о последующих событиях 5 июня только по слухам. 6 июня на фабрику были приглашены губернатором рабочие ткачи, с которыми вел переговоры начальник губернии. После этих переговоров было вывешено объявление № 4 [4]). Рабочие заявили, что на условиях, предложенных объявлением за № 4, они на работу стать не могут. Наконец, было вывешено объявление № 5 [5]), с которым рабочие согласились, и 7 июня стали на работу. 8 июня вновь забастовало ткацкое отделение с просьбой освободить арестованных рабочих. После долгих разъяснений рабочим, что арест того или иного лица зависит не от фабриканта, что требование предъявлено не по адресу, рабочие изъявили готовность работать и стали на работу 9 июня с. г. Насилий на фабрике товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры во время забастовки не было.

Потомственный почетный гражданин директор
Шевалдышев.

Исполняющий должность судебного следователя по важнейшим делам [подпись].

Телеграмма костромского губернатора товарищу министра внутренних дел от 9 июня 1915 года № 490 [6]).

Дополнение телеграмм № 470 и № 486. Восьмого забастовала в виде протеста против стрельбы фабрика Зотова. Администрация Большой

[1]) См. стр. 8.
[2]) См. стр. 13.
[3]) См. стр. 14.
[4]) См. стр. 14.
[5]) См. стр. 15.
[6]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 16.

мануфактуры сделала уступки; в час дня часть рабочих стала на работу. В типографиях рабочие были сняты; виновные выяснены, заключены в тюрьму. Напали на следы организации; розысками, дознанием руковожу лично. Девятого фабрики Большой мануфактуры и Зотова работают полностью, бастует Анонимное общество, где идут переговоры; требования экономические. Поступают сведения об уездах Нерехтском, Юрьевецком; брожение среди рабочих на почве дороговизны; вызвал фабрикантов, принимаю меры к падению цен, рассчитываю, что удастся предупредить беспорядки. О дальнейшем буду сообщать почтой.

Губернатор Мякинин.

Доклад костромского губернатора товарищу министра внутренних дел Джунковскому от 13 июня 1915 г. № 117[1]).

В дополнение к телеграммам моим от 5, 7 и 9 сего июня за №№ 490, 474 и 486 и согласно телеграммы вашего превосходительства на № 474 имею честь представить о ходе забастовочного движения по Костромской губернии нижеследующие сведения.

10 июня работы на фабриках Большой Костромской льняной мануфактуры и бр. Зотовых прошли в полном порядке, на фабрике же Анонимного общества продолжали итти переговоры между администрацией и рабочими, причем требования последних чисто экономические, и никаких эксцессов с их стороны проявлено не было. 11 июня, с утра, ткачи на фабрике Большой Костромской мануфактуры, в числе около тысячи человек, объявили забастовку, как протест против произведенного в ночь на это число жандармскими и полицейскими чинами ареста двух их товарищей, привлеченных к делу о насильственном 5 июня снятии с работ рабочих фабрики Зотова, и заявили администрации завода, что просят освобождения всех арестованных по делу стачки. Остальные рабочие фабрики (5000 человек) к стачке не примкнули и продолжали работать. Мною, через администрацию завода, было объявлено, что никакие домогательства об освобождении арестованных успеха иметь не будут и что, если забастовщики не станут на работу, к стачке их, как к стачке политического характера, будут применены строгие меры репрессии. На следующий день с утра работы на фабрике полностью возобновились в полном порядке и в полном же порядке протекают и сегодня. На фабрике Анонимного общества часть рабочих взяла расчет и перешла на другие фабрики, другая же часть сегодня заявила, что соглашается работать на новых, предложенных администрацией, условиях, и последняя вывесила объявление, что если утром в понедельник на фабрику явится достаточное для хода работ количество рабочих, то фабрика будет пущена в действие. Таким образом есть полное основание ожидать, что с понедельника 15 июня рабочая жизнь на всех фабриках г. Костромы войдет в нормальную колею.

Забастовка в типографиях длилась лишь один день и имела характер политического протеста против бывшей 5 июня стрельбы. Все принуждавшие к забастовке, в числе семи человек, арестованы, — скрылся лишь один рабочий Симановский,—причем выясняется, что они, повидимому, руководили забастовками на фабриках, и почти все состоя-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 22.

ли в составе правления Костромского профессионального общества печатного производства, которое мною, по этому поводу, и закрыто. Дознание о них производится начальником жандармского управления Семигановским, дела же о принуждавших к забастовке на фабрике Зотова и о нападении на полицию с целью освобождения арестованных препровождены судебному следователю и будут переданы в военный суд.

Что касается, наконец, забастовочного движения в уездах, то пока забастовали лишь три фабрики: 9 июня фабрика Симоновой в селе Яковлевском, Нерехтского уезда, 10 июня — Кормилицына в с. Ильинском, Костромского уезда, и 11-го — Скорынина в Нерехтском уезде, предъявившие лишь экономические требования. Первая забастовка уже окончилась, а вторая близится к концу. Вообще, благодаря тому, что владельцы фабрик охотно идут навстречу требованиям рабочих, вызванным вздорожанием продуктов, можно думать, что серьезных осложнений с рабочим вопросом в ближайшем времени удастся избежать. Тем не менее все меры предосторожности приняты, и полицейская стража фабричных уездов усилена стражею из северной, нефабричной части губернии. Несколько более тревожное брожение наблюдается лишь в Середском районе, Нерехтского уезда и в части Кинешемского.

Губернатор Мякинин.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 16 июня 1915 г. № 317 [1]).

10 сего июня подмастерья 2-й смены бумаготкацкой фабрики Скорынина, в числе 21 человека, в 6 часов вечера прекратили работу и предъявили заведующему фабрикой Наумову словесное требование о прибавке 1¼% с комплектной выработки. Наумов сказал, что он доведет до сведения хозяина, от которого и будет зависеть прибавка, а до получения ответа просил подмастерьев стать на работу, но они отказались и спокойно разошлись. 11 июня подмастерья 1-й смены, тоже в количестве 21 человека, придя в 4 часа утра на фабрику и пробыв там без работы с час времени, вышли с фабрики и, дождавшись Наумова, предъявили то же самое требование, что и подмастерья 2-й смены, и разошлись по домам.

Ввиду невозможности продолжения работы без подмастерьев, Наумов предлагал более опытным ткачам заменить подмастерьев, но ткачи от этого отказались. Среди ткачей начался разговор, что как только подмастерья получат прибавку, то прекратят работу они. Подмастерья зарабатывают 23—25 рублей в месяц, а ткачи в среднем 8—10 рублей. Предъявленное требование подмастерьев исчисляется около 4 рублей в месяц. 11 июня рабочие 2-й смены, около 615 человек, в 7 часов вечера прекратили работы и, не предъявив никаких требований, разошлись по домам. 12 июня не вышла на работу и 1-я смена, и около 12 часов дня человек 300 из обеих смен пришли к фабричным воротам и попросили к себе Наумова, которому и заявили, что не приступят к работе, пока не будут удовлетворены предъявляемые ими требования: 1) прибавить 1 квартирный рубль к ранее получаемому рублю, 2) прибавить 20% на заработанный рубль, 3) прибавить 10 копеек за рабочий день и 4) при-

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 26.

нять всех уволенных ранее за забастовки. Наумов, объявивший в этот день о прибавке 1 рубля по случаю вздорожания жизни, ответил, что на эти требования хозяин не согласится, но рабочие просили его передать хозяину об их требованиях и заявили, что 17-го числа придут за ответом, работать же с прибавленным рублем не станут. Рабочие держатся спокойно.

Об изложенном доношу департаменту полиции.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 27 июня 1915 г. № 340 [1]).

В дополнение к записке моей от 16 июня 1915 года, за № 317, докладываю департаменту полиции, что 17 сего июня рабочие фабрики Скорынина собрались на фабричном дворе для получения ответа на представленные ими требования и, узнав, что требования их удовлетворены быть не могут, заявили заведующему фабрикой Наумову, что на старых условиях они на работу пока не станут и вновь явятся за ответом и для переговоров 1 июля, и после этого спокойно разошлись по домам.

Полковник Семигановский.

Донесение начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 июля 1915 г. № 360 [2]).

В дополнение записок моих от 16 и 27 июня сего года, за №№ 317 и 340, докладываю департаменту полиции, что 1-го сего июля рабочие фабрики Скорынина, в количестве около 600 человек, собрались к воротам фабрики и попросили хозяина для переговоров. Скорынин, выйдя к рабочим, объявил им, что он ввиду вздорожания жизни с 1-го сего июля сделает некоторую прибавку, а именно: подмастерьям 1¼% с комплектного выработка, ткачам 10% на заработанный рубль и по 1 рублю в месяц на каждого рабочего на все время войны.

Рабочие прибавкой остались довольны и 2-го июля с 4-х часов утра приступили к работе.

Полковник Семигановский.

Отношение костромского губернатора в департамент полиции от 22 декабря 1915 г. № 11211 [3]).

19 сего декабря на фабрике товарищества Большой Костромской льнопрядильной мануфактуры прекратили работы рабочие ткацко-брезентового отделения в количестве 58 человек и предъявили к администрации фабрики требование об увеличении заработной платы.

Администрация фабрики требование рабочих удовлетворила, сделав прибавку по 5 копеек на каждый выработанный кусок брезента. В 12 часов в тот же день рабочие помянутого отделения приступили к работам.

Об изложенном имею честь уведомить департамент полиции.

И. д. губернатора Хозиков.

[1]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 29.
[2]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 32.
[3]) ДП, IV, 1915 г., д. № 30, ч. 2, л. 56.

Постановление начальника Костромского губернского жандармского управления о Кагановиче, Масте и других от 27 июля 1915 г.[1]).

1915 г. июля 27 дня, в г. Костроме, я, начальник Костромского губернского жандармского управления полковник Семигановский, рассмотрев производившуюся при вверенном мне управлении в порядке положения о государственной охране переписку о Кагановиче, Масте и др., нашел:

1) С осени 1914 г. в управление поступали сведения, что возвратившийся в г. Кострому из административной ссылки Петр Каганович[2]), вошедший членом в существовавшее здесь «Профессиональное общество рабочих печатного дела», подбирает себе единомышленников и настаивает на более интенсивной деятельности этого общества в целях улучшения быта рабочих-печатников и урегулирования их отношения к хозяевам. Под его влиянием общество, утвержденное с 7 июня 1914 г. и не проявлявшее особой деятельности, начало с января 1915 года оживать, был выбран состав правления, которое и стало собираться, причем собрания происходили в квартире секретаря общества Герца Маста, уступившего для этой цели свою комнату. Уже в марте деятельность правления придала особую остроту в отношениях между рабочими-печатниками и хозяевами типографий, начались забастовки их на экономической почве, и правление всячески поддерживало забастовавших, причем здесь агентура отметила некоторое несогласие в самом составе правления. В то время как Каганович и Маст настаивали на необходимости возможно шире и интенсивнее поддерживать движение[3]) рабочих-печатников против хозяев, председатель правления Василий Смирнов, являвшийся в то же время одним из учредителей общества, указывал, что такая деятельность может вызвать репрессии, и общество будет закрыто, не выполнив своей цели — улучшить условия труда своих членов, почему он настаивал на строгом соблюдении утвержденного устава общества. Такое ограничение деятельности общества не понравилось многим из его членов, и некоторые из них даже вышли из его состава. Между прочими вышли Георгий Буриченков и Андрей Медведев, находя общество недостаточно активным.

Когда в мае и июне на текстильных фабриках г. Костромы начались экономические забастовки, то агентура, хотя и указывала на знакомство Кагановича с рабочими некоторых из этих фабрик, но какой-либо агитации его среди этих рабочих не отмечала.

2) 5 июня экономические забастовки на фабриках г. Костромы закончились тем, что рабочие фабрики Кашина, не удовлетворившись заявлением администрации фабрики, направились по другим фабрикам и начали снимать там рабочих с работ. Задержанные у фабрики Зотова полицейским нарядом, они стали нападать на наряд и вынудили полицию употребить в дело оружие, результатом чего были убитые и раненые.

На это обстоятельство на утро 6 июня все типографии в г. Костроме решили реагировать забастовкой в виде протеста, причем эту забастов-

---

[1]) ДП, VII, 1915 г., д. № 2043, л. 5.

[2]) Петр Кириллович Каганович — один из активных участников революции 1905 г. в Костроме, член исполнительной комиссии Костромского совета рабочих депутатов. В настоящее время член ВКП(б).

[3]) В подлиннике «уважение».

ку вызвали наиболее активные рабочие, перебегая из одной типографии в другую и требуя общего прекращения работ.

Вечером 6 июня в городе появились в незначительном количестве прокламации, отпечатанные типографским шрифтом и озаглавленные «К русскому солдату от русских женщин», с просьбой к солдатам от женщин-работниц защитить их от произвола администрации. Агентурные сведения указывали, что отпечатал эти прокламации в количестве около двух десятков типографским шрифтом, ручным способом рабочий типографии Чемоданова — Григорий Симановский, а текст составил Каганович [1]).

Затем 7 июня некоторые из рабочих-печатников были в числе лиц, требовавших от полиции выдачи тел убитых для погребения, и так как тела не были выданы, то в виде протеста на это в понедельник 8 июня типографские рабочие снова забастовали, причем в типографии Крылова, где рабочие работали в этот день, ворвавшаяся группа рабочих-печатников насильственно прекратила работы.

3) Ввиду изложенного были произведены обыски у 1) Петра Кагановича, 2) Герца Маста, 3) Григория Симановского, 4) Василия Смирнова, 5) Георгия Буриченкова, 6) Николая Магницкого, 7) Александра Федорова и 8) Андрея Медведева. Названные лица были арестованы, за исключением Симановского, который ко времени обыска куда-то скрылся, и о них начата переписка в порядке положения о государственной охране.

4) При производстве переписки было установлено, что обысками, произведенными у вышеуказанных лиц, не было отобрано материала, имеющего значение для переписки, за исключением книги протоколов заседаний правления профессионального общества рабочих печатного производства, из осмотра которой видно, между прочим, что 30 марта 1915 года собралось экстренное собрание правления для разбора вопроса «о конфликте в типографии Азерского», причем по рассмотрении этого вопроса в протокол заседания было записано следующее: «Правление нашло, что содержатель типографии Азерский не имел права требовать от рабочих наборщиков-мелочников исполнять работу бойкотированную. Постановило: считать забастовку в типографии Азерского, вызванную им самим, правильной и взять на себя весь дальнейший ход забастовки».

О таковом решении правления взять на себя весь дальнейший ход забастовки, как выходящем из пределов устава общества, было сообщено от 17 июня за № 3497 [2]) г. костромскому губернатору на распоряжение.

16 июня был задержан и Григорий Симановский.

Кроме того, при наблюдении за Кагановичем, было установлено, что из рабочих текстильных фабрик г. Костромы его посещал наиболее часто ткач кашинской фабрики Алексей Прокофьев Мозжухин, приход которого к Кагановичу был отмечен и 6 июня, т. е. в день забастовки

[1]) Вопрос о том, кто являлся составителем прокламации, не выяснен, — во всяком случае, не П. Каганович, в чем сомневались даже полицейские. Так, 30 августа 1915 г. начальник Костромского губернского жандармского управления сообщил департаменту полиции: «Хотя по переписке и были получены указания, что эта прокламация составлялась Кагановичем, а воспроизводилась и распространялась Симановским, но указания эти были не настолько определенны, чтобы их можно было использовать для привлечения указанных лиц в качестве обвиняемых».

[2]) В деле не сохранилось.

типографий и распространения прокламаций «Русскому солдату от русской женщины», ввиду чего Мозжухин был обыскан и задержан 13 июля, с целью выяснения, не пользовался ли Каганович Мозжухиным как связью рабочих-печатников с рабочими фабрик.

По обыску у Мозжухина не было обнаружено материала, могущего иметь значение для дела, и при производстве переписки не было добыто каких-либо данных, указывавших на то, что Каганович влиял на рабочих фабрик вообще и через Мозжухина в частности, ввиду чего Мозжухин из-под стражи был освобожден 27 июля. Что касается до остальных вышеупомянутых лиц, задержанных как наиболее активных деятелей, вызвавших забастовку рабочих типографий и проявивших себя как подстрекателей и организаторов рабочей массы на беспорядки, то полицейским дознанием и перепиской по отношению к каждому из них, в частности, выяснилось следующее:

1) Каганович, Петр Кириллов, 27 лет, костромской мещанин. Из дел Костромского губернского жандармского управления видно, что, по результатам негласного наблюдения, в ночь с 27 на 28 декабря 1905 года у него был произведен обыск, причем по обыску обнаружено было: масса нелегальной литературы противоправительственного направления и переписок о личном составе членов исполнительной комиссии Костромского совета рабочих депутатов. Была возбуждена переписка в порядке положения о государственной охране, а затем приступлено к производству формального дознания.

Дознание это на основании предложения прокурора Костромского окружного суда от 20 декабря того же года, за № 1129 согласно 1035[26] и 1036 ст.ст. уг. суд., перешло на производство следствия судебного следователя по важнейшим делам. В 1906 году 16 июля, по сведениям агентуры, принимал участие на митинге в лесу за г. Костромой по поводу убийства рабочего Ивана Вараксина, с целью устройства демонстрации с флагами во время похорон рабочего 17 июля, а также собирал деньги на венок.

Из дел Московского губернского жандармского управления усматривается, что костромской мещанин Петр Кириллов Каганович в 1905 г. был обыскан в Костроме по делу Костромского совета рабочих депутатов и привлечен к формальному, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., дознанию, по обвинению в преступлении, предусмотренном 126 ст. угол. улож., но успел скрыться и был задержан в Москве 31 октября 1906 года. По рассмотрении дела Московской судебной палатой, в заседании от 27 марта 1907 года, Каганович был приговорен к заключению в крепости на один год. 17 июля 1908 года в г. Москве Каганович был вновь обыскан и арестован по принадлежности к местной подпольной социал-демократической организации, за что по постановлению г. министра внутренних дел он был выслан под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на 3 года. В ночь на 10 марта 1912 г. Каганович был обыскан и арестован в г. Москве при ликвидации активных представителей и руководителей местной организации Российской социал-демократической рабочей партии. По рассмотрении произведенной по этому поводу переписки особым совещанием, образованным согласно ст. 34 положения о государственной охране, г. министр внутренних дел постановил: выслать Каганович в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции на 3 года, считая срок с 8 июня 1912 года.

Тобольский губернатор 27 июня 1914 года, за № 5576, уведомил, что Каганович, в силу высочайшего указа от 2 февраля 1913 года, за окончанием срока, освобожден от гласного надзора полиции и высылки, и что ему тобольским уездным исправником было выдано 18 июня 1914 года, за № 15, временное свидетельство сроком на 3 месяца.

По возвращении из ссылки обратно в г. Кострому Каганович поступил рабочим в типографию Риттера, вступил затем членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства» и, пользуясь своим влиянием и при поддержке своих единомышленников, старался поставить общество на путь активного противодействия существующему порядку вещей. 6 июня, подстрекнув рабочих типографии Риттера забастовать в виде протеста против событий 5 июня, пошел в типографию Гелина и, переговорив там со своим ближайшим единомышленником Мастом и Буриченковым, принудил бросить работу и в типографии Гелина, а затем и в остальных типографиях г. Костромы.

Повидимому, в тот же день, 6 июня, составил текст прокламации «Русскому солдату от русской женщины», которую и отпечатал Григорий Симановский.

2) Маст, Герцель Исааков, 19 лет, костромской мещанин. В 1912 году во время распространения в Костроме с.-д. газеты «Звезда» был замечен в числе лиц, причастных к этому распространению. 6 июня того же года у Маста был произведен обыск, которым было обнаружено пять брошюр, содержащих в себе отчеты первого, третьего и четвертого всемирных конгрессов сионистов. Маст был арестован, но дальнейшее расследование не дало результатов. Вскоре после освобождения из-под стражи Маст, бывший ранее рабочим-печатником в одной из типографий г. Костромы, уехал в Петроград, работал там в разных типографиях и в конце 1914 года вернулся снова в Кострому, поступил опять в типографию, вошел членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства», был избран секретарем его правления и, принимая непосредственное участие как в делах правления, так и в жизни всего общества, постоянно настаивал на наиболее активной деятельности общества в борьбе его членов рабочих-печатников с хозяевами типографий.

6 июня, установив согласие с другими руководителями, способствовал прекращению работ в типографиях в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня, желая поддержать солидарность в рабочих-печатниках, не остановился перед насильственными мерами и, ворвавшись в числе других в типографию Крылова, где рабочие продолжали работу, заставил их бросить ее и не допустил к телефону хозяина типографии, когда тот хотел подойти к нему, чтобы передать полиции о действиях ворвавшихся в его типографию.

3) Симановский, Григорий Алексеев, 24 лет, костромской мещанин. Из дел управления видно, что он в феврале месяце 1913 года вошел в сферу наблюдения, как имевший частные сношения с членом Костромской с.-д. организации Петром Васильевым Васильевым-Куделиным. Состоя членом правления общества рабочих печатного производства, принадлежал к группе рабочих, настаивавших на более активных действиях общества, а 6 июня принимал участие в создании забастовки печатников и затем набрал в типографии Чемоданова, где работал, текст прокламации «Русскому солдату от русской женщины», отпечатал ее затем ручным способом и принял меры к ее распространению.

4) Буриченков, Георгий Андреев, 21 года, крестьянин Курской губернии, Старо-оскольского уезда, Олуховской вол., слободы Вологды. Родившись и проживая в г. Владивостоке, работал там в типографиях и в 1912 г. привлекался за участие в незаконном сборище, а затем выехал из Владивостока, работал в Харбине и в 1914 году выехал в Европейскую Россию. Пробовал устроиться в Самаре, Казани, Нижнем-Новгороде и, наконец, прибыл в Кострому, где поступил в типографию Гелина, а затем, вступив членом в «Профессиональное общество рабочих печатного производства», являлся наиболее активным в требованиях расширения деятельности общества, выходящей из пределов устава.

6 июня, совместно с Кагановичем и Мастом, проявил наибольшую деятельность в призыве рабочих во всех типографиях бросить работу и забастовать в виде протеста против событий 5 июня.

5) Смирнов, Василий Александров, 38 лет, крестьянин Костромской губернии, Нерехтского уезда, Спасской волости, дер. Реутова, наборщик в типографии Чемоданова в г. Костроме.

Из дел управления видно, что 20 марта 1910 года были получены от начальника Ярославского губернского жандармского управления агентурные сведения, указывающие, что в центральной организации РСДРП в г. Костроме в числе других состоит наборщик Василий Смирнов. Наблюдение, установленное тогда за Смирновым, не дало результатов.

В 1914 г. он совместно с двумя другими лицами принял на себя работы по организации, а затем и по утверждению «Профессионального общества рабочих печатного производства» в г. Костроме, но, хотя общество и получило утверждение с июня 1914 года, оно не пользовалось особой популярностью среди рабочих-печатников до начала 1915 года, когда под влиянием Кагановича и Маста оно стало стараться расширить свою деятельность, выходя из пределов устава. Хотя в это время Смирнов, как председатель правления, и старался парализовать влияние наиболее активных членов, заботясь о сохранении общества, но 6 июня сам в типографии Чемоданова, где был рабочим, предложил остальным рабочим забастовать в виде протеста на события 5 июня, а 7 июня, явившись в числе других лиц к полицейскому участку, в крайне грубой форме требовал выдачи тел убитых 5 июня.

6) Медведев, Андрей Федоров, 38 лет, костромской мещанин. Из дел управления видно, что 1 мая 1906 г. Медведев вместе с другими рабочими в гор. Кинешме снимал с работ приказчиков и рабочих из магазинов, требуя от хозяев магазинов и лавок, чтобы они прекратили торговлю ввиду праздника 1 мая, за что был задержан и арестован. В 1912 г. 1 февраля Медведев обыскивался в числе других лиц, замеченных во вредном влиянии на рабочих, но обыск не дал результатов. Работая в гор. Костроме в типографии Гелина, вместе с Мастом и Буриченковым, 6 июня потребовал от остальных рабочих забастовать в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня, вместе с другими лицами, ворвался в типографию Крылова и содействовал в этот день насильственному снятию с работ рабочих этой типографии.

7) Федоров, Александр Васильев, 23 лет, крестьянин Костромской губернии, Шишкинской волости, дер. Калинки. Состоя рабочим типографии Азерского, входил в состав членов правления общества рабочих печатного производства и содействовал тому, что рабочие указанной

типографии забастовали 6 июня в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня вместе с другими принял участие в насильственном снятии с работ рабочих типографии Крылова.

8) Магницкий, Николай Федоров, 27 лет, мещанин г. Костромы. Состоя рабочим типографии Риттера, входил в состав членов правления общества рабочих печатного производства и 6 июня содействовал тому, что рабочие указанной типографии бросили работу в этот день и забастовали в виде протеста против событий 5 июня, а 8 июня вместе с другими ворвался в типографию Крылова и содействовал насильственному снятию с работ рабочих этой типографии.

Принимая во внимание, что перепиской устанавливается не только политическая неблагонадежность вышеуказанных 8 лиц, но и их выделяющееся из среды других рабочих-печатников г. Костромы положение, как организаторов и руководителей масс рабочих, п о с т а н о в и л: настоящую переписку препроводить г. костромскому губернатору с ходатайством о направлении ее в особое совещание при министерстве внутренних дел на предмет административной высылки Кагановича, Маста, Симановского, Смирнова, Федорова, Медведева, Магницкого и Буриченкова из пределов Костромской губернии на срок и в местности по усмотрению особого совещания и на предмет прекращения ее в отношении крестьянина Костромской губ., Нерехтского уезда, Сорохтской волости, деревни Василькова, Алексея Прокофьева Мозжухина.

Полковник С е м и г а н о в с к и й.

Из доклада начальника Костромского губернского жандармского управления товарищу министра внутренних дел Джунковскому от 27 октября 1915 г. № 633 [1]).

Наибольшим успехом в Костромской губернии пользуется учение социал-демократической партии, имеющее довольно значительное число своих последователей в среде фабричных рабочих. В наиболее крупных районах текстильных фабрик, как гг. Кострома и Кинешма и села: Родники, Середа, Яковлевское и Вичуга, наблюдаются социал-демократические группы рабочих, которые однако в настоящее время не имеют ни одного организационного устройства внутри этих групп, ни объединения их между собой. Обыкновенно в такую группу, с более или менее подпольным характером, выделяются наиболее развитые, «сознательные» [2]) рабочие, читающие в большинстве оппозиционные газеты, умеющие так или иначе, насколько это для них возможно, самостоятельно, т. е. без участия профессионалов или интеллигентных работников партии, которых в последнее время в пределах губернии не наблюдается,— разобраться в прочитанном и передать своими словами другим. Эти более или менее передовые рабочие могут заставить толпу слушать себя и являются до известной степени руководителями ее. За текущий год эти руководители не выходили из рамок экономической борьбы с фабрикантами, причем иногда общая масса рабочих свои требования поддерживала забастовкой. При этом нужно отметить, что с самого начала войны рабочая масса была настроена патриотично и не только не препятствовала делу войны, но, насколько могла, помогала ему. Та-

[1]) ДП, о. о., 1915 г., д. № 167, ч. 35, л. 4.
[2]) Кавычки подлинника.

кое положение дел в рабочей массе продолжалось до нашего галицийского и последующего отступления, когда, под влиянием военных неудач, стало замечаться недовольство войной и возмущение существующим порядком в государстве. В это время (11 июля сего года) социал-демократы в г. Иваново-Вознесенске Владимирской губернии организовали созыв социал-демократической конференции, выработавшей устав, который должен быть принят повсеместно в среде рабочих текстильного района, и вынесший следующую разолюцию: «Принимая во внимание текущие события, группа находит современное положение страны критическим. Желая выйти из такого положения и следуя принципам социал-демократии, группа должна принять самые энергичные меры для возбуждения масс, требовать прав народу при помощи экономической стачки. При неудовлетворении вести агитацию за вооруженное восстание с целью свержения современного правительства и придерживаться требований программы-минимум. Исследуя почву для предотвращения великих событий, группа пришла к заключению, что самостоятельно выполнить необходимое она не в силах, и задалась целью призыва к общим усилиям и к выработке плана общих действий, а сама должна учесть свои силы, заняться организационной работой, т. е. связать соседние организации во-едино и избрать областной комитет, который должен дать директивы всем организациям».

Одним из инициаторов этой конференции была высланная из Владимирской губернии в Кострому под гласный надзор полиции Вера Каравайкова (донесение мое в департамент полиции 1 июля сего года № 346)[1]), которой удалось организовать поездку на эту конференцию и четырем рабочим из Костромской губернии: Карасеву, Столбову, Лукину и Голубеву. Эти лица, возвратившись с конференции, пытались пропагандировать ее результаты и в среде местных рабочих, но были мной арестованы, о них возбуждена переписка, в настоящее время законченная и направленная в особое совещание.

Каравайкова также была арестована, о ней возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время постановлением особого совещания она высылается под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию на 2 года.

Успевшие обсудить и принять к своему руководству вышеуказанную резолюцию, представители с.-д. группы фабричного района с. Середы-Орехов — Тиранов, Юлов и Смирнов также были арестованы, о них возбуждена переписка, которая теперь заканчивается. Также был арестован в с. Родниках рабочий Кузьмичев, пытавшийся создать там «агитационный с.-д. кружок рабочих», о нем возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время Кузьмичев постановлением особого совещания выслан из пределов Костромской губернии и фабричного района под гласный надзор полиции на 2 года.

Среди фабричных рабочих г. Костромы, в начале июня сего года, под влиянием разгрома в г. Москве, протекавшая обычным порядком экономическая забастовка на одной из фабрик пыталась вылиться в общее для всех рабочих города движение, что привело к употреблению против демонстрантов оружия со стороны полицейских стражников (донесение

[1]) Начальник Костромского губернского жандармского управления в донесении от 1 июля за № 346 ходатайствовал перед департаментом полиции о высылке Веры Каравайковой не в Кострому, ввиду ее агитационной деятельности среди рабочих, а в Костромской, не фабричный уезд.

мое командиру корпуса от 14 июня сего года за № 303) [1]). Этот инцидент задумали использовать с агитационной целью главари существующего в г. Костроме профессионального союза рабочих печатного дела, но в числе 9 человек были мной арестованы, о них возбуждена и закончена переписка, и в настоящее время постановлением особого совещания из числа арестованных Каганович высылается в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на 5 лет, Маст и Симановский высылаются из пределов Костромской губернии и фабричного района на 2 года, а об остальных переписка прекращена, за вменением им в наказание срока содержания под стражей.

Полковник Семигановский.

Рапорт вр. и. д. военного прокурора командующему войсками Московского военного округа от 7 ноября 1915 г. № 214 [2]).

Представляя при сем вашему высокопревосходительству заключение по следственному производству, изъятое в настоящее время согласно п. 1 ст. 17 и ст. 26 положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия главноначальствующим Костромской губернии из общей подсудности о крестьянах Иване Зайцеве, Александре Морозове и др., прошу в случае согласия с сим заключением приказать меня уведомить, приложив копию с приказа о предании обвиняемых Московскому военно-окружному суду [3]).

Закон: 553—557 ст. кн. XXIV с. в. п. 1869 года, изд. 4-е.

Приложение: заключение и следственное производство на 28 листах.

Вр. исп. д. военного прокурора генерал-майор Чиваадзе.

---

[1]) В деле не сохранилось.

[2]) Моск. военно-окружный суд, 1915 г., д. № 941, л. 9.

[3]) Массовые аресты рабочих последовали вслед за событиями 5 июня. В качестве обвиняемых, как руководители выступления, были привлечены 15 человек: Иван Павлович Морев, 18 лет, Василий Васильевич Веселов, 18 лет, Василий Иванович Кокушкин, 20 лет, Иван Васильевич Копытцев, 19 лет, Иван Васильевич Костров, 18 лет, Михаил Васильевич Болотов, 19 лет, Иван Сергеевич Зайцев, 38 лет, Александр Павлович Морозов, 23 лет, Григорий Ефимович Нечаев, 25 лет, Василий Афанасьевич Шуйский, 22 лет, Михаил Сергеевич Кичин, 23 лет, Дмитрий Николаевич Шалунов, 23 лет, Алексей Дмитриевич Веселов, 24 лет, Феоктиста Васильевна Колчина, 20 лет, Дарья Ивановна Баранова, 26 лет. Девять месяцев тянулось расследование дела; один из рабочих, Алексей Дмитриевич Веселов, умер в тюрьме от туберкулеза легких. 27 февраля 1916 года приговором временного военного суда в Ярославле подсудимые были оправданы за недоказанностью обвинения.

К истории гвоздевщины

(„Бюллетени" Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета).

«Война вызвала глубокий кризис всего международного социализма. Как и всякий кризис, ниспровергший кризис социализма углубил и ярче вскрыл его внутренние противоречия, сорвал лживые и условных покровов, показал в самой резкой и яркой форме, что гнило и отжило в социализме и в чем залог дальнейшего развития и движения к победе».

(Ленин, Сочинения, 2-е изд., т. XVIII, стр. 150)

Изучая деятельность Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, нужно помнить, что источником идей русского социал-шовинизма являлись идеи русского буржуазного национал-либерализма. Его взгляды социал-шовинисты лишь приспособляли к рабочей аудитории, подделывая их под социализм. Поэтому для того, чтобы понять эволюцию русских социал-оппортунистов к социал-шовинизму, к гвоздевщине, нужно вникнуть в эволюцию в царской России левых буржуазных течений.

Как известно, к моменту войны партия кадетов вполне оформилась как партия крупного финансового капитала. Эта партия идеологов российского империализма состояла из крупной цензовой интеллигенции, промышленных и банковских деятелей, т. е. тех групп, которые уже входили в систему начавшего складываться в России финансового капитала. П. Н. Милюков являлся идеологом, вождем этой группы буржуазии. Его группа, составлявшая большинство кадетской партии, определяла ее физиономию и тактику, а вместе с тем делала политику российской буржуазии. К этому времени мелкобуржуазные попутчики кадетов — третий земский элемент, городские мелкобуржуазные слои и техническая интеллигенция примыкали к так называемым «левым кадетам» и «прогрессистам». Одним из лидеров этих элементов являлся крупный текстильный фабрикант А. И. Коновалов, которому некоторыми историками приписывается авторство опубликованной в «Красном архиве» записки «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию» [1]).

Левая группа кадетов, по донесениям охранки, считала необходимым сближение буржуазии с мелкобуржуазными и рабочими массами, чтобы овладеть их движением и направить его в желанное для крупной буржуазии русло. Особенно активно начала она выступать после того, как официальное большинство кадетской партии, после сентябрьской забастовки, резко повернуло вправо, в сторону единения с правительством.

В этот момент разногласия обнаружились настолько остро, что охранка начала трубить о расколе. Соглашаясь с большинством кадетской партии в оценке момента,

[1]) См. «Красный архив», т. LVII, стр. 72—84.

считая, что революция неизбежна, левые предлагали в борьбе с правительством Горемыкина и Хвостова равнение не направо, а налево. «Нужно итти не с теми, кто явно бессилен, а с теми, кто представляет реальную силу». Вместо попытки «завоевать доверие бюрократии», вместо бесплодных попыток кое-что у нее выиграть и выторговать, Мандельштам предлагал ориентироваться на «доверие в широких демократических кругах общества».

«В своих политических расчетах, — говорил Мандельштам, — Милюков исходит из того, что̀ есть, между тем нужно исходить из того, что̀ неизбежно должно быть, что̀ неизбежно вытечет из справедливого народного гнева. После войны должна быть расплата, после войны так более оставаться не может, после войны должны будут уйти все те, кому народ на своем суде вынесет строгий приговор. Судьей будет именно весь народ, это будет именно не революция, а суд, строгий, справедливый суд. И кто видит неизбежность этого, кто видит, как все выше и выше поднимается волна народного гнева, для того ясно, какой курс должна принять кадетская партия. Ясно, что она должна блокироваться не направо, а налево, должна пойти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, события пойдут мимо нас, мы потеряем руководящую роль в них».

Мандельштам считал необходимым принять самое активное участие в организующихся всероссийском рабочем и всероссийском кооперативном союзах: «Если мы не можем занять в этих союзах решающие руководящие роли, то мы не можем позволить, чтобы они совершенно проходили мимо нас. И достигнуть этого мы можем, лишь идя навстречу требованиям демократии... Мы должны опираться на широкие народные массы» [1]).

На VI съезде конституционно-демократической партии (18—22 февраля 1916 г.) Мандельштама поддержал Шингарев. Благодаря настояниям Шингарева на съезде прошло предложение о необходимости большего сближения кадетов с другими демократическими партиями, т. е. с с.-д. меньшевиками и трудовиками, и как шаг в этом направлении съезд признал вполне приемлемыми «домогательства рабочих в военно-промышленных комитетах», а на IV общегородском съезде была принята политическая резолюция, предложенная Рабочей группой (гвоздевцами).

Милюковцы устами своих лидеров отмежевывались от «праздных болтунов», но они ничего не имели против того, чтобы их болтовней припугнуть правительство и сделать его более сговорчивым. Если «левые» мечтали оседлать революционные массы и использовать их в своих целях, то буржуазия, в свою очередь, старалась использовать мелко-буржуазных заложников в своей среде. Оставляя в своих рядах часть левых, мелкобуржуазных попутчиков, она с помощью их фрондировала, не компрометируя себя перед монархом и правительством. В случаях необходимости нажима на правительство она спускала с цепи Мандельштама или других «праздных болтунов», а сама стояла в стороне и только наблюдала, чтобы массы не вступили на путь этой «праздной болтовни». Здесь перед кадетами стояла та же задача, какая стояла, по словам Шульгина, перед «прогрессивным блоком» в Государственной думе: «нужно было недовольство масс подменить недовольством Госуд. думы».

Этому служили неоднократные выступления Рабочей группы с поддержкой программы прогрессивного блока, с требованиями созыва Государственной думы, с которыми, как мы видим из ниже печатаемых «Бюллетеней», группа выступала бесчисленное число раз как на заседаниях ЦВПК, так и в своих декларациях и обращениях к председателю Государственной думы и другим «высоким лицам». Потом все эти документы, размноженные на средства господ промышленников, бросались в рабочие массы с целью погасить их революционное недовольство, с целью посеять иллюзию, что «барин», т. е. Государственная дума, «поможет».

[1]) Б. Грave, «Буржуазия накануне Февральской революции», Центрархив, 1927, стр. 66, 69, 71, 81, 83.

Яркой расшифровкой роли, отводившейся буржуазией рабочим массам, может служить речь Керенского, произнесенная им на совещании у Коновалова 20 ноября 1915 г.[1]). Керенский уже тогда блокировался с буржуазией и выступал в роли ее советчика. Он предлагал продемонстрировать народное недовольство не правительством, а действиями правительства — забастовками или иными какими-либо демонстративными эксцессами. Эти отдельные эксцессы «заставят одуматься зарвавшееся правительство, поэтому, с этой точки зрения, эти эксцессы необходимы». По мнению Керенского, нет основания «бояться того, что они, будучи начаты, не остановятся, когда нужно, и тем вызовут в стране общую разруху... в настоящее время народная масса достаточно дисциплинирована», так что он, Керенский, не боится вызвать «общую смуту». Керенского поддерживали Коновалов и другие, а Рабочая группа рада была стараться. Меньшевистско-эсеровской организованности масс осторожные буржуа не особенно доверяли, и собрание склонилось к точке зрения Милюкова, который доказывал, что буржуазия «сейчас бессильна, и потому все счеты с властью нужно отложить до окончания войны».

Милюкова поддерживал Гучков, который призывал городской съезд скорее объединиться и организоваться для борьбы с «анархией». «Не для революции, — говорил он, — мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти в целях защиты родины от революции и анархии». Боязнь революции в 1916 г. у буржуазии была настолько сильной, что она на экономический бойкот буржуазных организаций ответила не протестом, не борьбой, а челобитной и делегациями к правительству.

Она ползала на брюхе и, описав заслуги Земского и Городского союзов перед царем и родиной, молила гнев сменить на милость. «Левые» все же не унимались. В ряде бесед с московскими фабрикантами и промышленниками Коновалов, как доносило Московское охранное отделение, рисовал самыми мрачными красками настоящее положение страны. Коновалов предсказывал неизбежность революционного движения не только в городах, но и в деревне, где, по его мнению, имеются налицо «все признаки анархии». «На другой день после мира, — горячо доказывал Коновалов,— у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно и без плана, без какого бы то ни было центрального руководства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв исстрадавшихся масс».

Как видим, представитель промышленной буржуазии отчетливо сознавал неизбежность «превращения империалистической войны в гражданскую», чего никак не могли понять очень многие из социалистов, не говоря уже о Рабочей группе.

«При первых революционных взрывах, — говорил Коновалов, — правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы, вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас после войны, теперь должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном: в организации себя, с одной стороны, и в организации рабочих, с другой». Последней Коновалов придавал исключительное значение. В приручении рабочих масс через оппортунистов он видел возможность спасения всего буржуазного строя. «Если мы будем смотреть, — говорил он, — на организацию рабочих враждебно, мешать им, то мы лишь будем содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины». «На правительство, — говорил он, — надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, и тут совершенно бесспорны их силы и наше бессилие». «Не лучше ли, — убеждал он своих коллег, — в таком случае путь соглашения, путь трезвых уступок как с одной стороны, так и с другой стороны?»

---

[1]) Б. Граве, «К истории классовой борьбы в России», 1926, стр. 305.

Коновалов особое значение придавал созданию примирительных камер. «Фабриканты и заводчики, — говорил он, — боящиеся примирительных камер, сами не сознают той ужасной опасности, пред которой они встанут после войны. И правительство и многие фабриканты и заводчики относятся отрицательно к рабочим группам при военно-промышленных комитетах, но кто ясно себе представляет, что должно наступить на другой день после войны, тот поймет, какое безумие вооружать против себя и разгонять эти группы. В момент анархии они могут слишком и слишком пригодиться».

Исходя из этих соображений «самозащиты» буржуазии от революции, Второй съезд военно-промышленных комитетов, состоявшийся в Москве в феврале 1916 г., принял постановление о целом ряде мер, которые должны были обеспечить буржуазии более или менее нормальное сожительство с рабочей аристократией. Съездом было принято постановление об организации примирительных камер в законодательном порядке. Мера эта признавалась настолько спешной, что «ввиду медленности законодательного пути» съезд признавал желательным «учреждение временных примирительных камер властью Особых совещаний по обороне государства», а впредь до осуществления этих мер было решено организовать примирительную камеру при Центральном военно-промышленном комитете.

Этот же съезд принял и ряд других постановлений по урегулированию условий труда в мобилизованной промышленности. Вряд ли нужно говорить о том, какие цели преследовала буржуазия, проводя эти реформы. Она сама это ясно указала в постановлении об организации института старост на фабриках: она надеялась, что институт старост явится тем примиряющим органом, который «поможет рабочим и предпринимателям найти общий язык, чтобы в пользу обеих сторон сговориться по поводу волнующих вопросов». Последнее соображение заставило ЦВПК циркуляром от 7 апреля 1916 г. настойчиво рекомендовать местным комитетам скорейшее проведение ь жизнь этой меры. В этих же целях было принято и постановление о созыве всероссийского рабочего съезда, за проведение в жизнь которого с необыкновенным усердием взялась Рабочая группа при ЦВПК под руководством московского промышленника А. И. Коновалова.

Публикуемые ниже «Бюллетени» Рабочей группы при ЦВПК дают в желательном ей духе освещение ее деятельности, но, каково бы ни было желание составителей «Бюллетеней», факты — упрямая вещь, от них никуда не уйдешь, и таких фактов в «Бюллетенях» много. Как бы составители ни скрывали свою предательскую работу, от суда истории им не уйти, и лучшая против них улика это — их собственные документы.

Рабочая группа хотела представлять рабочий класс, говорить от его имени. Она вынуждена была обман революционных рабочих, свое предательство маскировать революционными жестами и марксистской фразеологией. Но не только марксисту-историку, но и рядовому читателю нетрудно рассмотреть, где слова лицемерия и где настоящие дела, полные черного предательства.

«Бюллетени» освещают работу Рабочей группы за весь период ее существования; все важнейшие моменты деятельности группы нашли в них отражение. Поэтому они вместе с опубликованной нами справкой «Деятельность Рабочей группы ЦВКП» дают богатый материал для изучения гвоздевщины [1]).

Информируя рабочие массы о своей деятельности, Рабочая группа старалась показать значительность своих достижений в защите рабочих интересов. «Бюллетени» отмечают частые обращения рабочих в Рабочую группу с жалобами, «что заставило группу, — читаем мы в «Бюллетене», — поставить в центре своей деятельности охрану интересов труда». Правда, редакции «Бюллетеней» приходится признаться,

[1]) «Красный архив», т. LVII, стр. 48 — 72.

что «группа в этом направлении мало что могла сделать». Группа вместе с промышленниками дружно выступала против милитаризации промышленности, и неугодный промышленникам законопроект был провален, но это, как известно, нисколько не помешало милитаризации рабочих. В «Бюллетенях» много места уделено подготовке рабочего съезда и вообще разработке программы либеральной рабочей политики. Все то, что рабочий класс России давно отверг (институт старост и примирительные камеры), Рабочая группа ставила в порядок дня и всячески старалась посеять хотя бы некоторые иллюзии насчет целесообразности введения этих учреждений. Как известно, из всего этого ничего не вышло. Правительство, еще в 1913 г. вносившее соответствующий законопроект, признало сейчас эти мероприятия «несвоевременными», фабриканты и заводчики с ними согласились, а рабочие массы, руководимые большевиками, расценили эти усилия Рабочей группы как предательство их интересов, как желание потушить революционный пожар недовольства путем направления его в рамки легальной борьбы. «Бюллетени» из номера в номер дают довольно полную картину лихорадочной деятельности Рабочей группы в этом направлении.

Рабочая группа все время бралась за решение важнейших вопросов рабочей политики, но это усердие пришлось не по вкусу даже меньшевикам-интернационалистам, которые в специально выпущенной листовке заявили, что они, т. е. Рабочая группа, «кощунственно прикрывают именем широких масс свою антирабочую политику». «Бюллетени» пытаются показать связь Рабочей группы с массами, но о том, что давала эта связь рабочим массам, можно судить по роли группы в стачечном движении и вообще в конфликтах труда с капиталом. Во всех таких случаях представители Рабочей группы были не на стороне рабочих. Яркой иллюстрацией сказанного могут служить действия и речь члена Рабочей группы ЦВПК В. М. Абросимова на заводе «Наваль» (г. Николаев). Этой речи нет в «Бюллетенях», но она помещена в коноваловском отчете о работе Рабочей группы, настолько по вкусу она пришлась хозяину [1]).

Характерно, что как это, так и другие примирительные выступления Рабочей группы не способствовали улажению конфликтов, а на заводе «Наваль», с 15 000 рабочих, продолжалась стачка, несмотря на всю жестокость примененных полицейских мер (аресты и массовые отправки рабочих на фронт).

Особенно позорную роль сыграла Рабочая группа ЦВПК в октябрьские дни 1916 г., когда забастовочное движение вылилось в уличные выступления, приведшие на Выборгской стороне к столкновению с полицией. Рабочих поддержали солдаты 181 зап. пех. полка, разогнавшие полицию, что вызвало панику властей. В этот исключительно ответственный момент Рабочая группа ЦВПК, выполняя социальный заказ буржуазии, выступила в своей предательской роли гасителя революционной активности масс (см. «Бюллетень» № 5).

За все время своей деятельности Рабочая группа выпустила пять номеров «Бюллетеней». Печатались они на ротаторе в количестве 100 экземпляров для рассылки на места. Первые два номера вышли за подписью: «Члены Рабочей группы: В. М. Абросимов, Е. А. Анатовский, В. М. Божевольников, Г. Е. Брейдо, Н. В. Васильев, К. А. Гвоздев, Е. А. Гудков, И. И. Емельянов, А. А. Ершов, А. Б. Качалов, Г. К. Комаров, Е. А. Кузьмин, А. И. Остапенко, Я. С. Шилин, Н. Я. Яковлев, Ф. Я. Яковлев». Третий номер распоряжением Бюро ЦВПК был задержан и не получил распространения. Нужно полагать, что помещенная в этом номере переписка с Гучковым и освещение положения рабочих групп явилось этому причиной. Повидимому, «организаторы рабочего класса» признали вредным распространять «праздную болтовню» Гвоздева в условиях высокой накаленности политической атмосферы. Прекрасную оценку этой болтовни дал В. И. Ленин в 1915 г. в статье «Прикрытие

[1]) «Красный архив», т. LVII, стр. 52.

социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами», где, говоря о питерской газете «Рабочее утро», в которой «сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым», он писал: «Рабочее утро» наряжается, прикрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь!.. Гвоздевцы «готовы подписать... какую угодно резолюцию об империалистической сущности войны... лишь бы [им] не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т. е. к фактическому участию в грабительской, реакционной («оборонительной») войне. Только это есть дело, все остальное — слова. Только в этом суть, все остальное фразы. Только это нужно полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии» [1]).

Четвертый номер «Бюллетеня» вышел под строгой цензурой Бюро ЦВПК. Что же касается пятого, то он был размножен на машинке вне стен ЦВПК, так как размножение и распространение его было зам. председателя Бюро ЦВПК А. И. Коноваловым запрещено.

Максимально использовав Рабочую группу в борьбе с рабочим движением и щадя ее для дальнейшего, Коновалов не мог допустить выпуск «Бюллетеня», содержание которого угрожало окончательным подрывом всякого авторитета Рабочей группы у рабочих масс. В этом отношении Коновалов был умнее компании гвоздевцев.

Для понимания трений и недоразумений, которые имели место во взаимоотношениях группы и Бюро ЦВПК, нужно указать, что проистекали они, с одной стороны, из желания оказать давление на неустойчивые элементы группы и, с другой, из боязни возможных тактических ошибок угоднических элементов. Поэтому не следует принимать всерьез эти маленькие недоразумения: в общем и целом и хозяева и подручные были весьма друг другом довольны, — все эти маленькие стычки больше служили для отвода глаз и не отражались на дружбе «представителей труда» и капитала.

Будь иначе, и у Коновалова, да и у всего прогрессивного блока, не нашлось бы таких ярких слов, и стены Таврического дворца не услышали бы таких дифирамбов Рабочей группе, какие имело место 17 февраля 1917 г. при обсуждении запроса по поводу ее ареста: «Я свидетельствую пред Госуд. думой, — говорил Коновалов, — что члены Рабочей группы выполняли лежащий на них долг в полном напряжении своих сил, с полным сознанием громадной ответственности и важности лежащих на них задач, с горячей преданностью делу национальной обороны, что было бы немыслимо, если бы в них действительно не горело пламя истинного патриотизма. (Каразулов: «Совершенно верно». Голоса слева: «Правильно».) Я свидетельствую перед Госуд. думой, что представители Рабочей группы ЦВПК — не подпольные агитаторы, ставящие своей задачей сеять раздор и смуту... Представители рабочих в ЦВПК все свои силы отдавали делу национальной обороны, и, я уверен, нет таких жертв, которые бы не были ими принесены для счастья родины, нет предела тех усилий, которые они готовы были осуществить ради защиты чести, достоинства страны. (Рукоплескания слева)» [2]).

Как же за такие качества не любить и не превозносить их до небес? Если же это так, если у Рабочей группы имелись все эти качества, а этого она и сама не пробовала отрицать, то и Рабочая группа неизбежно должна была столь же горячо преклоняться перед патриотизмом и «самопожертвованием» русских промышленников. Ее «борьба», ее фразы и заботы об интересах рабочих масс — это лишь попытка скрыть действительное положение вещей. К таким господам обращался В. И. Ленин, когда писал: «Поменьше бы фраз о революции, господа, побольше ясности, прямоты

[1]) В. И. Ленин, Соч., 1 изд., т. XIII, стр. 217, 218, 219.
[2]) Стенограф. отчет Госуд. думы IV созыва, сессия 5, засед. 21, стр. 1518.

и честности в деловой политике сегодняшнего дня». Всего этого, как известно, «Рабочей группе» как раз и нехватало.

Подлинники №№ 1, 2, 4 и 5 «Бюллетеня» хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 3144, д. № 15). Публикуем их полностью, без сокращений. № 3 «Бюллетеня» воспроизводим по копии, доставленной осведомителем Петроградскому охранному отделению (Архив революции, особый отдел, 1916 г., дело № 346). № 4 представляет собой экземпляр, приобщенный к протоколу обыска и ареста Рабочей группы.

Ив. Меницкий.

Бюллетень № 1.

Посылая своих представителей в Центральный военно-промышленный комитет, выборщики от петроградских рабочих вручили им для руководства три политические резолюции и кроме того особый наказ.

Организация Рабочей группы.

Согласно этому последнему рабочие представители в Центральном военно-промышленном комитете должны образовать самостоятельную Рабочую группу. На заседаниях 1 и 2 декабря 1915 г. представители от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете сорганизовались в независимую Рабочую группу, с особым бюро (из 5 человек) во главе, ответственную перед коллегией рабочих выборщиков.

Группа поэтому постановила отказаться от поста товарища председателя Центрального военно-промышленного комитета, предложенного представителю ее, постановив участвовать в органах Центрального военно-промышленного комитета и некоторых его отделов только в качестве делегатов Рабочей группы.

Самостоятельность Рабочей группы уже признана Центральным военно-промышленным комитетом, утвердившим выработанную ею инструкцию. По § 1 этой инструкции, «представители рабочих (п. 9, ст. 5 наказа) образуют в составе Центрального военно-промышленного комитета самостоятельную группу»; § 2 говорит о том, что «задачей группы является участие в работах Центрального военно-промышленного комитета и его отделов в целях отстаивания наших взглядов на стоящие перед страной задачи и охраны интересов труда».

Центральный военно-промышленный комитет ограничил самостоятельность Рабочей группы только одним постановлением, правда, весьма существенным: он лишил ее собственной канцелярии, включив ее в состав общей канцелярии, а это равносильно установлению над группою самого строгого контроля и надзора. Объективности ради приходится признать, что на практике это ограничение не дает себя пока чувствовать.

Выступления Рабочей группы общего характера.

Согласно наказа Рабочая группа должна была довести до сведения Центрального военно-промышленного комитета, как смотрят рабочие Петрограда на современное положение страны и условия ее спасения. Группа это сделала в первом же общем заседании Военно-промышленного комитета 3 декабря 1915 г. На этом собрании она огласила декларацию, выясняющую отношение рабочих к вопросам, стоящим перед

страной. Содержание этой декларации приведено в № 15 газеты «Наш голос».

В дальнейшем Рабочая группа имела возможность несколько конкретизировать свое отношение к общим вопросам, стоящим перед страной. В заседании Центрального военно-промышленного комитета 21 декабря были заслушаны отчеты местных и областных военно-промышленных комитетов, давшие очень яркую картину положения вещей в стране. Рабочая группа по этому поводу указала, что нельзя пройти мимо вскрытой картины разрухи и что нужно искать выхода из положения, первым шагом по этому пути может стать созыв Государственной думы.

Это предложение (вначале не обратившее на себя внимания собрания) было внесено во второй раз в том же заседании после доклада отдела по топливу, из которого выяснилась возможность приостановки деятельности заводов вследствие недостатка топлива. Рабочая группа доказывала, что спасение страны требует серьезных общественно-политических мероприятий и что без них невозможно решение даже чисто технических задач. Рабочие мотивировали свое предложение необходимостью сказать правду стране. Дума же является почти единственным органом общественности и ее трибуна единственным местом, где можно говорить с народом.

На заседании Центрального военно-промышленного комитета 14 января 1916 г. Рабочая группа имела снова возможность повторить свою аргументацию в пользу необходимости серьезных социально-политических мероприятий во имя спасения страны и снова по вопросу о недостатке топлива. Между прочим при обсуждении этого вопроса Рабочая группа указала на необходимость уплаты заработка рабочим тех предприятий, которые приостановили свою деятельность вследствие недостатка топлива и сырья. Мотивируя свое предложение, группа указала, что так как создавшееся положение вызвано деятельностью государственных властей, то и ответственность за него должно нести государство.

Центральный военно-промышленный комитет единогласно принял предложение Рабочей группы.

Продовольственный вопрос.

Почти с первых же дней деятельности Рабочей группы перед нею встал злободневный продовольственный вопрос. Центральный военно-промышленный комитет поставил его как вопрос о содействии рабочим кооперативам со стороны Центрального военно-промышленного комитета.

В заседании продовольственного отдела Центрального военно-промышленного комитета Рабочая группа внесла доклад о содействии кооперации. Указав, что корни современного продовольственного кризиса кроются и в мировом капиталистическом хозяйстве и в специально политических условиях страны, подчеркнув, что в кооперативах группа ценит по преимуществу их организующую роль, доклад наметил формы содействия кооперации со стороны Центрального военно-промышленного комитета. Основные положения доклада Рабочей группы приняты продовольственным отделом, который постановил: 1) признать, что единственно правильная форма содействия рабочим есть содействие

организованным рабочим; ввиду резкой критики со стороны Рабочей группы деятельности Общества фабрикантов и заводчиков постановлено, 2) созвать совещание из представителей Общества фабрикантов и заводчиков и рабочих для обсуждения вопроса о желательных формах содействия рабочим кооперативам; 3) продовольственный отдел признал необходимым содействие Центрального военно-промышленного комитета рабочим потребительским обществам как в форме товарного кредита через специально организованную при Обществе оптовых закупок секцию рабочих кооперативов, так и в форме денежного кредита; и 4) постановил; что Центральный военно-промышленный комитет должен взять на себя содействие организациям и лицам, пропагандирующим кооперацию среди рабочих.

19 декабря делегация Рабочей группы в составе К. А. Гвоздева, Г. Е. Брейдо и В. М. Абросимова посетила городского голову, сообщила ему о положении продовольственного дела на окраинах и обратилась к городской думе со следующими предложениями: 1) довести до сведения населения об истинном положении вещей, 2) принять энергичные меры к удовлетворению продовольственных нужд населения Петрограда, 3) содействовать широкому развитию муниципального производства и распределения, равно как и кооперации, 4) привлечь к участию в ближайшем заседании городской думы Рабочую группу для совместного обсуждения положения продовольственного вопроса на окраинах, 5) привлечь рабочих и демократию к участию в городских продовольственных комиссиях, 6) поставить как очередную задачу реорганизацию самоуправления на демократических началах.

В заседании 21 декабря Центрального военно-промышленного комитета, в виду чрезвычайно тревожных настроений в рабочих кварталах, Рабочая группа внесла срочное заявление, указав в нем, что главнейшей причиной кризиса являются господствующие условия в стране и что только демократизация и общественная самодеятельность могут ослабить бедствия населения. Рабочая группа предложила следующие очередные мероприятия: 1) продовольственное дело в стране должно быть передано в руки общественных организаций, 2) всем слоям общества должна быть предоставлена полная свобода самодеятельности и организации в области борьбы с продовольственным бедствием и 3) ввиду угрожающего положения в Петрограде необходимо спешно передать заведывание продовольственным делом в столице независимому уполномоченному органу, составленному из представителей общественных организаций.

В ответ на это заявление А. И. Гучков заявил, что вопросы о реформах выходят из компетенции Центрального комитета и могут быть поставлены только на съезде. Что же касается вопроса о снабжении Петрограда продовольствием, то Центральный комитет постановил передать его на предварительное рассмотрение в продовольственный отдел.

Рабочий вопрос.

С первых же дней существования Рабочей группы к ней стали обращаться по самым разнообразным поводам не только из Петрограда, но и из различных концов страны. Так, рабочие завода «Динамо» предлагают группе вмешаться в разрешение конфликта, назревающего вследствие стремления заводской администрации понизить заработок,

рабочие Галерного островка обращаются к группе с просьбой ликвидировать конфликт, уже приведший к приостановке работ. С различных концов города поступают запросы, как быть рабочим, лишившимся заработка вследствие недостатка сырья и топлива (Путиловский, Александро-Невский заводы), вследствие выключения предприятий из электрической сети (Богданов, Лаферм и др.). Не может ли группа помочь в получении военного пособия, трехкопеечной надбавки и проч.— спрашивают рабочие Риги и Харькова, Петрограда и Москвы, покрывая свои запросы сотнями подписей. Непрерывно в группу поступают сообщения о затруднениях при переходе военнообязанных из предприятия в предприятие, о борьбе предпринимателей с рабочими путем давления на военнообязанных, как то было у Нобеля, на Вагоностроительном, Адмиралтейском, у Промета и многих других заводах. Все это поставило перед Рабочей группой во всей сложности вопросы рабочей жизни в обстановке войны.

Исходя из общего положения рабочих во время войны, считаясь с отсутствием у них организации и полагая в то же время, что обычные средства борьбы русских рабочих в условиях военного времени становятся недействительными, учитывая, с другой стороны, все растущую дороговизну жизни, которая делает неизбежным стремление рабочих улучшить свое положение, группа поставила в центре своей деятельности охрану интересов труда.

На очереди в Рабочей группе стоит вопрос о заработной плате, причем она полагает разработать его в двух направлениях: во-первых, в направлении установления минимума заработной платы, и, во-вторых, создания учреждений, регулирующих ее, в зависимости от непрерывно меняющихся экономических условий.

В качестве первого шага, который должен дать группе материалы по вопросу, решено организовать анкету об условиях труда рабочих. В настоящее время разработаны три опросных бланка: 1) личный опросный лист о заработной плате и рабочем времени, 2) такой же опросный листок по мастерским и 3) квартирный опросный бланк. Эти проекты уже внесены в Центральный военно-промышленный комитет.

В тесной связи с указанными вопросами находится проект организации при Центральном военно-промышленном комитете временной примирительной камеры, цель которой содействовать рабочим и предпринимателям в разрешении ими путем обоюдного соглашения назревающих или уже возникших конфликтов. Рабочая группа считает необходимым немедленное создание такой камеры соглашения, которая может в некоторых случаях облегчить разрешение конфликтов благоприятно для рабочих. Она полагает, что камера окажет услуги рабочим в том только случае, если у предпринимателей, как и у рабочих, будет желание обращаться к ней и считаться с ней.

Рабочая группа полагает, что предпринимателей в примирительной камере может представлять Общество фабрикантов и заводчиков, временное же представительство в ней рабочих Петрограда она берет на себя. Считая необходимым немедленное открытие действий такой камеры, Рабочая группа предлагает Центральному военно-промышленному комитету организовать ее теперь же, не ожидая издания соответствующих законов.

Проект примирительной камеры обсуждался уже в заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета и в ближайшее время будет передан на его пленарное заседание.

В связи с приостановлением деятельности предприятий вследствие недостатка сырья или топлива Центральный военно-промышленный комитет, по предложению Рабочей группы, вынес постановление о необходимости оплаты рабочим их заработка. Центральный военно-промышленный комитет перенес затем этот вопрос на обсуждение Особого совещания по обороне, которое в принципе согласилось с предложением Центрального военно-промышленного комитета и уже разработало «Проект временных, по случаю войны, правил платы рабочим в промышленных предприятиях за время перерыва в их работах вследствие задержки доставки топлива или материалов». § 1 этих правил гласит, что они «распространяются лишь на промышленные предприятия, имеющие настолько важное значение для обороны государства, что в них будет признано необходимым сохранить наличный состав рабочих все время приостановки работ предприятия вследствие недоставки топлива и материалов не по вине рабочих или заводоуправления».

По § 2 каждый рабочий подобного предприятия, лишенный вследствие остановки по указанным причинам всего завода или целой мастерской возможности работать на заводе, получает за время перерыва работы поденное вознаграждение в размере $^2/_3$ среднего его дневного заработка, не менее суточной цеховой платы.

§ 5, сводящий эти правила на-нет, указывает, что, «если предвидится продолжительный перерыв работы на заводе, то, по распоряжению местного уполномоченного Особого совещания по обороне государства, часть или все рабочие завода могут быть рассчитаны с предупреждением их о том, на общем основании, за две недели».

Наконец, § 9 этих правил возлагает оплату потерянного по указанным причинам рабочего времени в равных долях на государство и предпринимателей.

Рабочая группа представила в своем заключении серьезные против этого проекта возражения. Прежде всего она предложила распространить эти правила на всех рабочих, независимо от того, работают они на оборону или нет. Во-вторых, Рабочая группа настаивала на полной оплате труда рабочих, высчитанной на основании среднего заработка рабочих за три последних месяца. В-третьих, в том случае, когда предвидится продолжительный перерыв в работе, Рабочая группа предложила уплачивать рабочим за полный месяц и гарантировать военнообязанным право перехода на другие предприятия. К этому сводятся главные поправки Рабочей группы.

Промышленники предложили, между прочим, оплачивать рабочих в ½ размере среднего заработка их. Но это предложение не прошло на заседании Бюро Центрального военно-промышленного комитета. Последнее, обсудив проект, постановило обратиться в Особое совещание по обороне с предложением созвать для окончательной разработки вопроса специальную комиссию из представителей Особого совещания, Центрального военно-промышленного комитета, предпринимателей и рабочих.

Ссылаясь на военное положение, рабочий отдел Центрального военно-промышленного комитета поставил вопрос о недостатке квалифицированных рабочих и о необходимости ввоза 100 000 японцев.

Полагая, что недостаток рабочих является лишь новой иллюстрацией общего социально-политического положения страны, что недостаток рабочих есть, вероятнее всего, результат неорганизованности рабочего рынка и многих других условий русской действительности, Рабочая группа считает, что для урегулирования этого вопроса нужны радикальные реформы, между прочим, отмена всяких исключительных норм и положений, амнистия, создание профессиональных союзов, организация бирж труда, улучшение положения рабочего класса, в частности повышение заработной платы, и пр. Отсюда Рабочая группа делает вывод: ввоз 100 000 рабочих есть попытка искусственно ухудшить положение рабочих, и поэтому Рабочая группа высказывается против ввоза 100 000 рабочих японцев. Вместе с тем Рабочая группа считает необходимым указать, что она, конечно, ничего не имеет и не может иметь против въезда желтых рабочих в Россию. По отношению к желтым рабочим она ставит следующие требования: 1) недопущение ввоза в Россию законтрактованных рабочих, 2) пересмотр контрактов, уже заключенных с желтыми рабочими, 3) желтые рабочие должны быть поставлены в такие же условия труда, как и все остальные рабочие, 4) распространение на них фабричного и страхового законодательства.

В тесной связи с вопросом о недостатке рабочих находится вопрос об искусственном уменьшении числа квалифицированных рабочих путем отправки их в окопы за участие в стачках и др.

Эта последняя мера находит себе все большее применение. При всяких конфликтах предпринимателей с рабочими она пускается в ход, как последнее слово экономической политики. Поэтому Рабочая группа решила самым энергичным образом протестовать против этой политики и настаивать на свободном переходе рабочих из предприятия в предприятие, с механическим зачислением их на учет.

Что касается организации рабочего рынка, то Рабочая группа следующим образом определяет свою позицию. Она стоит за повсеместную организацию в России бирж труда, построенных на началах равного представительства в них рабочих и предпринимателей (паритет) и невмешательства в экономическую борьбу тех и других (нейтральность). 20 декабря Рабочая группа отправила докладную записку в городскую биржу труда, в которой, выяснив свою точку зрения и указав на необходимость бороться с бюро спроса и предложения, организованными при военно-промышленных комитетах и являющимися замаскированными предпринимательскими биржами труда, предлагает городской бирже труда сделать первый шаг по пути создания биржи на началах паритета и нейтральности—привлечь рабочих в городскую биржу труда. В качестве временного представительства группа предложила пригласить в комитет биржи труда представителей Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета с тем, чтобы при первой возможности представители от рабочих в комитет биржи были избраны выборщиками в военно-промышленный комитет.

Комитет городской петроградской биржи труда, впредь до реорганизации биржи на началах паритета, пригласил в свой состав членов Рабочей группы, и в настоящее время шесть представителей ее временно входят в состав комитета биржи труда.

Организационные вопросы.

В своей декларации, оглашенной 3 декабря 1915 г. в заседании Центрального военно-промышленного комитета, группа поставила на очередь два вопроса: 1) созыв рабочего съезда и 2) общение с избирателями.

Эти вопросы были перенесены на собрание Центрального военно-промышленного комитета от 21 декабря 1915 г. Рабочая группа внесла два предложения: по вопросу о созыве всероссийского съезда группа предложила следующую резолюцию: «Выслушав сообщение Бюро, Центральный военно-промышленный комитет признает необходимым созыв всероссийского съезда для: 1) выяснения отношения рабочих к военно-промышленным комитетам и задачам, стоящим перед ними, и 2) избрания представителей от рабочих всей России в Центральный военно-промышленный комитет ввиду того, что рабочие Петрограда считают себя в Центральном военно-промышленном комитете представителями временными.

Дело подготовки организации рабочего съезда Центральный военно-промышленный комитет считает необходимым передать Рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета, оказывая ей в этой работе всемерное содействие».

Другое предложение Рабочей группы относится к необходимости установления организованного общения членов Центрального военно-промышленного комитета—представителей от рабочих со своими избирателями. В заседании Центрального военно-промышленного комитета от 21 декабря Рабочая группа предложила Центральному комитету высказаться за необходимость: 1) рабочих собраний по заводам для выслушания отчетов своих выборных и 2) собраний выборщиков от рабочих в Центральный военно-промышленный комитет.

Кроме того группа предложила Центральному военно-промышленному комитету признать, что как собрания рабочих по заводам, так и собрания выборщиков должны происходить в отсутствии чинов полиции и Центральный военно-промышленный комитет должен оказывать группе энергичное содействие в устройстве таких собраний. Центральный военно-промышленный комитет по этим вопросам принципиально высказался в желательном группе духе и от своего имени возбудил перед властями соответствующее ходатайство.

Вопрос о рабочем съезде ставится группой как вопрос об единственном органе, который может собрать разрозненные силы рабочих и выяснить их отношение к основным вопросам русской жизни.

Для созыва рабочего съезда предпринято еще немного. Была создана комиссия из выборщиков (50—60 человек), которые раза четыре уже совещались. Выяснили цели и задачи съезда, программу, состав и проч.

Редакционная комиссия для выработки проекта программы съезда представила его в таком виде: 1) отношение рабочих к положению страны, 2) дороговизна жизни и продовольственный кризис, 3) экономическое положение рабочих и охрана труда, 4) рабочие и жертвы

войны, 5) отношение к Военно-промышленному комитету, 6) выборы от рабочих в Центральный комитет. По вопросу о составе съезда в комиссии существуют две точки зрения. Одни полагают, что на съезде могут участвовать представители от организаций (больничные кассы, профессиональные союзы, рабочие кооперативы и др.); где же их нет, там выборы на съезд могут происходить от неорганизованных рабочих (от фабрик и заводов). Другие считают необходимым участие в съезде представителей только от рабочих фабрик и заводов, полагая, что представительство от организаций нежелательно ввиду отсутствия или слабости их. Кроме того группа опубликовала в газетах обращение к рабочим с изложением проекта съезда. Текст обращения напечатан в ряде русских газет.

Вопрос о постоянной связи с выборщиками стоит пока открытым. Бюро группы постановило принять меры к организации общего собрания выборщиков и ряда публичных собраний по закону 4 марта. Первое собрание выборщиков проектировалось назначить на 24 января, причем в порядке дня были поставлены два вопроса: 1) отчет о деятельности Рабочей группы в Центральном военно-промышленном комитете и 2) биржа труда и организация представительства в ней рабочих. Но министерство внутренних дел дало пока отрицательный ответ, и вопрос о собраниях выборщиков таким образом до сих пор не разрешен.

Группа далее постановила посылать выборщикам в Военно-промышленный комитет систематические бюллетени о ходе работ группы, и первый опыт в этом направлении представляет настоящее извещение. Наконец, в тех же целях установления связи с избирателями Рабочая группа считает необходимым поставить на очередь вопрос об организации института старост (по зак. 1905 г.). Рабочая группа этот вопрос разрабатывает, и она усиленно рекомендует рабочим заняться организацией института старост.

Если еще указать на постоянно функционирующие четыре комиссии, составленные из выборщиков (продовольственная, анкетная, по рабочему вопросу, по созыву съезда), то этим будут исчерпаны все формы связи между выборщиками и представителями от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете, проектируемые или реализованные уже Рабочей группой.

Рабочая группа убеждена, что энергичные совместные усилия рабочих представителей в Центральном военно-промышленном комитете и всех рабочих будут содействовать объединению рабочих России, в котором так нуждается теперь страна.

Члены рабочей группы:

[Следуют подписи.]

Бюллетень № 2.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Обсуждение законопроекта о мобилизации промышленных предприятий.
2. Конфликты и Рабочая группа.

3. Обращения рабочих к группе.
4. Рабочий съезд.
5. Рабочая группа и Государственная дума.
6. Выборы в военно-промышленные комитеты.

Приложение: Организационный устав рабочего съезда.

Законопроект о мобилизации промышленных предприятий.

Особое внимание Рабочей группы привлек поступивший из Центрального военно-промышленного комитета на ее предварительное рассмотрение законопроект «о мобилизации промышленных предприятий», выработанный военным министром. Указанный проект предположено в ближайшем будущем внести на рассмотрение законодательных палат, и не исключена возможность того, что большинством Государственной думы будут приняты его основные положения.

По этому проекту все заводы, фабрики и другие промышленные предприятия, как казенные, так и частные, могут быть объявлены военным министром мобилизованными. По закону все служащие и рабочие (проект говорит и о директорах заводов) мобилизованных предприятий не могут без письменного разрешения особых уполномоченных или начальников предприятий (на казенных заводах) оставлять службу и прекращать работу. Заявления и претензии служащих и рабочих в мобилизованных предприятиях разрешаются особыми уполномоченными, назначенными военным министром или начальником предприятия. На их решения могут подаваться жалобы в двухнедельный срок в районные заводские совещания.

Постановления и решения этих заводских совещаний почитаются обязательными и окончательными, и только в случае не единогласного решения по вопросу заработной платы жалобы восходят на рассмотрение военного министра. Военный министр, если он этого пожелает, может допустить к участию в рассмотрении жалоб представителей служащих (т. е. рабочих), избираемых в таких случаях по правилам, издаваемым тем же военным министром. Один из параграфов говорит, правда, о том, что «служащие в мобилизованных предприятиях, получающие за свой труд определенное вознаграждение, не могут быть поставлены в отношении оплаты труда в менее благоприятные условия, чем те, в которых они находились до мобилизации».

Вот все те основные положения, которые достаточно ясно определяют законопроект военного министра.

Рабочая группа, ознакомившись с законопроектом, нашла его совершенно неприемлемым с точки зрения интересов рабочего класса. Хотя проект пытается установить своего рода минимум заработной платы («не могут быть поставлены... в условия менее благоприятные...») и как будто уравнивает директоров и рабочих, но это является лишь словесным украшением его основного пункта, говорящего о лишении права свободного перехода не только военнообязанных, но всех вообще рабочих и притом на всех заводах, которые военное ведомство найдет необходимым объявить мобилизованными. Таким образом, проект, в сущности, ничего не давая рабочему

классу, прикрепляет рабочих к предприятиям, вводит своего рода заводское крепостное право. В условиях русской жизни, когда рабочие лишены целого ряда прав, какими пользуются рабочие в Западной Европе, такая мобилизация, по мнению Рабочей группы, не только не способна упорядочить производство и повысить производительные силы, но угрожает привести их в полное расстройство.

Исходя из этих взглядов на законопроект, Рабочая группа на собрании рабочего отдела решительно выступила против него. Указанный законопроект не встретил сочувствия не только в рабочем представительстве, но и в представителях промышленности. Не было ни одного голоса, высказавшегося в его защиту. Общее собрание Центрального военно-промышленного комитета в заседании от 22 февраля присоединилось к мнению рабочего отдела.

Конфликты и Рабочая группа.

За отчетный период рабочая жизнь была весьма богата конфликтами с администрацией и предпринимателями, иногда весьма серьезными и длительными. В большинстве случаев основаниями для этих конфликтов служило то бесспорно тяжелое экономическое положение, в какое почти повсеместно поставлен рабочий класс, слишком медленно или совсем не повышающаяся заработная плата и в то же время неимоверно быстрый подъем цен на все предметы первой необходимости.

Материалы, стекающиеся по этому поводу в Рабочую группу, с полной категоричностью опровергают ходячее мнение о том, что заводские рабочие благоденствуют, что заработная плата за время войны чрезвычайно повысилась.

Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете почти с первых же недель своего существования стала обращаться в центр, к которому стекались различные заявления о нуждах рабочих. Такие обращения шли не только от рабочих Петрограда, но и от рабочих самых различных мест России.

Одним из наиболее крупных и серьезных конфликтов, в разрешении которых пришлось участвовать группе, нужно считать конфликт в г. Николаеве на заводе «Наваль», где работает до 15 000 рабочих.

Неудовольствия рабочих вылились 11 октября в отказе продолжать работу. Причина—весьма тяжелое экономическое положение рабочих.

Характерная черта, которую нельзя не отметить: перед прекращением работ общее собрание рабочих завода, принимая во внимание важное значение для дела обороны страны снарядной мастерской, постановило в этой последней работу не прекращать, и все время конфликта две смены рабочих, числом 2 000 чел., работали в этой мастерской.

С самого же начала конфликта выяснилось, что заводская администрация не склонна пойти на какие-либо переговоры с рабочими. Было совершенно очевидно, что заводоуправление, хотя завод работает на оборону, по тем или иным причинам совершенно не заинтересовано в нормальном ходе работ.

Конфликт затягивался. Рабочими завода была послана телеграмма на имя Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, но телеграмма, как это обнаружилось впоследствии, не была до-

ставлена по адресу. В дальнейшем рабочие завода «Наваль» избрали из своей среды двух делегатов и решили отправить их в Петроград для того, чтобы так или иначе помочь разрешению конфликта. Делегаты явились в Рабочую группу и сделали подробный доклад о положении дела.

Рабочая группа, находя конфликт на заводе «Наваль» весьма важным, характерным и типичным случаем для ряда подобных же случаев, на этот раз решила поставить в собрании Центрального военно-промышленного комитета вопрос о конфликтах во всем его объеме. Всякая мобилизация промышленности, о которой теперь так любят говорить при наличности таких фактов, по мнению группы, сводится на-нет.

Перед этим предварительно были сделаны шаги к тому, чтобы представители Центрального комитета повлияли на правление николаевских заводов, находящееся в Петрограде, а члены Государственной думы на членов Особого совещания по обороне. Но это мало подвинуло дело. Правление николаевских заводов, во главе которого стоит адмирал Бострем, отказалось от посредничества Центрального военно-промышленного комитета.

Тогда вопрос был поставлен в Бюро Центрального комитета. Рабочая группа решила войти в Центральный комитет с предложением и послать в Николаев своих делегатов: одного от Рабочей группы, другого—от представителей промышленности. Но, как оказалось, Бюро Центрального комитета самостоятельно пришло к такому же точно решению, и само предложило такую же меру. В Николаев командированы были два делегата: В. М. Абросимов (член Рабочей группы) и П. П. Козакевич (член Бюро Центрального военно-промышленного комитета).

Из сообщений В. М. Абросимова выяснилось, что к этому времени конфликт в Николаеве сильно разросся и осложнился. Его ход и результат лишний раз подчеркнули, как и во многих других подобных случаях, чрезвычайно неблагоприятную для рабочих обстановку. Делегат Рабочей группы в письме от 2 февраля сообщил о вмешательстве в конфликт местного градоначальника и военно-морского прокурора. В результате возвратившиеся из Петрограда делегаты николаевских рабочих были арестованы. До 200 человек военнообязанных призваны к воинскому начальнику, а 36 человек, отказавшихся после письменных приглашений стать на работу, преданы военно-морскому суду, как нижние чины, за непослушание. «Это обстоятельство,—писал наш делегат,—может до чрезвычайности усложнить положение».

24 февраля градоначальник вывесил объявление, что завод будет закрыт, если не возобновятся работы.

25, 26 и 27 февраля производился расчет ввиду невыполнения требования градоначальника. В тот же день забастовала снарядная, 12 человек арестовано, 150 отправлено на фронт.

29-го началась отправка на сборный пункт. Отправлено до 7 000 человек [1]).

---

[1]) В отчете ЦВПК указано, что было «отправлено в войска 3 600 чел. рабочих». См. «Красный архив», т. LVII, стр. 52. В запросе Госуд. думы от 14 июня 1916 г. сказано: «На николаевском заводе «Наваль» в солдаты взяли 7 500 человек (из общего числа 14 000)». См. сборник Центрархива «Рабочее движение в годы войны», 1926 г., стр. 299. — *И. М.*

Другие конфликты, по поводу которых в Рабочую группу обращались рабочие, в общих чертах весьма схожи с николаевским.

Так, рабочие Адмиралтейского завода (Петроград), 2 000 человек, обратились к заводской администрации с просьбой о прибавке жалованья; работ не приостанавливали. 8 января завод неожиданно для рабочих оказался закрытым, и всем им было объявлено о расчете. Рабочие обратились в Рабочую группу. Заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета А. И. Коновалов, по просьбе группы, посетил товарища морского министра. К тому времени рабочие от своего требования 75% прибавки отказались сами. Переговоры и хлопоты не дали существенных результатов. 350 человек военнообязанных призваны были на военную службу. Центральный комитет возбудил ходатайство о возвращении их на завод. Но это ходатайство до сих пор не имеет положительного результата.

Подобный же конфликт, возникший на заводе Нобеля (Петроград), закончился также расчетом рабочих. Центральный военно-промышленный комитет, по просьбе группы, пытался уладить конфликт. Однако вмешательство его и здесь не увенчалось успехом: 24 человека были привлечены к отбыванию воинской повинности.

Рабочие Металлического завода (Петроград) обратились к Рабочей группе с просьбой оказать содействие в улажении возникшего конфликта. Рабочие добивались прибавки и не приступали к работам втечение 1½ дней (модельная 2½ дня). После этого завод был закрыт и простоял еще 4 дня. Рабочие приступили к работам на старых условиях.

27 января в Рабочую группу поступила из Лысьвы, Пермской губ., следующая телеграмма:

«Обрушился один корпус Лысьвенского завода, есть убитые. Рабочие других новых зданий прекратили работы. Требуют комиссии по обследованию новых зданий завода. Просим содействия. Член правления Военно-промышленного комитета рабочий Жандармов».

Согласно присланному вслед за телеграммой письму все происшедшее рисуется в следующем виде.

Акционерное общество Лысьвенского горного округа получило в прошлом году большой казенный заказ и приступило поэтому к возведению новых заводских корпусов. Железо-бетонные работы велись при 30° мороза, в результате чего 26 января один из 7 вновь возведенных корпусов обрушился, покрыв обломками не успевших выбежать рабочих. Из объявления земского начальника видно, что убитых оказалось 2 и 8 раненых. Рабочие других новых зданий прекратили работы из опасения дальнейших обвалов и потребовали назначения следственной комиссии.

Рабочая группа, ознакомившись с телеграммой, незамедлительно обратилась в Центральный военно-промышленный комитет, предлагая принять меры к расследованию дела. В ответ на запрос Рабочей группы 29 января ею была получена телеграмма такого содержания: «Конфликт улажен, ведется следствие».

О конфликте на Патронном заводе в Туле Рабочая группа получила сведения тогда, когда он был уже в самом исходе. Необходимо указать, что этот конфликт, хотя он и разразился совсем в другой местности России, буквально, как две капли воды, похож и

на петроградские и на николаевский конфликты. Так же начался, так же протекал и так же печально окончился для рабочих.

Завод, на котором 14 000 рабочих, прекратил работу по частям: 19 января латунная (6 000 рабочих), 21-го патронная (8 000 рабочих). Одним из главных требований было требование повышения заработной платы на 70—75%, иначе говоря, чтобы женщины зарабатывали не менее 40 р. в месяц, а мужчины не менее 75 р.

Директор просил рабочих встать на работу, пока он будет вести переговоры с правлением. Рабочие согласились, но поставили условием 3-дневный срок для ответа и отмену расчета, объявленного рабочим латунного отделения, которым истекал положенный законом срок.

Правление завода, обсудив требование рабочих, согласилось на прибавку от 5% до 25% и то лишь для меньшинства рабочих. Рабочие не удовлетворились, 3-дневный срок прошел, и работы опять прекратились.

Тогда вмешалась местная администрация и объявила, что, если очередная смена не встанет на работу, то рабочих больше не впустят на завод. И завод действительно был закрыт. Рабочим объявили расчет через полицию. Накануне расчета воинский начальник вывесил объявление о призыве всех военнообязанных.

В первой партии сдано было 350 человек и объявлено о призыве ратников 2-го разряда за 3 года. Затем объявлен был новый набор на работы, и рабочие массой стали записываться на старых условиях (женщинам понизили заработок от 60 к. до 40 к. в день).

5 февраля конфликт был ликвидирован, не дав рабочим ничего кроме жертв, а в феврале завод пошел полным ходом.

Кроме перечисленных выше случаев целый ряд других заводов и фабрик обращался к группе за содействием по аналогичным делам.

Из более видных можно указать на следующие: Путиловский завод, Вагоностроительный, Невский, Судостроительный, Гук, Северная ткацкая фабрика, ткацкая фабрика Кожевникова, Объединенные мастерские высших учебных заведений, фортепианная фабрика Шредера и др.

Стачка на Путиловском заводе, вызванная как поведением заводской администрации, так и вмешательством властей, кончилась секвестрацией завода, массовыми расчетами рабочих и отправкой их на фронт.

Суровая репрессия, какой подверглись путиловские рабочие, вызвала волнения среди части рабочих Петрограда. Стачка ограничилась, главным образом, Выборгской стороной и сопровождалась рядом эксцессов, съемкой рабочих, не желающих бастовать, столкновениями рабочих с рабочими и т. д. Предостерегающий голос отдельных наиболее политически зрелых и способных оценивать момент групп рабочих не возымел действия.

Рабочая группа, вполне признавая тяжелое положение, в котором очутилась большая часть рабочей массы, обращает однако внимание рабочих на всю сложность обстановки, созданную чрезвычайными обстоятельствами. Вот почему Рабочая группа сочла себя обязанной в дни последних забастовок опубликовать следующее обращение к рабочим:

«Стачечное движение, вспыхнувшее в последние дни в Петрограде, ставит Рабочую группу при Центральном военно-промышленном ко-

митете в необходимость гласно высказать свое отношение к этому движению.

Рабочая группа, прежде всего, считает своею обязанностью заявить, что главную причину движения она усматривает в глубоком недовольстве рабочих масс своим экономическим и особенно правовым положением, которое за время войны не только не улучшилось, но претерпевает резкое ухудшение. Целый ряд законов, проведенных в порядке 87 статьи, порядки и обязательные постановления военной власти, отдающей рабочих в распоряжение военно-полевых судов, превращая рабочие массы, лишенные к тому же малейшей видимости свободы коалиции, в закрепощенных рабов, определенно толкают их к стихийному протесту. Стачка становится единственным выходом, в который по всяким поводам выливается такой протест.

Считая стачку одной из вполне законных форм рабочего движения, Рабочая группа однако не забывает о том, что прибегающий к этому орудию защиты своих интересов рабочий класс не может не учитывать в каждый момент всех обстоятельств окружающей обстановки. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, определенно неблагоприятны для рабочего класса.

Разрозненные, изолированные от движения рабочих других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества попытки, в форме стачечных протестов отдельных частей рабочего класса создают положение, при котором подобные стихийные вспышки лишь ослабляют и разбивают нарастающий конфликт всего русского общества с властью. Такие вспышки, принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, идут во вред интересам рабочего класса, а не на пользу.

Принимая во внимание все вышесказанное, Рабочая группа полагает, что рабочий класс, имеющий все основания протестовать против своего невыносимого положения, который не в состоянии молчать, должен однако быть чрезвычайно осмотрительным в каждом данном случае в выборе способов защиты своих интересов и момента для своих выступлений.

Рабочая группа поэтому считает неотложно необходимым немедленный созыв общего собрания выборщиков в Военно-промышленный комитет от рабочих Петрограда, которое могло бы по поводу теперешнего стихийного движения сказать свое веское слово».

Обращения рабочих к группе.

Обращения рабочих в группу не ограничивались одними конфликтами. Рабочие разных предприятий обращались по самым разнообразным поводам: перерыв в производстве, недостаток топлива (фабрики Лаферм, Богданова, Невский судостроительный завод и пр.), невыдача военной прибавки (Лебедев, «Всеобщая компания электричества», рабочие Москвы, Харькова, Риги и мн. др.), эвакуационное пособие, стеснения в переходе военнообязанных из одного предприятия в другое, квартирный кризис (Пороховые заводы, Обуховский и т. п.).

Из этой последней категории обращений особо выделяется «Заявление 22-х уполномоченных Охтенского порохового завода», поданное в Рабочую группу при Центральном военно-промышленном комитете. В этом заявлении между прочим говорится:

«Товарищи, мы работаем на казенном заводе, изготовляющем порох для армии. За свой тяжелый и опасный труд мы получаем очень скудное содержание, но тяжесть нашего положения особенно усилилась в последнее время вследствие недостатка квартир. Расширение производства потребовало значительного увеличения числа рабочих, как строительных, так и заводских. Кроме того в нашем районе беспорядочно водворено много эвакуированных из Риги и Пернова рабочих, много бельгийцев. Все это создало такую густоту населения в районе, что рабочие квартиры, и раньше очень тесные, переполнялись сверх всякой меры. Хозяева воспользовались этой нуждой, и цены на квартиры поднялись вдвое и втрое».

Далее идут многочисленные примеры квартирных надбавок, причем рабочие указывают, что напоминания об обязательных постановлениях градоначальника приводили лишь к тому, что хозяева совсем перестали сдавать им квартиры.

«Мы не можем сами ничем помочь себе, чувствуем, что на стороне домовладельцев сила, — заканчивают рабочие свое заявление,—и потому просим вас довести до сведения Центрального военно-промышленного комитета и Госуд. думы, что мы, рабочие Охтенского порохового завода, числом около десяти тысяч, работающие исключительно на оборону и рискующие ежеминутно жизнью, находимся в безвыходном положении, что мешает нам спокойно работать».

В последнее время, как стало известно группе, среди рабочих Охтенских заводов зародилась мысль подать в Госуд. думу коллективное, за подписью сотен и тысяч рабочих, заявление, предлагающее Думе поднять этот вопрос.

Рабочий съезд.

В первом бюллетене Рабочей группы был приведен выработанный ею проект программы рабочего съезда, в настоящее время закончен выработкой и разослан по группам и выборщикам проект организационного устава.

При своем обсуждении в специально организованной при Рабочей группе комиссии вопрос о составе съезда вызвал первоначально довольно значительные разногласия. В процессе обсуждения выяснились две определенные точки зрения: одна, собравшая меньшинство, отстаивала последовательно проведенный принцип выборов от масс; другая, собравшая в конце концов подавляющее большинство, решительно отдавала предпочтение выборам от организаций, хотя бы этих организаций было немного и они были весьма несовершенны.

Группа единогласно приняла прилагаемый ниже (см. приложение) проект организационного устава, представляющий собою соединение двух принципов—от организаций и от масс. Наряду с выборами от рабочих организаций и больничных касс рабочие 8-ми наиболее крупных политических центров пользуются правом выборов от предприятий.

Принимая во внимание существующее соотношение общественных сил и имея в виду большую распыленность и неприспособленность рабочей массы в провинции, Рабочая группа, объединяя в проекте устава эти два принципа, полагает достичь наиболее полного и, в условиях русской жизни, наиболее совершенного представительства на съезде.

Группа полагает, что при полном отсутствии в России свободы коалиции рабочая масса, как таковая, не опираясь на открыто и законно

существующие организации, во многих случаях и местах совершенно не смогла бы произвести выборов к сроку и зачастую вовсе не в состоянии была бы противостоять различным административным влияниям и давлениям. Таким образом, выборы прямо от масс привели бы на практике к неполноте представительства: целый ряд местностей и целые слои рабочих оказались бы вовсе не представленными на съезде.

Те же условия русской жизни вместе с недостаточно высоким во многих случаях культурно-политическим уровнем и малым политическим опытом рабочей массы неизбежно превратили бы выборы на съезд в ряде мест в выборы слепые и случайные. Иначе говоря: выборы от фабрик и заводов оказались бы не только несовершенными, но и значительно менее совершенными, нежели от существующих организаций.

Ввиду того, что в столицах и в некоторых других крупных политических центрах рабочая масса, несмотря на слабость существующих организаций, политически более опытна и сплочена, проект, выработанный группой при Центральном комитете, выделяет особо 8 городов, в которых рабочие пользуются правом выборов—и от массы и от организаций.

Рабочая группа и Государственная дума.

Приближение открытия Госуд. думы побудило группу войти в общее собрание Центрального комитета с предложением вынести резолюцию, в которой хотя бы в общих чертах, но ясно и определенно было выражено отношение Центрального военно-промышленного комитета к Думе и ее задачам. Проект, предложенный Рабочей группой Центральному комитету, выражая в общем взгляд рабочего класса на ближайшие задачи Госуд. думы, в принципе не противоречил взглядам большинства Центрального комитета и, следовательно, мог быть вполне приемлемым для него.

Резолюция гласила:

«Признавая открытие Госуд. думы, после долгого и невольного перерыва ее работ, крупным фактом в нашей общественной жизни, способным сыграть значительную роль в деле организации общественных сил страны для ее спасения, Центральный военно-промышленный комитет считает в этих целях совершенно необходимым решительно настаивать:

1. На немедленной постановке в Думе всех основных вопросов русской жизни, которые способны развязать и раскрепить скованные силы и творчество народа.

2. Чтобы Госуд. дума, памятуя великую ответственность свою перед страной и не отступая ни перед какими препятствиями, продолжала свои работы до тех пор, пока не будет разрешена основная задача момента.

3. Для того, чтобы установить прочную связь между собою и страною и тем обеспечить за своими работами вес и внушительность, первым шагом Госуд. думы должно быть немедленное установление полной свободы обсуждения вопросов современности».

Пленарное собрание Центрального комитета, в принципе не возражая против резолюции, передало ее «для обработки» в Бюро, которое однако выработало свою особую резолюцию.

Выборы рабочих в военно-промышленные комитеты.

По сведениям, полученным Рабочей группой, выборы от рабочих в военно-промышленные комитеты произошли в следующих городах: Москва, Киев, Ростов-Дон, Самара, Уфа, Пермь, Вятка, Николаев, Армавир, Таганрог, Новочеркасск, Грозный, Елисаветград, Оренбург, Омск, Ново-Николаевск, Серпухов, Кинешма, Семипалатинск, Бийск, Новороссийск, Курган, Майкоп.

В Киеве выборы прошли еще в конце декабря. На собрании выборщиков было 199 чел., голосовало 169 чел. Избранными оказались в порядке количества полученных голосов 10 чел.: Л. Н. Алферов (134 г.), А. Е. Котов, П. А. Крылов, А. П. Смирнов, Т. М. Семченко, П. И. Незлобин, Н. М. Травянко, И. В. Беляев, П. И. Мартынов и В. Д. Тальянов. До февраля киевская группа имела 8 заседаний.

В Ростове на Дону выборы, назначенные на 24 января, благодаря вмешательству местной администрации не могли состояться. Рабочие 110 голосами против 62 решили производство выборов отложить и добиваться назначения новых выборов на 2 февраля с устройством предвыборных собраний; 2 февраля выборы состоялись, причем в перерыве была дана возможность устроить предвыборное совещание.

На собрании участвовали 145 выборщиков из 184 и 5 заместителей.

В Новочеркасске на выборах участвовало 671 рабочий. Избраны трое: два от заводов и механических мастерских и один от кустарей. При выборах администрация производила всевозможное давление вплоть до задержания уполномоченных. Воздействовали и другими способами,—так, один из выборщиков от железнодорожных мастерских получил расчет за свое избрание.

В Омске в январе организовалась рабочая группа. Представители рабочих вошли в военно-промышленный комитет с заявлением, в котором протестуют против уродливой системы выборов, считают необходимым созыв областного и всероссийского рабочего съезда, разрешение заводских собраний, комиссий и др.

Помимо указанных выше городов в целом ряде других выборы находятся в стадии производства.

В Царицыне выборами заведует рабочая комиссия (состоящая из самих рабочих). Предвыборные собрания еще не закончены.

В Екатеринославе выборы были парализованы вмешательством местной администрации, о чем в Центральном военно-промышленном комитете была получена жалоба.

В конце концов военные власти разрешили производство выборов на следующих основаниях: всякие предвыборные собрания воспрещены, от организаторов выборов требуют, чтобы они, под угрозой высылки в Иркутскую губернию, не допускали агитационных речей на избирательных собраниях.

В Луганске (Екатерин. губ.) еще в первой половине октября 1915 г., по предложению военного министра, на Патронном заводе (2 500 мужчин и 2 700 женщин) были произведены выборы 4 представителей. Но дальше все было остановлено вмешательством екатеринославской администрации. Машиностроительный завод Гартмана, с 5 450 мужчинами-рабочими и 450 женщинами, а также мелкие предприятия к выборам так и не были привлечены.

В Нижнем-Новгороде—Сормово выборы выборщиков прошли без подготовки. Выбрано было 38 выборщиков, явилось 34, выборы не состоялись, так как за них высказалось всего 6 человек против 28. Впрочем, несколько позже 12 из выборщиков протестовали против этого решения письмом в местной газете, считая его неправильно принятым, и возбуждали вопрос о возобновлении кампании.

В Харькове выборы были назначены 14 февраля. Собрание выборщиков, указав на запрещение предвыборных собраний, на устранение от выборов рабочих, работающих не на оборону и т. п., от производства выборов отказалось, потребовав от военно-промышленного комитета назначения новых выборов при более нормальных условиях.

В Перми в военно-промышленный комитет вошли 10 человек рабочих. Рабочая группа вследствие ненормальных условий при выборах считает себя представительством временным. Рабочие пермских пушечных заводов до 9—10 февраля к выборам не были привлечены, о чем неоднократно заявляли.

Кроме перечисленных случаев Рабочей группе известно о подготовке к выборам в Тифлисе, Саратове, Баку, Харькове, Одессе, Иркутске и др.

О выборах и подготовке к выборам во многих местах до группы еще не дошли сведения. Заинтересованная выяснением положения и ускорением выборов, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете разослала по этому поводу письма-запросы во все те города и местности, где имеются военно-промышленные комитеты.

Бюллетень Рабочей группы № 3.

Всероссийское бюро труда и Всероссийский съезд бюро труда.

Всероссийское бюро труда при Земском и Городском союзах обратилось в Рабочую группу с предложением делегировать в состав Исполнительного комитета Бюро труда своего представителя.

Из сообщения представителя Рабочей группы Московского военно-промышленного комитета выяснилось, что Бюро труда обратилось раньше с этим же предложением в Московскую группу, которая указала Бюро труда на необходимость пригласить в свой состав представителей от московских профессиональных союзов. Петроградская рабочая группа согласилась с доводами Московской группы и на приглашение Бюро труда ответила следующее: группа принимает приглашение участвовать в Исполнительном комитете, поручает Московской группе представлять ее там, но указывает на желательность усиления рабочего представительства путем привлечения в состав Исполнительной комиссии представителей московских профессиональных союзов.

На 31 марта было назначено Всероссийское совещание бюро труда для обсуждения вопросов, связанных с организацией трудового посредничества и регулированием трудового рынка. Организационная комиссия по созыву совещания обратилась в Рабочую группу с предложением организовать представительство на это совещание от рабочей делегации Военно-промышленного съезда (в составе 10 чел.). Делегация распределила эти места так: четыре от Петрограда, два от Москвы, один от Киева, один от Самары, один от Ростова. Кроме того

организационная комиссия предоставила 10 мест рабочим Петрограда, и Комитет Петроградской биржи труда обратился к Рабочей группе с просьбой снестись по этому поводу с рабочими организациями Петрограда. Ввиду того, что времени до съезда оставалось мало, пришлось ограничиться рассылкой извещений в крупнейшие рабочие организации. Некоторые из них выбрали представителей для обсуждения связанных с участием в съезде вопросов и выборами. Съезд, по независимым обстоятельствам, отложен на неопределенное время.

Письмо М. В. Родзянко.

10 марта в Государственной думе обсуждался запрос депутатов-евреев по поводу погромных циркуляров, рассылавшихся департаментом полиции и департаментом окладных сборов. После объяснения правительства большинство Госуд. думы постановило прекратить прения, и по мотивам голосования гр. Капнист (земец-октябрист), очевидно, от имени прогрессивного блока, заявил, что юридических оснований для принятия запроса не остается, а возбуждение еврейского вопроса в Думе опасно вообще, так как может получить опасный отклик в стране.

Обсудив произошедшее 10 марта в Госуд. думе, Рабочая группа постановила: обратиться со следующим письмом к председателю Государственной думы:

«Милостивый государь, Михаил Владимирович!

В заседании Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета от 14 марта с. г. было признано необходимым довести до вашего сведения, как председателя Государственной думы, нижеследующее постановление представителей от рабочих в Центральном военно-промышленном комитете:

Поведение большинства Государственной думы в заседании от 10 марта фактически явилось прямой поддержкой и подкреплением антисемитской и погромной политики господствующего курса.

В тот момент, когда нарастает серьезная борьба с устарелым порядком, толкающим страну к гибели и разгрому, в этот момент думское большинство в таком боевом для русской революции вопросе, как еврейский, оказывается на стороне тех, из среды которых вышли Сухомлиновы, Маклаковы, Щегловитовы.

Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете считает своей обязанностью перед лицом всей страны решительно протестовать против недостойного поведения представителей думского большинства, которое своей поддержкой боевого антисемитизма господствующих кругов наносит опасный удар делу самозащиты страны».

Письмо А. И. Гучкова.

Через несколько дней после Съезда военно-промышленных комитетов на имя К. А. Гвоздева получилось следующее письмо за подписью А. И. Гучкова:

«Милостивый государь, Козьма Антонович!

Перед отъездом на продолжительное время для поправления здоровья считаю своею непременною обязанностью обратиться к вам и ко всем вашим товарищам с убедительной просьбой охранять тот «соци-

альный мир», который нам в настоящее время необходим более, чем когда бы то ни было.

Мы, несомненно, вступили в полосу таких решительных внешних событий, от исхода которых будет зависеть все будущее России. Поэтому необходимо проникнуться более чем когда-либо сознанием того, что светлую будущность России можно построить только на одолении врага, на победе над Германией. Поражение наше равносильно долгим десятилетиям экономического рабства, тяжелого подчинения нашей родины Германии, вредного прежде всего самим рабочим. Я твердо верю в государственный смысл и деятельный патриотизм рабочих масс, всегда думал, что пораженческие идеи чужды рабочему классу, и потому еще раз взываю к вам.

Помните, что каждый безработный день есть тяжелый удар по боевой мощи армии, есть косвенная, но самая, быть может, действительная помощь ополчившемуся на нас врагу. Помните, что все пробелы в материальном снабжении армии придется заполнить человеческой кровью наших же братьев. Помните, что враг не хочет знать жалости и не даст никакой пощады.

Вполне понимаю, что накопилось много счетов и что многое наболело, но сводить эти счеты и врачевать эти недуги придет свое время.

Обращаюсь к вам с горячей дружеской просьбой внять моему слову убеждения, обращаюсь к вам, потому что знаю, что у вас и у ваших товарищей, избранных в Центральный комитет, есть достаточный авторитет среди рабочих. Обращаюсь к вам, потому что [мы] до сих пор всегда умели находить общий язык. Думаю, что и на этот раз вы согласитесь с тем, что я прихожу к вам с искренним чувством, чувством самой горячей любви к нашей многострадальной родине и сознанием, что только дружными, соединенными усилиями и самосознанием общества мы спасем ее от опасности. Искренно уважающий вас А. Гучков».

В ответ на это письмо Рабочая группа ответила А. И. Гучкову следующее:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Получив ваше письмо, я почел своею обязанностью довести его до сведения своих товарищей по группе, и ответ мой является не только моим ответом, он выражает мнение и всех моих товарищей.

В своем письме вы выражаете уверенность, что «светлую будущность» России можно построить на «одолении врага, на победе над Германией». Исходя из этого положения, вы сочли возможным обратиться к нам, организованным рабочим, со словом убеждения.

Вам, конечно, известно, что положение страны, ее настоящее и будущее вселяют и в нас великую тревогу. Но вы знаете также и то, что выводы из этого признания мы делаем совершенно иные. На последнем Съезде военно-промышленных комитетов рабочая делегация 20 крупных городов страны огласила известную вам декларацию. Рабочие, стоя за ликвидацию войны самими народами, совмещают это свое стремление с защитой страны, раз ей угрожает опасность разгрома. «Одоление же врага» или «победа над Германией», если в это понятие вкладывать такое содержание, какое в него вкладывают имущие классы, может толкнуть Россию на путь завоеваний, военных насилий, авантюр. «Светлое будущее» — не на пути империализма, даже самого либерального.

Далее в своем письме вы говорите о «социальном мире». Я не стану гадать, какой смысл вы вкладываете в это понятие. Но я и мои товарищи по группе считаем необходимым твердо и категорически заявить: ни мира, ни перемирия с руководителями того устаревшего уклада русской жизни, который был всегда враждебен интересам страны и привел ее в настоящее время к катастрофе, мы не признаем.

Что касается сохранения социального мира между предпринимателями и рабочими, то прежде всего я должен заметить, что трудно говорить о сохранении того, чего нет и не было.

Мы, рабочие, всегда были убеждены в том, что установление социального мира возможно лишь при решительном изменении всех общественных условий, что такой мир, мир в полном значении этого слова, возможен лишь тогда, когда исчезнут самые причины классовой противоположности и неравенства.

В современных же условиях можно и должно говорить не о социальном мире, а лишь о большем или меньшем урегулировании экономических взаимоотношений между противоположными по своим интересам общественными классами. Рабочий класс давно признал, что распыленность, стихийность в классовом движении не в его интересах и что предупредить стихийность могла бы только свобода организации рабочего класса. Организуясь, имущие классы, с своей стороны, повидимому, начинают признавать, что и им лучше иметь дело с организованным рабочим классом, нежели со стихийным движением масс. Война в значительной степени усложнила, затруднила борьбу общественных классов. И перед рабочим классом, подчиняющим свою борьбу принципам целесообразности и экономии сил, встали новые задачи — создать учреждения, которые в обстановке войны, когда рабочему классу приходится учитывать целый ряд привходящих обстоятельств, могли бы максимально охранять труд и силы рабочих масс.

Вам, Александр Иванович, хорошо известно, кто был инициатором таких вопросов (установление минимальной заработной платы, введение примирительных камер и проч.): рабочие и, в частности, Рабочая группа, и кто так или иначе противодействовал на Съезде и до Съезда всем этим начинаниям: представители промышленности и, в частности, представители Петроградского общества фабрикантов и заводчиков.

Разумеется, важнейшей причиной стихийности и неорганизованности отношений между предпринимателями и рабочими являются господствующие порядки. Но это не все. Другой, и нередко не менее важной, причиной является чрезвычайно низкий общественно-политический уровень огромной части представителей русской промышленности.

Вот почему мне кажется, что ваши указания нам на «опасность каждого безработного дня для русской армии», указания ваши на «пополнение пробелов в снабжении армии человеческой кровью» и т. п. направлены не по адресу.

Вы признаете далее, что «накопилось много счетов» и «врачевать эти недуги» теперь не время.

Но я полагаю, и вы не можете не согласиться со мною, что отложить счеты для стороны, которая все имеет, которая имеет даже больше того, что она имела до войны, значительно проще и легче, чем спокойно оставаться с зияющими ранами и неуврачеванными неду-

гами другой стороне, той стороне, которая всего лишена, на которую война обрушилась всей своей тяжестью.

Я убежден, что такой «социальный мир», если бы он и осуществился, обратился бы в патриотическую ширму для холодной и беспощадной эксплоатации народных масс. Я скажу более. «Социальный мир», о сохранении которого вы пишете, был бы вреден не только интересам рабочего класса, но представил бы опасность и для всей страны.

Порабощение рабочих, а именно к этому и приводит политика социального мира, вообще, в условиях нашей действительнсти в особенности, неизбежно повлечет за собой распыление и подавление рабочего класса как самостоятельной социально-политической силы.

В момент же, когда интересы защиты и раскрепощения страны властно диктуют необходимость мобилизации общественных сил, ослабление силы — самой активной — рабочего класса равносильно отказу от решения очередной задачи.

Но классовая борьба, представляющая собой нормальное и неустранимое явление современного порядка, отнюдь не уничтожает возможности координирования прогрессивных общественных сил с силами рабочего класса для осуществления общей всем задачи. Приходится однако признать, что социальная реакционность значительной части представителей русского промышленного класса затрудняет возможность общего действия и тем укрепляет позицию русской реакции.

Примите уверения в совершенном почтении К. Гвоздев».

Вопросы, связанные со Съездом военно-промышленных комитетов.

Съезд военно-промышленных комитетов принял по докладу Рабочей группы резолюцию о введении института примири... Нехвата етодного листа[1]).

Организационная комиссия имела три заседания, на которых обсуждался проект устава Съезда, выработанный Рабочей группой, и некоторые меры организационного характера, имеющие в виду популяризацию идеи Съезда и привлечение к его подготовке более широких слоев рабочих и рабочие организации. Одна из этих мер — создание местных групп, организующих обсуждение вопросов Съезда и всю подготовительную работу. В Петрограде такую группу представляет комиссия по подготовке Съезда при Рабочей группе, о которой рассказано ниже. При обсуждении устава Съезда организационной комиссией возникли те же разногласия, какие обнаружились в комиссии, вырабатывавшей устав: часть высказывалась за необходимость выборов от рабочих масс, другие за выборы преимущественно от организаций. Обсуждение устава в организационной комиссии не закончено.

Рабочая группа разослала во многие больничные кассы, кооперативы и все военно-промышленные группы письма с просьбой обсудить проект программы и устава Съезда и сообщить свои соображения по этому вопросу. Кроме того мы просим назвать существующие в данном месте профессиональные союзы и другие рабочие организации.

[1]) Так в архивном подлиннике, с которого воспроизводится текст «Бюллетеня» № 3. — *И. М.*

Такие же письма были разосланы всем выборщикам вместе с уставом и объяснительной к нему запиской.

На запрос ответило 26 больничных касс и кооперативов. Профессиональные союзы существуют только в пяти из ответивших городах (Баку—4, Елисаветград—1, Саратов—2, Челябинск—1, Самара—4); кроме того получено несколько писем от частных лиц, отозвавшихся на письмо о Рабочем съезде, помещенное Рабочей группой в газетах. Одна категория писем содержит приветствия инициаторам Съезда, горячие пожелания, успех и полное одобрение программы и устава Съезда (Лутанск, Миллерово, Дружковка, Челябинск и др.). «До сих пор, — пишет группа дружковских рабочих, — мы, рабочие, не могли проявить никакой деятельности в общественной жизни, в то время как страна требует народных сил, народной деятельности. Пусть же эта группа крепко-на-крепко свяжется в единый союз и укрепится воля в них к святой работе в пользу страны и народа!»

«Горячо благодарю тех товарищей, которые нашли мужество поднять голос в защиту своих товарищей, — пишет железнодорожный рабочий... [1]). «Положение страны катастрофическое, и рабочие своей силой смогут вывести ее из критического положения. Но для этого нужно организовать рабочий класс, рабы не побеждают, у рабов нет инициативы». «От души радуемся вашему успеху, тем более, что в Съезде давно уже назрела насущная потребность. А также не можем не выразить вам свою сердечную благодарность за ваши труды для нашего общего дела. Глубоко верим, что настанут лучшие дни, когда все рабочие сольются в одну братскую семью», — пишут миллеровские рабочие.

В другой групше писем содержатся указания относительно программы и устава, поправки к уставу. В одном письме поправки выражаются в прибавлении слова «работницы» в тех пунктах, где говорится о рабочих: экономическое положение рабочих (и работниц) и пр. Кроме того автор предлагает включить пункт об избирательных правах женщин в военно-промышленные комитеты и мерах к установлению гласности в работах комитетов.

Правление одного из профессиональных союзов Ростова: «о дороговизне ростовские рабочие высказываются в том смысле, что должна быть увеличена заработная плата и в законодательном порядке ограничена прибыль торговцев. По пункту 4-му (рабочие и жертвы войны) ростовский союз полагает, что войну ведет капитал. Пусть капиталисты возвратят беженцам потерянное имущество и построят дома для инвалидов».

Правление больничной кассы Николаева предлагает включить в программу Съезда вопросы страхования рабочих.

Группа организованных луганских рабочих тоже излагает свои мнения по вопросам программы Съезда. «Мы против войны и сторонники мира, но без завоевательных тенденций. Факт войны налицо и такой войны, которую не только мы, но рабочие всего мира остановить, пожалуй, не смогут. А посему, не желая быть простыми зрителями всего ужаса войны, считаем необходимым защищать страну от возможного разгрома, несмотря на то, что правительство...». В этом же письме рабочие указывают на низкую заработную плату, усиленную заболе-

[1]) Неразборчиво — *И. М.*

ваемость, плохое лечение, переутомление. По поводу устава высказывают соображение, что в интересах скорейшего осуществления Съезда следовало бы сократить количество представителей и даются практические указания. Правление одной больничной кассы опасается, что Рабочий съезд будет носить односторонний характер ввиду состава организационной комиссии. Ростовская рабочая группа обсудила устав вместе с представителями большинства местных профессиональных союзов и предлагает следующие поправки: из числа рабочих организаций не исключаются профессиональные общества приказчиков, фармацевтов, конторщиков и другие профессиональные общества, стоящие на классовой точке зрения; в тех исключительных случаях, когда на местах нет рабочих организаций и больничных касс, организационной комиссии предоставляется право привлечь рабочих названных городов к выборам на Съезд на том основании, как в больших промышленных городах.

Из Мелитополя тоже указывают на необходимость привлечь торговых служащих к участию в Съезде.

Кооперативное общество в Николаеве указывает на необходимость выдвинуть на Съезде вопрос о кооперативном законе.

Третья категория писем включает разного рода вопросы. Вопросы касаются права участия железнодорожных служащих, торговых служащих, денежной стороны дела, порядка выборов и пр.

Самостоятельность Рабочей группы.

Много внимания занял у группы в отчетный период вопрос об ее и всех местных групп самостоятельности. В первые месяцы существования группы самостоятельность ее никем не оспаривалась. Как уже было изложено в первом отчете, группа существует на основании принятой Центральным комитетом инструкции, обеспечивающей ей полную самостоятельность. Группа имела право непосредственно сноситься по всем входящим в круг ее деятельности вопросам с государственными и общественными учреждениями и организациями. Все письма, циркуляры и обращения Рабочей группы подписываются ее председателем и доводятся до сведения канцелярии Центрального комитета.

Но этот порядок стал нарушаться, и на заседании Бюро Центрального комитета 18 марта нарушение это было закреплено следующим постановлением:

1. Признать недопустимой рассылку обращений Рабочей группы, касающихся подготовки Рабочего съезда, без просмотра в Бюро всех приложений.

2. Корреспонденция, исходящая от Рабочей группы к высшим государственным учреждениям и лицам, должна, по примеру других отделов, проходить через Бюро Центрального военно-промышленного комитета.

3. О бумагах Рабочей группы по менее важным вопросам надлежит доводить до сведения председателя рабочего отдела.

Это постановление группа рассматривает как явное ограничение ее самостоятельности, стесняющее ее деятельность. По инициативе Рабочей группы, этот вопрос был вторично обсужден на заседании Бюро Центрального комитета 26 марта, на котором указанное постановле-

ние было подтверждено. Эти перемены однако мало отразились фактически на работе Петроградской группы, но отразились чрезвычайно резко на деятельности провинциальных групп. Так, напр., Киевский комитет требует, чтобы все письма Рабочей группы подписывались секретарем комитета. Ростовская группа до сих пор еще не получила самостоятельности, несмотря на определенное решение по этому вопросу 2-го съезда. Грозненский военно-промышленный комитет считает невозможным передать Рабочей группе присланное из Петроградской группы письмо со вложением декларации рабочей делегации. Но самое тяжелое положение создалось в Московской группе. Там борьба за самостоятельность началась с первых дней ее существования и ведется еще сейчас. Вмешательство Центрального комитета во время совещания областных комитетов 6 февраля привело к формальному согласию руководителей Московского комитета предоставить самостоятельность Рабочей группе, на деле же свелось к тому, что Московская группа представляет подотдел отдела промышленного труда военно-промышленного комитета, в полной зависимости от которого (отдела) она и находится: президиум отдела просматривает корреспонденцию, утверждает состав комиссий и пр. Корреспонденция задерживается неделями, а иногда возвращается обратно в группу, комиссии не созываются, — деятельность Московской группы парализована.

Учитывая, что подобные ограничения лишают возможности рабочих представителей выполнить возложенный на них избирателями долг и взятые на себя задачи, Рабочая группа решила подать докладную записку в Бюро Центрального комитета, в которой изложена подробно история вопроса, и предложить Центральному комитету разослать всем военно-промышленным комитетам циркуляр о самодеятельности Рабочих групп.

Обращения в Рабочую группу.

Из обращений в Рабочую группу за отчетный период следует отметить следующие.

Механический завод Лесснера. В марте рабочие инструментальной мастерской заявили требование о повышении платы на 10—50% и дали администрации 3 дня для ответа. 16 апреля администрация ответила, что требования эти она может удовлетворить только частью. Инструментальная мастерская не удовлетворилась ответом и приступила к итальянской забастовке.

19-го чернорабочие тоже предъявили требование о повышении расценок, 21-го инструментальную мастерскую не пустили в завод. Общее собрание всех рабочих завода потребовало возвращения инструментальщиков и удовлетворения требования чернорабочих. Администрация отказала и объявила расчет всем рабочим. 5 апреля рабочие обратились в Рабочую группу с просьбой вмешаться в конфликт. 7-го А. И. Коновалов, по предложению Бюро Центрального комитета, посетил директора завода Лесснер г. Стариковича. 14 апреля депутация лесснеровских рабочих была в Бюро Центрального комитета, после чего в Бюро Центрального комитета были приглашены Старикович, Богданов (директоры завода) и члены Общества фабрикантов Дюфур и Нобель. Администрация завода Лесснер заявила, что будут приняты обратно все рабочие за исключением 250. Непринятыми же оказалось 800, по сведениям администрации же.

Невский судостроительный завод. В середине апреля прекратили работу рабочие Невского судостроительного завода, поддерживая требование одной мастерской об увольнении мастера, который систематически понижает расценки и очень груб с работницами. Не получая ответа от администрации, рабочие обратились в Рабочую группу с просьбой добиться для них возможности устроить общее собрание завода для обсуждения условий ликвидации забастовки. 22 апреля состоялось неразрешенное собрание, которое постановило поддержать требование. Администрация предложила старшим рабочим сдавать работу. 25-го было второе общее собрание, подтвердившее решение первого. Завод закрыт. Рабочим объявлен расчет.

Фабрика Максвель. Администрация увеличила на 10% расценки, но, переменив сорта пряжи и ткани, понизила таким образом соответственно плату. В апреле увеличили плату поденным рабочим. Сдельным рабочим плату понизили. 20 апреля рабочие заявили требование о повышении платы на 40% и военной прибавке (10 коп.), администрация отказалась вступить в переговоры с рабочими.

Балтийский завод. 26 апреля во время работ клепальная мастерская (400—500 чел.) заявила требование о повышении платы на 85%. Цеховая плата в этой мастерской 99 к.—1 р. 35 к. Сверх цеха платят 15—20%. Потребовали увеличения цеховой прибавки 15 коп. и увеличения военной прибавки с 3 до 5 коп. Удовлетворить требование мастер отказался. 27 рабочих в завод не пустили и объявили расчет.

Комиссии при группе.

За отчетный период работали, главным образом, комиссии 1) по охране труда, 2) по содействию организации профессиональных союзов, 3) комиссия содействия рабочей кооперации и 4) по подготовке Рабочего съезда.

Комиссия по охране труда обсуждала вопросы, связанные с предполагавшимся Всероссийским совещанием бюро труда и разрабатывала намеченные ею для своей делегации доклады — «Принципы труда».

Комиссия по содействию профессиональной организации рабочих обсуждала разработанный группой рабочих устав союза металлистов и программу литературного органа металлистов. Орган, по мнению его инициаторов, должен стоять на точке зрения единства профессионального движения и сохранять строго партийную и фракционную нейтральность. Устав союза присутствием не утвержден.

Комиссия останавливалась подробно на значении института старост для рабочей жизни вообще и в частности для существования и деятельности профессиональных союзов. Комиссия разработала нормальный устав института старост и решила разослать его во все рабочие организации для обсуждения и использования. Комиссия кроме того занята вопросом о содействии организации союзов в других профессиях.

Комиссия по содействию рабочей кооперации обсуждала вопросы, связанные с объединением петроградских рабочих кооперативов, созданием кооперативного литературного органа, рассматривающего вопросы кооперации с точки зрения интересов рабочих, устройством «Дня кооперации».

Комиссия по подготовке Рабочего съезда привлекла в свой состав многих выборщиков и сведущих лиц из разных заводов, многие из них выбраны правлениями больничных касс и кооперативов. Комиссия ставит себе целью организовать обсуждение всех касающихся Съезда вопросов в своих организациях и на своих заводах, где организуются ячейки, ставящие себе те же задачи пропаганды идеи Рабочего съезда и организационные шаги по его подготовке, — вот содержание деятельности этой комиссии.

Выборы в местные комитеты.

Выборы представителей от рабочих в местные военно-промышленные комитеты идут медленно, во многих местах с большими внешними затруднениями. Екатеринославский военно-промышленный комитет только недавно получил вновь разрешение на устройство выборов по губернии (см. «Бюллетень» № 2).

В Луганске было выбрано 4 человека на Патронном заводе, но дальнейшего движения вопрос до сих пор не получил. На другом большом заводе Гартмана, где работает 6 000 человек, выборы не назначались вовсе.

Особенно тяжелое положение в Баку. 17 февраля Бакинский областной комитет назначил выборы и поручил провести их приказчикам и управляющим нефтепромышленных фирм. 19 февраля были произведены аресты. За несколько дней до этого был погром, очень взволновавший рабочие массы. Это обстоятельство, так же как короткий срок, лишило возможности рабочих подготовиться к выборам. Рабочие потребовали отсрочки. Комитет не согласился, организовал в некоторых предприятиях выборы выборщиков и назначил их на 28 февраля.

Выборщики, установив неправильность своего избрания, настаивали на необходимости создать комиссию для руководства новыми выборами. Выборы до сих пор не состоялись. Почти так же обстоит дело в Харькове. Состоявшееся 14 февраля собрание выборщиков постановило, ввиду давления на выборы и неразрешения предвыборных собраний, признать [себя] неправомочным. Военно-промышленный комитет постановил ходатайствовать о новых выборах и о разрешении предвыборных собраний. Выборы до сих пор не произведены, несмотря на то, что рабочие подали (как они нам сообщают) мотивированное заявление в Одесский военно-промышленный комитет, в котором указано на необходимость участия рабочих в комитете. Противится проведению выборов, повидимому, предпринимательская часть комитета. Центральный комитет вступил по инициативе Рабочей группы в переписку с Одесским комитетом.

К репрессиям по отношению к рабочим, участникам военно-промышленных комитетов, надо отнести осложнения в Самаре. Губернатор потребовал исключения из состава военно-промышленного комитета шестерых делегатов от рабочих как состоящих под надзором полиции. Комитет не согласился с требованием губернатора, признавая, что заседания военно-промышленного комитета не публичны, и поэтому статьи закона о недопущении к общественной деятельности неприменимы. Рабочая группа Самарского комитета обратилась в центральную группу с предложением принять меры к разъяснению дела. В Херсоне губернатор запретил выборы от рабочих по тем причинам, что

нет предприятий с 500 чел. Архангельский губернатор запретил произвести выборы от рабочих ввиду того, что в городе нет предприятий, работающих на оборону. Из других мест надо отметить Царицын и Тифлис, где выборы произошли недавно. В Тифлисе к участию в выборах были привлечены рабочие всех казенных и частных заводов и мастерских с числом рабочих русских подданных не менее 20, предприятиям с меньшим числом рабочих предоставляется право входить в соглашение для совместного избрания уполномоченных; предвыборные собрания рекомендовалось правилами производить в общих для рабочих всего данного завода помещениях. Правила были напечатаны на русском, армянском и грузинском языках.

К выборам готовятся в Екатеринодаре и Екатеринбурге. В Екатеринбурге к участию привлечены все промышленные предприятия с рабочими не менее 30 человек. Участвуют 32 предприятия с 30 000 рабочих. Выборами руководит секция рабочего отдела военно-промышленного комитета.

Деятельность местных групп.

Мы располагаем более или менее подробными сведениями только относительно деятельности Московской и Киевской групп. Относительно Московской группы мы уже указывали, что деятельность ее сильно стеснена, и большая часть усилий тратится на борьбу за свою самостоятельность. После Съезда военно-промышленных комитетов Московская группа подала докладную записку в Бюро комитета о необходимости производства выборов от рабочих во все местные комитеты, входящие в район Московского областного комитета. По списку Центрального комитета в этот район входит более 50 комитетов, к моменту же составления записки представители от рабочих были только в 4-х. Бюро Московского комитета, по докладу Рабочей группы, признало необходимым указать местным комитетам, что производство выборов для них обязательно, некоторые высказывались даже за возможность лишения их прав комитетов в случае отказа организовать выборы от рабочих.

Московская группа разослала проект устава и программы Рабочего съезда всем московским союзам, кооперативам, культурным обществам и 66 крупнейшим кассам. Большая часть московских профессиональных организаций отказалась принимать участие в подготовке Рабочего съезда вместе с группой, так как не признает ее представительницей московских рабочих. Натянутые отношения Московской группы с союзами сильно тормозят ее работу.

Представитель Московской группы П. А. Черногородцев присутствовал на Всероссийском земском съезде. На одном из заседаний он выступил с речью, в которой указал на необходимость всенародной организации обороны, на то, что рост популярности этой идеи тормозится не только общими условиями, но и завоевательными стремлениями прогрессивной буржуазии, указал на неразрывную связь идеи всенародной организации обороны с идеей борьбы за мир.

Перед пасхой Московская группа подала в Комитет докладную записку относительно сокращения пасхального перерыва для рабочих, на котором настаивал военно-промышленный комитет. Группа указывала, что часть рабочих центрального района сохраняет связь с зем-

лей и весною уходит в деревню на работу, лишение этих рабочих продолжительного перерыва было бы для них тяжелым ударом и было бы вредно с общей точки зрения, как мера, затрудняющая обеспечение страны продовольствием. Кроме того, при исключительной напряженности работы в этом году и усиленном применении женского и детского труда, для многих рабочих продолжительный перерыв является мерой крайне необходимой для восстановления сил.

Рабочая группа предлагает устраивать в предприятиях специальные рабочие комиссии, ведающие все вопросы, касающиеся отпусков. В Бюро Комитета эта записка возражений не встретила, но движения никакого не получила.

В настоящее время Московская рабочая группа усиленно занята организацией борьбы с дороговизной жилищ и вопросом о выборах от рабочих в страховое присутствие.

В деятельности Киевской рабочей группы надо отметить ее энергичную работу по исследованию условий труда. Она не только исследует лично на местах условия труда в предприятиях, где возникают конфликты, и способствует улажению их путем организации согласительных комиссий, но и выделила из своей среды комиссию по исследованию условий труда в киевских промышленных предприятиях. Эта комиссия собрала обширный материал относительно положения рабочих. Группа занята, кроме того, проведением в жизнь закона о фабричных старостах, института примирительных камер, подготовкой к Рабочему съезду, содействием местной кооперации, организацией профессионального союза металлистов.

«Бюллетень» Рабочей группы № 4.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Приезд Альбера Тома.
2. Милитаризация промышленности.
3. Рабочая группа и законодательные учреждения.
4. Вопросы организации.
5. Институт рабочих старост.
6. Примирительные камеры.
7. Муниципальные вопросы.
8. Твердые цены.
9. Продовольственный центр.
10. Всероссийское бюро труда.
11. Положение рабочих групп.

Настоящий «Бюллетень» № 4 выходит непосредственно после второго и отделен от него значительным промежутком времени. Замедление это объясняется тем, что выпуск и распространение изготовленного Рабочей группой «Бюллетеня» № 3 были задержаны распоряжением Центрального военно-промышленного комитета, который предъявил к нему столь строгие цензурные требования, что соглашение по этому поводу между ним и Рабочей группой состояться не могло.

1. Приезд Альбера Тома.

Приезд члена французской социалистической партии и министра снаряжений Альбера Тома в Россию носил строго официальный характер. Об этом приезде не были ни предупреждены, ни извещены

родственные французской социалистической партии организации России, и самое пребывание А. Тома в России было обставлено таким образом, что общение с ним более или менее демократических организаций становилось почти невозможным. С другой стороны, и сам полномочный министр Франции, несмотря на свои социалистические убеждения, не нашел возможным проявить какую-либо инициативу в деле общения с теми элементами нашей страны, которые могли бы дать ему представление о внутреннем ее положении, представление, отличное от того, какое ему приходилось получать в высоких сферах, чьим гостем он себя признал.

Тем не менее Рабочая группа стала на ту точку зрения, что мнение представителей рабочего класса России о ее внутреннем положении, о связи между задачами обороны и условиями внутреннего политического развития должно быть тем или иным путем доведено до сведения А. Тома, а через него и французской социалистической партии, равно как и до сведения социалистических кругов Европы вообще. Рабочая группа стала на ту точку зрения, что как бы образ действий А. Тома и обстановка, в которой он преимущественно вращался, ни не соответствовала нашим представлениям о международных обязанностях социалистов, международные обязанности самой группы властно диктуют ей необходимость, не взирая ни на что, воспользоваться присутствием Тома для выполнения своего долга перед Интернационалом. Долг же этот заключался в том, чтобы через посредство Тома усилить интернациональные связи, чтобы сказать правду о том, что думает группа о внутреннем положении России, о ее роли среди других держав Согласия в деле обороны и о зависимости этой обороны от внутреннего состояния России. Рабочая группа имела все основания думать, что те сведения, которыми запасся здесь А. Тома среди официальных сфер, дадут западно-европейской демократии слишком одностороннее представление об истинном положении дела, и что такое одностороннее, если просто не ложное, представление может, между прочим, повредить и тем задачам обороны, во имя которых французская партия уполномочила А. Тома занять свой высокий пост.

Рабочей группе стало известно, что Центральный военно-промышленный комитет собирается устроить торжественное заседание с участием французских гостей. За невозможностью найти какие-либо иные пути общения с А. Тома, было решено принять участие в этом заседании. Рабочая группа выработала заявление, которое поручено было огласить на заседании К. А. Гвоздеву. Заявление это мы, к сожалению, не можем здесь воспроизвести. Оно содержало в себе основанную на ряде ярких фактов характеристику внутреннего положения России и тех реакционных явлений, которые мешают делу обороны превратиться в акт всенародной активности и сознательного отношения к историческим задачам. Кроме того было указано и на ту точку зрения, которая разделяется группой в вопросах восстановления интернационального единства и международной ликвидации мирового конфликта. По предложению Центрального комитета, заявление это было представлено для предварительного ознакомления с ним собранию организаторов торжественного заседания. И тут же сразу выяснилось решительное противодействие Центрального военно-промышленного комитета тому, чтобы такое заявление в присутствии Тома было оглашено. Было предложено изменить текст заявления. К. А. Гвоздев заявил,

что изменение может касаться только формы изложения, от существа же группа отказаться не может. Следующее предложение сводилось к тому, чтобы группа присутствовала на заседании молча. Это предложение превратиться группе в собрание статистов вызвало, между прочим, протест покойного В. В. Жуковского. Наконец, третье предложение сводилось к тому, чтобы, ввиду невозможности достигнуть соглашения, торжественное заседание отменить. Принятием этого предложения и был ликвидирован вопрос о приеме Тома. Рабочая группа тогда решила препроводить А. Тома текст непроизнесенной речи вместе с объяснением, почему эта речь оказалась не произнесенной. Такова в кратких чертах история интересной попытки бросить свое слово через государственные границы России в среду западно-европейских товарищей.

Не менее печальный результат дала подобная же попытка и в Москве: здесь в общих чертах повторилась та же история, что и в Петрограде, с той только разницей, что председатель Московской рабочей группы Черногородцев, принявший целый ряд мер для свидания с А. Тома, получил свидание не с ним, а с представителями высшей московской администрации. К сожалению, Рабочей группе и до сих пор неизвестно, была ли осведомлена французская партия о тех подробностях, какими сопровождалось выполнение элементарных международных обязанностей, с одной стороны, А. Тома, с другой, представителями русских рабочих.

2. Милитаризация промышленности.

Вопросу о милитаризации промышленности Рабочая группа посвятила очень много времени и сил. Проект милитаризации был выработан правительством под названием «Положение о мобилизации промышленных предприятий» и поступил на обсуждение Государственной думы. Проект этот окончательно закреплял рабочих за предприятиями, превращая их в своего рода военные рабочие команды, подчиняющиеся всем строгим правилам казарменной дисциплины. Комиссия Государственной думы, в свою очередь, выдвинула свой законопроект, который в некоторых частях смягчал, а в других значительно усиливал военно-крепостное положение рабочего класса. Свое отношение к правительственному проекту Рабочая группа выразила в резолюции, в которой указывалось, что, в случае превращения законопроекта в закон, он, при наличности господствующего режима, не только не способствовал бы мобилизации промышленности и ее упорядочению, но, без сомнения, еще более дезорганизовал бы ее. Военная и гражданская бюрократия, заменяющая собою, по смыслу законопроекта, нынешних руководителей промышленности — отдельных предпринимателей, не только не устранила бы царящего теперь расхищения производительных сил, но к развивающемуся хищничеству добавила бы лишь свои полицейские порядки и чисто канцелярские навыки.

Осуществление этого закона в жизнь ударило бы по рабочему классу, который оказался бы в совершенно крепостном состоянии. Прикрепленного к заводу, лишенного права передвижения и распоряжения собою, лишенного под страхом суровой репрессии возможности протестовать, закон о мобилизации обратил бы рабочего в безгласную машину. Казарменный режим на мобилизованных фабриках и заво-

дах с такими карательными мерами, как карцер, а иногда и розги, был бы естественным следствием воплощения в жизнь указанного закона.

«Единственной реальной основой для действительной мобилизации промышленности, — говорится в резолюции, — является широкая организация общественных сил страны, и прежде всего организация рабочего класса. Поэтому для осуществления такой общественной мобилизации промышленности нужен не закон, надуманный военным министерством для ее бюрократизации, а немедленное проведение в жизнь свободы коалиции, т. е. свободы союзов, слова, печати...»

Эта резолюция, как и проекты правительства и Думы, служили предметом обсуждения на ряде рабочих собраний, присоединявшихся всецело к точке зрения Рабочей группы.

Еще на Втором съезде военно-промышленных комитетов правительственный проект мобилизации промышленности служил предметом горячих прений, в особенности в секции труда, где собралось наибольшее число членов рабочей делегации. Промышленники, естественно, были против проекта правительства, так как он стеснял их право неограниченной эксплоатации и вводил в некоторые рамки спокойное течение прибылей. Но, с другой стороны, те части проекта милитаризации, которые связаны были с прикреплением рабочих к предприятиям, встречались уже не так резко.

После целого ряда выступлений членов рабочей делегации секция приняла резолюцию, принятую затем и Съездом, пункт 1-й которой гласил: съезд признает неприемлемым проект мобилизации промышленности, внесенный в Государственную думу правительством.

Впоследствии при Центральном военно-промышленном комитете состоялось заседание с участием представителей общественных организаций и многих членов Государственной думы, на котором члены Рабочей группы подвергли всесторонней критике проекты милитаризации промышленности. Центральный комитет поддержал доводы членов Рабочей группы, и в итоге проекты милитаризации были отвергнуты также и здесь.

В общем выяснилось, что для проведения в жизнь этих проектов нет никаких оснований, и правительство на этом перестало настаивать. Вопрос был снят с очереди, но план милитаризации начал осуществляться в той его части, которая касалась прикрепления рабочих к предприятиям. Стали появляться циркуляры Главного комитета при Главном управлении генерального штаба по делам о предоставлении отсрочек военнообязанным, которые систематически урезывали право перехода рабочих из одного предприятия в другое. В свою очередь предприниматели стали чинить всевозможные препятствия рабочим, переходившим из одного предприятия в другое. В связи с этими мероприятиями Рабочей группе приходилось и ныне приходится выполнять огромную и тяжелую работу по выдаче разного рода справок и иной помощи рабочим, вынужденным покинуть предприятие и искать себе работу в новом месте. Число подобных обращений к группе исчисляется тысячами, и практика показала, что в этом отношении рабочие, покидающие предприятие, поставлены в крайне тяжелое положение. По циркуляру Главного комитета от 13 февраля 1916 года рабочий, покинувший то или иное предприятие, обязан был втечение семи дней найти себе новое место — число переходов не было огра-

ничено, но 1 июня 1916 года появился новый циркуляр, согласно которому рабочий имеет право только на один переход втечение периода отсрочки. Этим циркуляром прикрепление рабочих к предприятию было почти что завершено. По этому поводу Рабочая группа несколько раз обращалась в Центральный военно-промышленный комитет с указанием на необходимость изменения установленных правил перехода. Центральный комитет мало что мог в этом направлении сделать. Единственно, что получилось в результате — это был ряд циркуляров к предприятиям, в которых комитет указывал наиболее благоприятное для рабочих толкование циркуляров военных властей. Кроме того были отпечатаны инструкции с разъяснениями правил перехода, так как рабочие терпели массу лишних страданий в силу незнакомства с правилами перехода. Последний циркуляр комитета по отсрочкам был подвергнут подробному разбору в особой записке Рабочей группы, разосланной по всем местным рабочим группам. В этом циркуляре, сократившем право на переход до одного раза втечение периода отсрочки, было указано, что исключение возможно только при обстоятельствах, «не зависящих от воли служащих и рабочих». По этому поводу Рабочая группа в своей записке писала:

«Нужно иметь в виду, что, например, такое ухудшение условий труда, при котором делается совершенно невозможным продолжать работу в данном предприятии, тоже не зависит от воли рабочих. Это воля предпринимателя, а рабочий в таких случаях вынужден искать новую работу. Известны в фабричной практике случаи, зарегистрированные фабричной инспекцией, когда резким ухудшением условий труда можно заставить уйти ту или иную группу рабочих, не прибегая к формальному увольнению. Циркуляр подобное положение совершенно игнорирует. Главный комитет по отсрочкам не признает даже права на переход в случае явного и доказанного нарушения предпринимателем договора найма. Нарушение договора может быть формально установлено и зарегистрировано соответствующей властью, тем не менее рабочий обязан оставаться в нарушившем закон предприятии, если не хочет уйти на фронт.

Во всех прочих областях жизни лица, привлеченные к обороне страны, пользуются повышенной охраной своих прав (напр., в судах приостанавливаются дела о военных, ограничены права домовладельцев по отношению к семьям призванных и т. д.). Наоборот, рабочие, работающие на оборону и также считающиеся военнообязанными, теряют элементарные гражданские права, а предпринимателям облегчается возможность нарушения прав рабочих именно потому, что они работают на оборону, что они военнообязанные.

Таким образом, новые разъяснения Главного комитета по отсрочкам знаменуют собой дальнейший шаг в деле прикрепления рабочих к фабрикам и заводам. Проекты милитаризации промышленности осуществляются, но только наполовину. И как раз на этой половине находятся рабочие. Другая же половина не только не подвергается ограничениям, связанным с милитаризацией, но, наоборот, получает в военное время еще больший простор, чем в мирное».

3. Рабочая группа и законодательные учреждения.

Открытие сессии законодательных учреждений побудило Рабочую группу высказать в особом обращении в Госуд. думу свое мнение о

тех задачах, какие надлежит выполнить нашему народному представительству. В общей форме это было уже сделано на Втором съезде военно-промышленных комитетов. К моменту же открытия Госуд. думы Рабочая группа решила придать своим положениям более конкретную форму путем непосредственного обращения к думскому президиуму.

Центральным пунктом этого обращения явился вопрос о необходимости Госуд. думе выдвинуть, как очередную, совершенно нетерпящую отлагательства задачу, установление свободы организации.

«Для Государственной думы, — говорится в обращении, — не может быть тайной, что в то самое время, когда торжественно провозглашалось единение всех общественных классов и проповедывалось напряжение всех сил страны, в самых различных промышленных районах России, возник и широко разлился пожар забастовок...

Большинство этих стачек возникает совершенно стихийно. И эта стихийность в настоящее время дезорганизует не столько промышленность, руководители которой зачастую за стачкой только укрывают свои эгоистические цели и антиобщественные планы, сколько и без того распыленный рабочий класс. Хаотичность стачечной войны последнего времени, по нашим наблюдениям, приводит рабочую массу к небывалой растрате сил...

Русская реакция, по весьма понятным побуждениям, пытается вывернуть правду наизнанку и усмотреть причину хаотичности забастовок не в отсутствии организации в рабочем классе, а наоборот — в наличности тех редких осколков рабочих организаций, какие еще сохранились в России...

Являясь одной из главных причин стихийности рабочего движения, русская реакция уже стремится использовать стачечную волну для нападения на общественные организации и прежде всего на рабочее представительство военно-промышленных комитетов. Вопреки многочисленным фактам, реакция попыталась изобразить Рабочую группу при военно-промышленных комитетах центрами стачечной стихии и не побрезговала бросить в нас гнусную ложь о скрытом нашем, будто бы, пораженчестве. Обходя с презрением эту полицейскую инсинуацию, представители рабочих в Центральном военно-промышленном комитете должны однако со всей решительностью протестовать против всякого порицания и осуждения рабочих, прибегающих к стачкам.

Вопреки ходячей сказке о небывало возросшем за время войны материальном благополучии рабочей массы, положение широких рабочих кругов не только не улучшилось, но, обостренное небывалым продовольственным кризисом, значительно ухудшилось.

В стачечной стихии нужно винить поэтому не рабочие массы, а тех, кто поставил рабочий класс в положение, в котором он во всех случаях и обстоятельствах своей жизни не имеет иного орудия для защиты себя и своих интересов кроме стачечного протеста.

Отсюда вытекает вполне определенный вывод: рабочий класс и с ним вместе вся страна не может дольше жить без свободы организации.

Конечно, эта свобода не устранит совершенно даже на время войны стачечного движения, ибо рабочие стачки являются нормальным средством для защиты до тех пор, пока существует общество, разделенное на классы. Но свобода рабочих организаций, объединяя мас-

сы, без сомнения, способна будет уничтожить наблюдающийся теперь стачечный хаос и введет конфликты между предпринимателями и рабочими в определенное русло. Организованные взаимоотношения труда и капитала вообще совершенно необходимы. В нынешний же острый момент они особенно необходимы как в интересах рабочего класса, так и в интересах других общественных слоев, действительно заинтересованных в спасении своей страны. При продолжающемся же отсутствии профессиональных и политических организаций, права собраний, слова и печати народная масса и, в частности, рабочий класс будут продолжать оставаться насильственно оторванными от вмешательства в судьбы своей страны, самая же организация самозащиты останется пустым звуком...

Поэтому, обращаясь к Госуд. думе при начале работ в нынешней сессии, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах настоятельно предлагают думе первым шагом этих работ сделать вопрос о свободе организации».

Работа Госуд. думы в действительности однако ни в малейшей мере не считалась с этой роковой необходимостью укрепить за страной право на организацию. Значительная часть ее деятельности прошла мимо основных нужд народа, и Рабочая группа сочла нужным это отметить в особом заявлении, приуроченном к окончанию работ думской сессии.

4. Вопросы организации.

Из вышеизложенного видно, что центром в своих обращениях к Государственной думе Рабочая группа делала вопрос о свободе коалиций. Привлечь внимание рабочих масс к этому вопросу составляло и ныне составляет одну из главнейших задач Рабочей группы. С этой целью было выработано особое обращение к товарищам, в котором, между прочим, говорилось: «Буквально нет ни одного более или менее крупного запроса рабочего класса, который в конце концов не уперся бы в глухую стену отсутствия в России свободной коалиции. Возьмите вопрос о биржах труда и о примирительных камерах. Даже институт старост, если он будет проведен в жизнь, при отсутствии рабочих организаций не сможет получить должного значения».

Обращение рекомендует рабочим самым энергичным образом взяться на первых порах за обсуждение вопроса о возможных видах организаций, сообразно условиям места и времени.

«В каждом рабочем центре следует, — по мнению группы, — теперь же организовать особые совещания, которые занимались бы специально разработкой вопроса об организации и взяли на себя обязанность проводить в жизнь постановления рабочих собраний, содействуя стремлению рабочих к осуществлению права организации». «Необходимо, — говорится далее в обращении, — чтобы всюду и теперь же рабочие подавали на утверждение уставы о профессиональных союзах, культурно-просветительных обществах и т. п., проявляя в этом направлении упорство и энергию. В случае неутверждения таких уставов необходимо обжаловать отказы в Сенат, одним словом, использовать все имеющиеся права и стремиться вновь проводить уставы». Обращение это было разослано по всем рабочим организациям России в очень большом количестве.

В результате настояний Рабочей группы Центральный военно-промышленный комитет составил докладную записку по рабочему вопросу, в которой мысль о необходимости предоставления рабочим права организации была проведена достаточно выпукло и решительно. С другой стороны, тот же вопрос о свободе рабочих организаций был поставлен на обсуждение областного съезда военно-промышленных комитетов в мае текущего года и вызвал ряд чрезвычайно интересных и горячих прений. Все эти шаги, несомненно, повели к некоторому усилению интереса среди рабочих масс к делу создания рабочих организаций.

Печальнее всего стояло дело в этом отношении в Петрограде, где после некоторых попыток регистрации уставов, кончавшихся неудачами, движение в пользу организации, казалось, совершенно замерло. Рабочая группа сочла необходимым заново поставить вопрос об организации наиболее многочисленной категории рабочих по металлу. В этой отрасли промышленности отсутствие организации рабочих приводило к наиболее печальным последствиям, и целые ряды неудачных конфликтов обрушивались неимоверной тяжестью на головы рабочих. Члены Рабочей группы, принадлежащие преимущественно к этой категории рабочих, поставили себе целью приложить все старания к тому, чтобы союз рабочих по металлу стал фактом. Было устроено несколько собраний, выработан устав, который первоначально администрацией был отклонен. Это однако не остановило членов Рабочей группы. Был выработан новый устав, который на этот раз был зарегистрирован. Событие это имело большое значение, так как впервые после долгого промежутка отсутствия рабочих организаций появилась, так сказать, первая ласточка рабочей коллективности. Союз этот пока еще не приступил к своей практической работе, но запись членов идет чрезвычайно успешно и можно надеяться, что союз этот будет развиваться планомерно, если не случится чего-либо в области административного пресечения [1]). Под непосредственным влиянием и при прямом участии членов Рабочей группы начали создаваться также культурно-просветительные организации (так называемые рабочие клубы). Ныне уже зарегистрировано три устава [2]).

В связь с указанным должна быть также поставлена деятельность членов Рабочей группы в области рабочей кооперации. При их ближайшем участии был создан союз петроградских рабочих кооперативов, который ныне значительно расширил свою деятельность; отдельные районные рабочие кооперативы в последнее время работают также при содействии членов Рабочей группы, занимающих в них ответственные посты. В общем, работу в области профессионального и кооперативного строительства ведут две специальные комиссии при Рабочей группе: профессиональная и кооперативная. Обе эти комиссии обсуждают текущие нужды соответствующей формы рабочей организации, привлекая к этому делу сведущих лиц из числа практических работников профессионального и кооперативного движения.

Наряду с профессионально-кооперативным строительством столицы в Рабочую группу поступают сведения, что соответствующие усилия проявляются и в ряде провинциальных городов, и здесь также рабо-

[1]) Это уже случилось, и союз металлистов закрыт накануне первого своего общего собрания.

[2]) Культурно-просветительные общества также закрыты.

чие группы являются часто инициаторами и наиболее активными работниками движения.

5. Институт рабочих старост.

Изыскивая пути для привлечения в рабочую среду элементов организации хотя бы в самых простейших ее формах, Рабочая группа обратила внимание на закон 1903 года о рабочих старостах. Закон этот в свое время рабочими бойкотировался, и лишь в последние годы начали делаться попытки использования этого закона в целях создания внутрифабричного рабочего представительства. Уже на Втором съезде военно-промышленных комитетов в своем докладе о рабочей политике Рабочая группа выдвинула вопрос о рабочих старостах, как об одном из элементов конституционного строя на фабриках и заводах. Положения этого доклада в части, относящейся к рабочим старостам, были единогласно приняты секцией труда Второго съезда военно-промышленных комитетов. На пленарном заседании съезда фраза о конституционном строе на фабриках и заводах была выдвинута, и принятая всем съездом резолюция в соответствующей части гласила: «Съезд вменяет в обязанность военно-промышленным комитетам озаботиться установлением на фабриках и заводах института старост». Резолюция эта с объяснительной запиской была разослана Центральным военно-промышленным комитетом во все связанные с ним организации.

С своей стороны Рабочая группа не ограничилась вынесением этого вопроса на съезд и занялась выработкой практических мероприятий для скорейшего проведения этого института в жизнь. Постепенно прежнее предубеждение против института старост стало ослабевать, и в различных пунктах стали вновь возрождаться организации внутрифабричного представительства. Ввиду того, что интерес к институту фабричных старост стал проявляться и в провинции, в Рабочую группу стали поступать запросы о желательных формах организации этого института. Рабочая группа выработала особую записку по этому вопросу, в которой был подвергнут критике закон 1903 года, изложена вкратце история отношения рабочих и предпринимателей к этому закону и указаны те пути, при помощи которых закон 1903 года может быть использован в интересах рабочих.

Был составлен проект положения о фабричных старостах на основе закона 1903 года и вместе с докладом в большом количестве экземпляров был разослан по разным городам России. Эти мероприятия Рабочей группы встретили живой отклик со стороны рабочих, и в настоящее время число предприятий, где вводятся старосты, все увеличивается. В Рабочей группе имеются сведения из Москвы, Киева, Казани, Самары и некоторых пунктов Донецкого бассейна, где приступлено к практическим шагам по введению института старост.

Движение рабочих в эту сторону, а также интерес к вопросу, возбужденный Рабочей группой также и в среде предпринимателей, побудили министерство торговли и промышленности обратить внимание на закон 1903 года. Министерство выработало план изменений в этом законе, который в одной части, несомненно, его улучшает, а в другой — решительно ухудшает. Беглую оценку предположений министерства торговли можно найти в докладной записке, о которой говорилось выше. Министерство торговли для обсуждения вопроса о рабочих ста-

ростах собирается созвать особое междуведомственное совещание. Дальнейшим шагом Рабочей группы, несомненно, должно явиться стремление к тому, чтобы окончательная судьба закона о рабочих старостах ни в коем случае не была бы решена без самого активного участия представителей от рабочих. По этому поводу Рабочей группой составлена подробная объяснительная записка с рядом возражений против предполагавшегося ведомствами установления высокого возрастного ценза и ценза оседлости в данном промышленном предприятии, дающих право на участие в выборах фабрично-заводских старост.

6. Примирительные камеры.

Необычайно тяжелые условия экономической борьбы и хаотические формы возникновения, течения и ликвидации конфликтов уже с самого начала своей деятельности побудили Рабочую группу заняться вопросом о незамедлительной организации примирительных камер. Вопрос этот несколько раз был поставлен на обсуждение Центрального военно-промышленного комитета, который сочувственно отнесся к инициативе Рабочей группы. Ко Второму съезду военно-промышленных комитетов Рабочей группой был выработан проект примирительной камеры, который был принят секцией и общим собранием съезда. Вслед затем съезд принял резолюцию об организации примирительной камеры на основаниях, выработанных Рабочей группой. Уже на самом съезде обнаружилось, что представители Общества фабрикантов и заводчиков стремятся сорвать примирительную камеру систематическим противодействием всем предложениям не только Рабочей группы, но и Центрального военно-промышленного комитета. 10 марта Центральный комитет обратился к председателю Особого совещания по обороне с предложением, чтобы Особое совещание своей властью провело положение о примирительных камерах. Особое совещание от этого предложения отказалось, сославшись на подведомственность вопроса министерству торговли и промышленности, но, в свою очередь, это министерство спустя некоторое время признало институт примирительных камер несвоевременным.

Вслед затем вопрос о примирительных камерах был поднят Московской рабочей группой, а в начале июля состоялся съезд областных военно-промышленных комитетов, на котором вопрос о немедленном создании примирительных камер был поставлен рабочими делегатами широко и решительно. Съезду была предложена резолюция, выработанная рабочей делегацией, в которой нашла себе характеристику позиция предпринимателей по отношению к примирительным камерам и выставлено требование о немедленном приступе к организации примирительных камер на началах, принятых Вторым съездом военно-промышленных комитетов. Съезд однако принял другую резолюцию менее категорического характера, за которую рабочая делегация не сочла возможным голосовать. Прения, происходившие на съезде областных комитетов, вызвали необычайно острый интерес к вопросу о создании примирительных камер в общей прессе, которая, в общем и целом, решительно поддерживала все выступления по этому вопросу Рабочей группы. Вслед за тем вопрос о примирительных камерах был вновь поставлен в Московском комитете, и здесь разыгралась чрезвычайно яркая картина борьбы даже наиболее ли-

беральных руководителей объединенных промышленников против примирительной камеры, и в этом случае голос общественного мнения решительно поддерживал требования рабочих делегатов. Общество фабрикантов и заводчиков все не давало ответа, желает ли оно участвовать в примирительной камере или нет. Ввиду этого Рабочая группа предложила Центральному комитету сделать Обществу решительный запрос, а если оно втечение двух недель не даст ответа, то приступит к организации примирительной камеры при Центральном военно-промышленном комитете.

1 августа Центральный военно-промышленный комитет вновь обратился к Обществу фабрикантов и заводчиков с предложением избрать своих представителей в примирительную камеру, но получил следующий ответ: «Факультивные примирительные камеры, как выяснила практика их развития в Западной Европе, являются авторитетными учреждениями лишь в тех случаях, когда они создаются прочно установившимися профессиональными организациями работодателей и рабочих. Единственно возможными, при существующем у нас укладе промышленной жизни, являются примирительные камеры, проведенные в законодательном порядке и обязательные для обеих сторон».

18 августа, после того, как выяснился окончательный отказ Общества фабрикантов от участия в примирительных камерах, состоялось заседание Центрального военно-промышленного комитета, на которое ввиду его важности прибыли из Москвы проф. Мануйлов и др. Здесь снова был поставлен вопрос об организации примирительных камер. Рабочими, с одной стороны, и проф. Мануйловым, с другой — была дана яркая характеристика дезорганизаторской политики объединенных промышленников, которые стремятся во что бы то ни стало сорвать дело, способное несколько урегулировать отношения между рабочими и предпринимателями.

В результате голосования единогласно принято предложение о желательности немедленной организации примирительной камеры при Центральном военно-промышленном комитете. Рабочие представители сочли нужным подчеркнуть, что устройство примирительных камер без участия в них организованных промышленников заранее обрекает их на бездействие и создает только суррогат примирительного института. Но все же Рабочая группа, исходя из общественно-политических интересов рабочего класса, не считает возможным отказаться от организации примирительной камеры даже в таком урезанном виде. Таким образом Рабочая группа находится сейчас на пути практического проведения института примирительной камеры. На последнем заседании Бюро группы было постановлено предложить Центральному комитету выбрать комиссию, построенную на равном представительстве от предпринимательского состава комитета и Рабочей группы, для начала подготовительных работ по организации камеры. Таково положение вопроса о примирительных камерах к моменту составления настоящего «Бюллетеня».

7. Муниципальные вопросы.

Биржа труда.

В своей текущей деятельности Рабочей группе пришлось столкнуться с рядом антиобщественных явлений, получивших все большее раз-

витие в стенах центрального городского самоуправления с тех пор, как там воцарилось реакционное большинство так называемых «стародумцев». Уже вскоре после их победы нависла серьезная угроза над жизнью петроградской биржи труда, которая втечение короткого времени своего существования успела развить широкую и полезную деятельность. Замышлялось серьезное сокращение ее сметы, перевод биржи в отдаленный район города и реорганизация ее строя на чисто канцелярских началах. Намерения городской думы вызвали серьезную тревогу за судьбу биржи труда в кругах, заинтересованных в ее существовании. Считаясь с серьезной опасностью, Рабочая группа решила выступить в защиту биржи труда и в первую очередь отправила петроградскому городскому голове следующее заявление:

«Ввиду того, что на рассмотрение городской думы внесен устав петроградской биржи труда, и в данный момент обсуждается вопрос о ее дальнейшем существовании и, принимая во внимание неотложную необходимость систематической деятельности правильно организованной биржи труда, как органа, регулирующего рабочий рынок и ослабляющего бремя безработицы, деятельности, значительной в настоящее время и особенно необходимой в период острой безработицы, которая может наступить после окончания войны, Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета в своем заседании от 2-го, обсудив вопрос о бирже труда, сочла необходимым довести до сведения городского самоуправления о следующих пожеланиях: 1) Петроградская биржа труда должна быть признана думою постоянным учреждением, существующим на средства города. 2) Управление биржей труда должно быть передано паритетному комитету, состоящему из равного числа представителей от рабочих и нанимателей, во главе с нейтральным председателем. 3) Служащие биржи труда должны назначаться из кандидатов, указываемых рабочею частью паритетного комитета. 4) В случае конфликтов между трудом и капиталом биржа труда должна прекращать деятельность по отношению к предприятиям, вовлеченным в конфликт, и 5) Кроме чисто посреднической деятельности биржа труда должна заботиться об удовлетворении различных нужд безработных путем устройства столовых, чайных, читален, библиотек, школ и т. п., для чего городом должны быть предоставлены достаточные средства.

Вместе с тем Рабочая группа заявляет, что реорганизация петроградской биржи на бюрократических началах, реорганизация, равносильная уничтожению самой биржи труда, являлась бы со стороны городской думы актом, нарушающим интересы сотен тысяч петроградских рабочих, и не должна быть допущена».

Заявление это встретило живой отклик среди рабочих, и в городскую думу стали поступать аналогичные заявления от отдельных групп рабочих, которые затем были поддержаны выступлением ряда других общественных организаций. В итоге получилось довольно широкое движение в защиту биржи труда, с которым стародумское большинство не могло не считаться. Несколько раз оно приступало к пересмотру положения о бирже, каждый раз откладывая вопрос, покуда он, наконец, не был решен в том смысле, что за биржей сохраняются все ее старые права и средства. Выступления в защиту биржи труда были чрезвычайно поучительны в том отношении, что выяснилось, что энергичное выступление общества и заинтересованных элементов ра-

бочего класса может заставить дрогнуть даже такую, казалось бы, неприступную твердыню реакционного большинства, как петроградское городское самоуправление.

Трамвайный тариф.

Не увенчалось реальным успехом выступление Рабочей группы в связи с удвоением городом трамвайного тарифа. Рабочая группа, понимая, какой вред нанесет малоимущему населению города удвоение трамвайного налога, заявила по этому поводу свой протест, посланный в начале июня на имя петроградского городского головы. В этом заявлении, между прочим, говорилось: «Отсутствие рабочих жилищ вблизи предприятий и крайняя разбросанность последних по обширной площади градоначальства и уезда заставляют рабочих тратить значительную часть своего бюджета и рабочего времени на передвижение. Удвоение тарифа ляжет тяжелым бременем и на без того отягощенный рабочий бюджет, все более отстающий от резкого подъема цен на все предметы первой необходимости.

Рабочая группа полагает, что, ввиду ничем не ограниченного роста цен, задача городского самоуправления сводится к тому, чтобы по возможности поставить предел губительной для масс спекуляции. Петроградское же городское самоуправление своей новой мерой само идет в сторону усиления дороговизны, само делает свои предприятия источником повышения и без того высоких доходов. Благодаря этому у городского самоуправления исчезает почва для борьбы с частно-хозяйственной спекуляцией, и его деятельность сама по себе становится фактором, делающим жизнь неимущего населения во время войны совершенно невыносимой.

Рабочая группа обращает внимание городского самоуправления на все тяжкие последствия такого явления и подчеркивает полную его недопустимость. При этом Рабочая группа не может не пройти мимо того факта, что нынешняя высокая доходность трамвая ни в какой мере не соответствует ни удобствам, предоставляемым пассажирам, ни нормам оплаты труда многочисленного кадра трамвайных служащих и рабочих.

Покрытие городского дефицита за счет добавочного налога на трамвайное движение является недопустимым перенесением финансовых недочетов городского хозяйства на неимущие слои населения в то время, как имущие слои, представленные в городской думе, никаких избыточных тягот на содержание городского хозяйства не несут.

Увеличение трамвайного тарифа приведет неизбежно к некоторому сокращению пользования трамваем со стороны трудящихся масс. Следствием этого явится то, что более состоятельное население будет себя чувствовать в трамваях просторнее и, таким образом, насущный вопрос об упорядочении трамвайного движения разрешится в сторону предоставления удобств имущим за счет лишения возможности пользоваться трамваем неимущих. Против такой трамвайной политики городского самоуправления Рабочая группа не может не протестовать».

Рабочая группа настаивала на отмене удвоенного тарифа, и ее почин в этом деле был поддержан рядом групповых заявлений рабочих, посылавших свои протесты в думу. Вследствие разроставшегося проте-

ета вопросом об удвоении тарифа заинтересовалась высшая администрация, но, в конце концов, постановление об удвоении тарифа было проведено в жизнь.

Выступление Петроградской рабочей группы нашло отклик в Самаре, где по подобному же поводу выступила с протестом местная рабочая группа.

Общественные столовые.

Рабочей группе неоднократно приходилось выступать в связи с продовольственным кризисом. Но за последнее время, особенно в рабочих кварталах, он принял настолько острую форму, что явилась необходимость немедленного принятия ряда чисто практических мер, которые несколько облегчили бы совершенно невыносимое для рабочих масс положение. Первым шагом в этом направлении, Рабочая группа полагала, должно явиться устройство целой сети общественных столовых. С этой целью в Петроградскую городскую думу была отправлена докладная записка, из которой ниже приводятся наиболее существенные места: «Отсутствие рабочих жилищ вблизи промышленных предприятий лишает множество рабочих возможности кормиться дома, так как в короткие перерывы невозможно съездить домой поесть и вернуться. Привлечение к работам огромной массы женщин уничтожает возможность домашнего изготовления пищи, и это еще более обостряет вопрос о способах пропитания рабочего населения. Между тем рабочая масса как раз в настоящее время работает с необычайным напряжением своих сил благодаря крайней интенсификации труда и удлинению рабочего времени. И в мирное время наблюдается опасный контраст между затратой физических сил и той нормой питания, которая должна была пойти на восстановление этих сил. Но военное время довело это противоречие до небывалых размеров, так как затрата сил стремительно возросла, а норма продовольствия столь же стремительно упала». Рабочая группа в конце своего обращения указывает, что «независимо от мер общегосударственного характера местное самоуправление обязано принять ряд экстренных и широких мер для смягчения стремительно обостряющегося продовольственного бедствия.

В первую очередь городское самоуправление обязано организовать питание населения путем создания широкой и густой сети общественных столовых, приноровленных к условиям жизни в фабричных районах. Эти столовые должны быть в состоянии отпускать по доступным ценам доброкачественную пищу, способную дать не только временный эффект насыщения, но и действительное возмещение затрачиваемых рабочими сил. Дело это должно быть поставлено сразу же широко не в виде робких опытов, а на твердую почву сознательной муниципальной политики. Должен быть разработан план, жизненность которого обеспечивалась бы участием в его выработке представителей заинтересованных масс в качестве полноправных строителей собственного дела.

Рациональная постановка и успешное функционирование столовых может быть обеспечено лишь тогда, когда эти столовые — не дар гуманности или благотворительности, а результат коллективных усилий широких слоев населения.

В соответствии с этим управление столовыми на местах должно находиться в руках представителей рабочих организаций.

Обязанностью же городского управления является притти на помощь всем начинаниям общественных организаций, в особенности рабочих кооперативов, ближе всего стоящих к вопросам продовольственного дела; обязанностью городского управления является, путем предоставления денежных средств, помещений и продуктов, всемерно способствовать организации общественных самоуправляющихся столовых.

Представляя все это на рассмотрение городского общественного управления, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете полагает, что первым шагом со стороны города должен явиться созыв собрания из представителей больничных касс, рабочих кооперативов, профессиональных союзов для обсуждения общих основ дела и для избрания из состава собрания исполнительной комиссии, которая совместно с представителями городских управлений и приступит к практическому осуществлению сети общественных столовых».

Центральный военно-промышленный комитет, разделяя общие соображения Рабочей группы, придал тем не менее вопросу несколько иное направление. По инициативе А. И. Гучкова вопрос был сужен в том смысле, что на первую очередь ставится тип чисто фабричных столовых, устраиваемых по соглашению между предпринимателями и рабочими, причем первые берут на себя всю финансовую часть, а организация и заведывание делом передается представителям рабочих. 25 августа состоялось соединенное заседание представителей Центрального военно-промышленного комитета, Рабочей группы, Общества фабрикантов и заводчиков и городского самоуправления. Выступление последних обнаружило, что город не принимает тех предложений, которые имеются в заключительной части записки Рабочей группы. Они заявили, что созвать предлагаемое собрание им запрещает закон, а что касается финансовой помощи организующимся столовым, то у города денег нет и касса его пуста. Представители города согласились только на отпуск в кредит имеющихся в его распоряжении продуктов. Кроме того город ничего не имеет против того, чтобы в соглашение с рабочими на предмет устройства столовых вступали бы городские попечительства о бедных.

Представители Общества фабрикантов и заводчиков на этот раз выразили довольно большую готовность итти навстречу пожеланиям рабочих, предоставляя в их распоряжение помещения и необходимые средства. Члены Рабочей группы возражали против сведения вопроса к устройству чисто фабричных столовых, так как это будет по силам только наиболее крупным предприятиям; средние же и мелкие таких столовых не в состоянии будут устраивать. Кроме того имеется масса рабочих, работающих по мелким мастерским, так что в итоге останется огромная армия рабочих, для которой продовольственный вопрос будет стоять столь же плачевно, как и до открытия крупнейшими предприятиями своих собственных столовых.

После этого собрания состоялось организованное Рабочей группой собрание, на котором присутствовали представители больничных касс, кооперативов и некоторых городских попечительств о бедных и санитарных попечительств. Здесь выяснилось, что эти попечительства со-

гласны оказать рабочим всяческую поддержку. Но, с другой стороны, пришлось учесть и то обстоятельство, что таких попечительств в городе мало, не все из них устраивают столовые и, наконец, самая ничтожная часть этих попечительств расположена в рабочих районах. Независимо от этих шагов А. И. Гучков разослал письма фабрикантам и заводчикам, в которых они запрашивались о своем отношении к вопросу о рабочих столовых. Пока получился ряд благоприятных ответов. Далее А. И. Гучков послал письмо градоначальнику, в котором просил его не чинить препятствий рабочим собраниям для выбора уполномоченных по организации столовых. Градоначальник ответил, что о столовых в законе ничего нет, посему подобные собрания являются незаконными.

В момент составления этого «Бюллетеня» получился следующий ответ городского головы на обращение Рабочей группы:

«Вследствие отношения от 11 августа имею честь уведомить вас, милостивый государь, что вопрос о созыве собрания из представителей больничных касс, рабочих кооперативов, профессиональных союзов и представителей городских учреждений для обсуждения вопроса об организации ряда общественных столовых не входит в компетенцию городского общественного управления.

Сообщая об изложенном и признавая желательность участия представителей города в совещаниях при Центральном военно-промышленном комитете по разработке плана об устройстве общественных столовых, покорно прошу уведомить меня, какое число представителей города могло бы быть привлечено к участию в означенных совещаниях. Городской голова П. И. Л е л я н о в».

16 сентября состоялось большое собрание, на котором присутствовали представители 15 больничных касс, одного собрания заводских старост, 10 кооперативов и отдельных заводов, где вопрос о столовых был поставлен на чисто практическую почву. Отчет об этом собрании будет разослан отдельно. Принятые же на собраниях решения сводятся к следующему:

1) Выразить протест от имени всех представленных на собрании организаций против отношения городского самоуправления к вопросу о столовых, выразившемся в вышеприведенном письме городского головы.

2) Считая тип внутризаводских столовых наименее желательным, настаивать всетаки на их организации на основах полного самоуправления.

3) Принять меры к немедленной организации столовых при существующих кооперативах.

4) Помимо этого приступить к организации ряда столовых на кооперативных началах путем образования специальных столовых кооперативов, добиваясь материальной и финансовой помощи государственных и муниципальных органов, однако при соблюдении полной своей независимости.

5) Собрать путем анкеты сведения о существующих формах организации питания рабочего населения, о предпринимаемых и предпринятых к этом направлении попытках, с централизацией всех сведений в Рабочей группе.

6) Обсудить вопрос о столовых на специальном собрании союзных кооперативных организаций (общество оптовых закупок, союз потребителей и т. д.).

7) Устроить ряд районных собраний по тому же вопросу.

8) Избрать столовый центр для приведения в исполнение всех означенных решений.

Центр этот избран в составе 15 человек и подлежит переизбранию в случае, если организации пожелают доверить по этому предмету полномочия лицам, не присутствовавшим на собрании.

В общем вопрос о столовых сдвинут с места, так как ряд предпринимателей уже выразил согласие на устройство столовых, управляемых самими рабочими, и, кроме того, городские попечительства выразили согласие привлечь к управлению устраиваемыми ими столовыми представителей рабочих.

Рядом с Петроградом вопрос о столовых принял такое же направление в Киеве, где местная рабочая группа обратилась в городское самоуправление с аналогичным же заявлением. Надо здесь еще отметить, что инициатива Петроградской рабочей группы была встречена весьма сочувственно общей прессой, благодаря чему вопрос о столовых приобрел широкообщественный характер и вызвал сочувствие широких общественных элементов. За Невской заставой и на Охте состоялись по этому вопросу собрания рабочих, на которых присутствовали представители местных попечительств.

8. Твердые цены.

Занятия съезда уполномоченных по продовольствию побудили Рабочую группу высказаться по вопросу о твердых ценах на хлеб, имеющему первостепенное значение для нужд рабочего класса. По этому вопросу состоялось в Рабочей группе собрание, на котором был сделан подробный доклад о значении проектированных цен для всего народного хозяйства России и, в частности, для рабочего класса. Общая точка зрения Рабочей группы на этот вопрос была изложена в нижеследующей резолюции:

«1. Во всех воюющих странах таксы и твердые цены вводятся в целях борьбы против чрезмерного вздорожания продуктов питания; между тем твердые цены на зерно, выдвинутые нашими аграриями и завоевавшие уже большинство в Особом совещании по продовольствию, имеют целью, наоборот, искусственный подъем цен — значительное повышение их по сравнению с ценами, стоявшими на рынке в июне и июле, до начала борьбы аграриев за твердые цены.

При вынужденном молчании народной массы, лишенной влияния на законодательство, при бездействии даже существующих законодательных учреждений аграрии, овладевшие государственной властью, вызывают, в целях увеличения своего дохода, непомерное вздорожание хлеба, этого главнейшего предмета потребления широких слоев населения.

2. В силу неразрывной связи цен отдельных продуктов между собой искусственное взвинчивание цен на хлеб должно вести к подъему цен и на все другие продовольственные продукты и, таким образом, грозит понижением реальной заработной платы и серьезным ухудшением питания народной массы.

3. Искусственное повышение цен на хлеб и вызываемое им повышение цен на другие продукты означает увеличение тех огромных расходов, которые идут на армию, и, следовательно, должно влечь за собою усиление государственной задолженности и усиленный выпуск бумажных денег, делая неизбежным благодаря тому и другому усиление после войны и без того непосильного налогового бремени, лежащего на народной массе.

4. Рабочий класс, все слои населения, которым проектируемые твердые цены угрожают серьезным ухудшением положения, должны поднять свой голос против стремления аграриев провести в жизнь выдвинутые ими твердые цены и использовать таким образом народное бедствие для усиления своих доходов на счет остальной массы населения».

Одновременно с этим состоялось заседание Центрального военно-промышленного комитета, которое постановило отправить протест против установленных съездом твердых цен с указанием на необходимость их понижения. Подобное же заявление было составлено и в Московской рабочей группе, и здесь так же, как и в Петрограде, военно-промышленный комитет (приняв к сведению постановление местной рабочей группы, присоединился к нему) с своей стороны также выступил с протестом против принятых съездом твердых цен. В связи с выступлением Рабочей группы в нее стали поступать резолюции различных рабочих организаций и собраний.

Так, поступили заявления от рабочего кооператива «Прогресс», больничной кассы при заводе Осипова, Орудийного завода и др.

9. Продовольственный центр.

Еще на Втором съезде военно-промышленных комитетов в проекте резолюции рабочей делегации по продовольственному вопросу было указано на необходимость создания всероссийского общественного центра для регулирования продовольственного вопроса. В дальнейшем такой центр был создан в Москве с отделением в Петрограде, и Рабочая группа получила предложение организовать представительство в этом центре от рабочих. С этой целью Рабочая группа разослала по всем рабочим организациям предложение избрать своих выборщиков для того, чтобы на общем их собрании избрать представителей в продовольственный центр. До сих пор получены ответы от 28 организаций, из которых 3 отказались участвовать в выборах, а 25 сообщили имена избранных ими выборщиков. Почти повсюду избрание их сопровождалось собраниями, где соответствующим образом освещен продовольственный вопрос и выяснены задачи рабочих представителей в продовольственном центре. Временно пока в нем присутствуют 2 представителя от Петроградской рабочей группы и один от Московской. Но в ближайшем будущем состоится общее собрание выборщиков, на котором будут избраны постоянные представители в продовольственный центр.

10. Всероссийское бюро труда.

Вследствие целого ряда конфликтов между Всероссийским бюро труда и его руководящими служащими, которые стремились поставить дело центрального посредничества на наиболее прочных, соответству-

ющих интересам демократии основах, Главный комитет Всероссийского союза городов, в ведении которого состояло Всероссийское бюро труда, Бюро закрыл, а служащих рассчитал. Рабочая группа, состоящая членом Всероссийского бюро труда, не получая долго извещения о причинах закрытия бюро, обратилась к Главному комитету Союза городов со следующим письмом:

«До настоящего времени Рабочая группа, являясь членом закрытого Всероссийского бюро труда, не получает от Главного комитета Союза городов, распорядившегося об этом закрытии, извещения о состоявшемся решении и его мотивах. О факте закрытия учреждения, членом коего мы состоим, мы узнали только из газет. Считая, что Главный комитет Союза городов не выполнил элементарного долга одной общественной организации перед другой, Рабочая группа, ознакомившись с причинами закрытия Всероссийского бюро труда, не может не выразить своего решительного протеста против подобного образа поведения Главного комитета Союза городов.

Все усилия разнообразных общественных организаций сводились до сих пор к тому, чтобы по возможности ослабить тот вредный хаос и дезорганизацию, которые свирепствуют на рынке труда России. Война в весьма жестокой форме показала, что неорганизованность трудового рынка сопряжена с величайшими экономическими бедствиями не только для ищущих труда рабочих, но и для всего народного хозяйства в целом. Эти причины и побудили деятелей Союза городов создать центральную организацию трудового посредничества, которая объединила бы разрозненные усилия местных органов. Дело это только начало налаживаться, полезные результаты организованного посредничества только начали сказываться, как Главный комитет Союза городов, после систематического противодействия рациональной постановке дела усилиями руководящих служащих, распорядился служащих рассчитать и Всероссийское бюро труда приостановить.

Рабочая группа находит этот акт Главного комитета формально неправильным и по существу глубоко вредным. Рабочая группа полагает, что не дело общественной организации тормозить с таким трудом налаживающуюся организацию трудового посредничества, без которого хозяйственная жизнь России станет еще более хаотической, чем ныне. Рабочая группа находит, что центральная организация посредничества, созданная усилиями и существовавшая при участии целого ряда общественных организаций, не может быть упразднена односторонним усмотрением одной из них.

Рабочая группа ввиду этого выражает свое крайнее сожаление по поводу действия Главного комитета и полагает, что его решение должно быть пересмотрено в ближайшем будущем при участии представителей всех заинтересованных в трудовом посредничестве общественных организаций».

Через некоторое время после опубликования в газетах этого письма в Центральный военно-промышленный комитет поступило предложение Уфимского военно-промышленного комитета обсудить вопрос об организации Всероссийского бюро труда при Центральном комитете. Предложение это возникло следующим образом. Уфимская организация помощи беженцам обратилась в местную рабочую группу с указанием на необходимость воссоздания Всероссийского бюро труда, за-

крытого Союзом городов, при Центральном военно-промышленном комитете. Рабочая группа обратилась в Уфимский комитет, который со своей стороны обратился к Центральному комитету. Центральный комитет просил высказаться по этому вопросу Петроградскую группу, которая стала на ту точку зрения, что центральная организация посредничества не может быть достоянием одной какой-либо организации вроде Центрального военно-промышленного комитета, а должна находиться в ведении всех общественных организаций, заинтересованных в деле посредничества. Поэтому Рабочая группа решила настаивать на заключительной части своего обращения в Главный комитет Союза городов и добиваться восстановления Всероссийского бюро труда на прежних в общем и целом основаниях. Если же Главный комитет Союза городов откажется от предложенной ему Рабочей группой меры, т. е. созыва совещания всех общественных организаций для воссоздания Всероссийского бюро труда, то обратиться к Петроградской бирже труда с предложением взять на себя инициативу в деле организации органа центрального посредничества. По имеющимся в Рабочей группе предварительным сведениям, Главный комитет Союза городов склонен пойти на пересмотр своего решения. Пока же однако формального ответа не получено.

11. Положение рабочих групп.

По мере развития деятельности рабочих групп усиливаются и административные их преследования. Так, Самарская рабочая группа лишилась вследствие арестов целого ряда своих членов. Другие были высланы в разные области России. В Ростове был изъят весь состав Рабочей группы и подвергнут разного рода административным репрессиям. В Москве серьезный удар деятельности группы был нанесен высылкой из Москвы ее секретаря. В Киеве высшая военная администрация предложила упразднить группу как самостоятельный отдел. Кроме указанного группы испытывают бесконечный ряд препятствий в деле осуществления элементарных своих задач. В Петрограде все попытки устроить собрание членов группы со своими выборщиками на основе закона 4 марта потерпели неудачу; даже такой невинный шаг, как лекция члена Рабочей группы Гудкова о старостах, не был разрешен в Москве, все попытки добиться разрешения собрания по вопросу о старостах также потерпели неудачу. Подобных фактов имеется много и по всем другим группам. По поводу арестов и высылки членов и служащих рабочих групп Петроградская рабочая группа неоднократно выступала в Центральном военно-промышленном комитете, который предпринимал те или иные шаги, заранее впрочем обреченные на неудачу ввиду того твердого курса, который, очевидно, окончательно принят по отношению к рабочему представительству в военно-промышленных комитетах. Центральный военно-промышленный комитет выносил постановления, принципиально осуждавшие подобный образ поведения администрации; по цензурным условиям об этом мало что могло быть сказано даже в печати.

Деятельность рабочих групп наталкивалась однако на препятствия и внутреннего характера со стороны самих военно-промышленных комитетов.

Столкновения, подобные петроградским и, пожалуй, даже в более острой форме, происходят и в Московском и в ряде других военно-

промышленных комитетов, где вместе с ростом нервности администрации усиливается и нервозность руководителей комитетов. Это обстоятельство ослабляет удельный вес тех выступлений руководящих элементов военно-промышленных комитетов, которые имеют целью защиту групп от преследования администрации. Во всяком случае, Рабочая группа должна констатировать, что отношения рабочих групп и военно-промышленных комитетов весьма далеки от идиллии и что каждый шаг действительной работы групп достается весьма тяжелой ценой, путем затраты больших сил на преодоление разного рода тормазов. Тем не менее Рабочая группа считает необходимым продолжать свое пребывание в военно-промышленных комитетах, исходя из организационно-практических соображений. Что же касается тормозящих работу трений и конфликтов, то они являются весьма важным материалом для определения характера некоторых общественных групп и для развития их взаимоотношений. Как ни тяжелы условия работы, приходится считаться с тем, что на безмятежное существование под покровом военно-промышленных комитетов никто не надеялся с самого начала, и конфликты, происходящие сейчас, являются неизбежными спутниками для всякого общественного работника, понимающего, что социально-политическая борьба рабочего класса не является своего рода беспроигрышной лотереей. С этой точки зрения Рабочая группа подходит и к тем требованиям об ее упразднении, которые раздаются среди некоторых групп рабочих.

Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об уходе группы из Центрального военно-промышленного комитета раздаются исключительно со стороны товарищей, не признающих точки зрения обороны. Таким образом требование ухода надо рассматривать, как один из фактов не прекращающейся борьбы двух течений в рабочем классе России. Рабочая группа имеет серьезные основания отказаться от ухода по чисто принципиальным соображениям. Во всяком случае, правильный исход столкновения двух точек зрения не может быть получен путем организационного удаления одной из сторон от той базы, на которой она практически воплощает свои взгляды. Уйдет ли группа из Центрального военно-промышленного комитета или останется в нем, этим все равно та или иная точка зрения не добьется торжества. Разница будет заключаться лишь в том, что из-под ног определенной части рабочего класса исчезнет та организационная почва, которая дается пребыванием в Центральном военно-промышленном комитете.

Оставляя в стороне принципиальный спор, необходимо учесть ценность той практической организационной работы, часть которой изложена в настоящем «Бюллетене». Когда идейный спор закончится победой противников позиции Рабочей группы, тогда можно будет сказать, что ценою даже большой практической работы нельзя окупать нарушения принципов. Но до этого состояния спор еще не дошел, и поэтому ликвидировать практическую работу во имя чистоты принципов, правильность которых следует еще доказать, было бы актом, неслыханным в истории рабочего движения.

Рабочая группа должна подчеркнуть, что требования об ее уходе раздаются со стороны ограниченных кругов рабочего класса, и она не может принять их к сведению в большей мере, чем требование ряда других рабочих организаций, которые все теснее примыкают к Рабо-

чей группе, участвуют в ее работах, поддерживают ее организационно и идейно. Если даже оставить в стороне то важное обстоятельство, что требование ухода предъявлено со стороны групп, расходящихся с Рабочей группой в основной ее позиции по вопросу о войне и мире, то даже и в этом случае согласие покинуть свой пост означало бы резкий разрыв с многочисленными товарищами, рассеянными по всей России, которые считают существование Рабочей группы необходимым и весьма ценным орудием в руках рабочего класса России. Согласиться с предложением отзовистов значит пойти на открытый разрыв с несколькими десятками рабочих организаций, с видными идейными руководителями рабочего класса и со всей интернациональной традицией современной демократии. Нельзя ради удовлетворения требований своих немногочисленных идейных противников итти на резкий разрыв с широкими кругами своих идейных сторонников.

Такова в общем и целом чисто практическая точка зрения группы по вопросу об ее отозвании. Следует в заключение только отметить, что за последнее время борьба некоторых элементов с Рабочей группой приняла крайне резкий, совершенно исключающий возможность товарищеского сговора, характер. Были выпущены листки, в которых Рабочая группа трактуется, как кровопийца, высасывающий кровь рабочего класса, и т. п. Кроме того группе приписывается ряд деяний, совершенно вымышленных, и в целях борьбы с нею утилизируется искаженное изложение газетных репортеров, в свое время опровергнутое. При этом группа должна отметить, что поспевать за всеми этими искажениями чрезвычайно трудно, а опровергать их по цензурным условиям не всегда возможно, так как газетные измышления сплошь и рядом построены на очень высоких патриотических нотах, всякое опровержение которых естественно рассматривается, как «изменничество».

«Бюллетень» Рабочей группы № 5.

Задачей настоящего «Бюллетеня», выпускаемого в спешном порядке, является восстановление внешней картины событий, происшедших за последний месяц в рабочих кварталах Петрограда. Освещению остальных сторон деятельности Рабочей группы будет посвящен следующий очередной номер «Бюллетеня».

С начала октября по всему Петрограду начали широко распространяться слухи о каких-то чрезвычайных событиях, происходящих будто бы в Москве, Харькове и еще в некоторых провинциальных городах. Из некоторых городов в частных письмах запрашивали: «Что у вас происходит в Петрограде?», когда в Петрограде еще ничего не происходило. В Петрограде же со всех сторон Рабочую группу осаждают тревожным вопросом: «Что слышно о Москве?». Упорство, с которым слух о «московских событиях» передавался из уст в уста и захватил все рабочие районы Петрограда, вынуждало Рабочую группу неоднократно наводить справки у московских товарищей. И всякий раз оказывалось, что слухи эти совершенно неправдоподобны.

Убедившись в вымышленности всех этих слухов, исходивших, повидимому, из темных источников, Рабочая группа вместе с тем должна была признать, что слухи эти падают на почву, чрезвычайно подготовленную к их восприятию.

Рабочая группа неоднократно указывала на опасность создавшегося положения.

Страшная продовольственная разруха, вызывающая постоянно тревожные опасения за завтрашний день, стремительно возрастающая дороговизна продуктов первой необходимости, отсутствие многих из них в продаже, бесконечные «хвосты», выстаивание в которых совершенно не по силам рабочему, расстройство домашней жизни рабочих вследствие массового вовлечения женщин в предприятия, наряду с этим постоянное падение реальной заработной платы, несмотря на чрезвычайную интенсивность и продолжительность труда, крайне изнуряющие силы рабочего, наконец, прикрепление его к заводам, угроза фронтом, как наказанием, усиливающийся на заводах казарменный режим и т. д., — все это уже само по себе создает тревожное, напряженное состояние рабочих масс, заставляет их настойчиво искать выхода из своего невыносимого положения.

В том же напряжении действуют и политические условия, тягостные для всего населения и особенно враждебно складывающиеся для рабочего класса. Общеполитические интересы здесь глубже и серьезнее, чем в других слоях народной массы. И если внутренние порядки России вызвали резкий протест даже в умеренных слоях господствующих классов, представленных в Государственной думе, и этот протест нашел себе отклик даже в некоторых кругах дворянства и купечества, то тем больше тревоги и волнения факты внутренней политики должны были вызвать в рядах рабочего класса.

Все это происходит на фоне тяжелых лишений, вызванных войной. Как бы те или иные течения в рабочей среде не относились к войне, полнейшая неизвестность относительно ее целей, опасения, что война ведется во имя завоевательных задач, не встречающих никакого отклика в рабочей среде, все это вместе рождает естественную тревогу, что страшные жертвы народа идут на неправое, никому ненужное дело, что народ подвергается истощению не во имя самозащиты, а во имя интересов, чуждых и враждебных народу. Для сознательного отношения ко всему происходящему рабочему классу, как и всей стране, необходимо пользоваться хотя бы элементарными правами общения, но это недоступно ему даже в той мере, в какой это доступно остальным классам населения. Лишенный собственной печати, которой он мог бы доверять вполне, лишенный своих организаций, в которых он мог бы совместно с товарищами отдать себе отчет в происходящем вокруг, рабочий не находит разъяснений и в общей печати, зияющие белыми местами страницы которой только еще больше усиливают его тревожное настроение.

При таких условиях самые невероятные, непроверенные слухи, попадая в нервную атмосферу, в которой живет сейчас рабочий класс, толкают дезорганизованную, распыленную массу на путь стихийных оказательств, являющихся неизбежным результатом отсутствия открытых форм рабочей общественности. Так оно случилось и на этот раз.

С ряда заводов в Рабочую группу стали поступать сообщения о крайне повышенном, возбужденном настроении рабочих. Настроение это достигло такого напряжения, что, по сообщениям корреспондентов Рабочей группы, достаточно было малейшего шума, падения листа железа, чтобы рабочие останавливали станки и устремлялись к выходу. Вместе с тем по городу стали циркулировать самые чудовищные слухи. Положение складывалось самое серьезное. Учитывая это, Рабочая

группа в своем заседании от 17 октября постановила обратиться к рабочим со следующим заявлением:

«В последние дни все чаще и настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи. Передают: на таком-то заводе обрушилось здание и задавило сотни рабочих, на такой-то фабрике произошел взрыв, причем погибли сотни работающих там людей. На-днях широко распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, о разгроме Гостиного двора, распространяются в Москве. Но этого мало. В Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве о революции в Харькове.

При проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой.

Все подобные слухи из различных, ничем не связанных друг с другом мест передаются в такой одинаковой форме, что невольно напрашивается вопрос: не скрыта ли в основе этих слухов какая-то невидимая действующая и направляющая злая воля?

Рабочая группа, обсудив положение вещей и приняв во внимание напряженно-тревожную атмосферу, создаваемую в широких слоях населения стремительно растущей продовольственной неурядицей, считает своим долгом предупредить рабочих о большой опасности для интересов рабочего класса в том случае, если рабочие будут относиться к подобным слухам без должной осторожности.

Всякому понятно, что возбудить массу, бросить в нее искру в настоящее тяжелое время не стоит большого труда. Но всякий сознательный рабочий, отдающий себе ясный отчет в том, какое положение в настоящее время и чего требуют от него его классовые интересы и интересы страны, понимает, что стихийная вспышка дезорганизованной, раздраженной тяжестью жизни народной массы, вспышка, которую враги народа будут пытаться перевести в погром или торговых заведений или инородцев, будет на-руку только врагам рабочего класса.

Вихрь ложных слухов, вдруг поднятый неизвестно кем в рабочей среде, является предостерегающим голосом для рабочего класса: быть настороже, так как вовлечение его в движение при его неорганизованности может разбить, ослабить и надолго задавить всякие малейшие проявления его самодеятельности.

Указывая на эту огромную опасность, стоящую перед рабочим классом, Рабочая группа обращается ко всем т.т. рабочим с призывом к энергичной общественно-организационной работе. Вопрос о планомерном организованном участии рабочих масс в общественной жизни становится при таких условиях единственно верным средством отвести от рабочего класса грядущую опасность».

Аналогичное заявление было направлено также в Государственную думу. Отметив факт распространения тревожащих рабочую массу слухов, Рабочая группа говорит затем в нем:

«Считая своей обязанностью обратить внимание Государственной думы на эту все более сгущающуюся атмосферу тревожных слухов, находящих, при полном отсутствии организованности в рабочей среде, при полицейском запрещении всяких собраний и т. д., весьма благодарную почву в настороженно и нервно настроенных рабочих массах, Рабочая группа указывает при этом на одну из самых ближайших при-

чин, поддерживающих такую, более всего опасную для самого рабочего класса, обстановку: на господствующую практику так называемой военной цензуры, уничтожившую рабочую печать и почти уничтожившую гласность.

Эта цензура, при всех своих стараниях, отнюдь, к счастью, неспособная не только скрыть стремительно растущую внутреннюю разруху, но и оградить от постороннего взора то, что называется «военной тайной», успела однако же обратить печать из органа гласности в орган безгласности, поставить ее в условия, при которых печати почти не верят и помимо печати ищут и доискиваются правды. Современная русская цензура, никем и ничем не обуздываемая, обратилась в то главнейшее орудие, которым русская реакция, многоопытная в таких делах, подготовляет почву для опаснейшей и страшной по своим последствиям провокации.

Доводя обо всем вышеизложенном до сведения Государственной думы, Рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете заявляет, что первейшей обязанностью Думы в настоящее крайне тревожное время она считает немедленное и решительное обуздание так называемой военной цензуры, обратившейся в условиях настоящего момента в серьезнейшую угрозу для страны. Рабочая группа вместе с тем считает необходимым предупредить Государственную думу, что в случае весьма возможных народных эксцессов, подготовляющихся господствующей безгласностью, большая доля ответственности ляжет на думское большинство, до сих пор не удосужившееся начать решительную борьбу с этим злом, способным разжечь в стране выгодное для реакционных элементов бунтарство».

Направленное тотчас же для помещения в газетах обращение к рабочим не было пропущено военной цензурой, и только по отрывочному отчету о заседании бюджетной комиссии, в котором член Государственной думы Керенский выступил с внеочередным заявлением о происходящих событиях, рабочие могли узнать о том, что Рабочая группа обращается к ним с каким-то призывом. Только через несколько дней, да и то в урезанном виде, обращение появилось, наконец, в газетах. Но в известной степени было уже поздно.

17-го же октября, к вечеру, в Рабочую группу стали поступать сообщения о начавшихся забастовках. Придя в этот день на заводы, рабочие нашли их окруженными войсками, полицией. По улицам разъезжали конные патрули. Появление полиции оказалось последней искрой. Днем забастовал завод «Русский Рено», за ним Лесснер. На следующий день забастовочная волна перебросилась на остальные заводы Выборгской стороны, захватив вскоре и другие районы. Втечение 17—20 октября забастовка, вспыхивая постепенно то здесь, то там, коснулась следующих предприятий: «Русский Рено», Лесснер, Эриксон, Парвиайнен, Айваз, Металлический, Барановский, Феникс, Нобель, Сикорский, Щетинин, Лангезипен, Семенов, Дюфлон, Лебедев, Сименс Шуккерт, Динамо, Пильша и некоторые другие. Забастовка возникла и протекала совершенно стихийно, неорганизованно. Не было какого-либо единого лозунга, и в некоторых местах забастовка объяснялась «годовщиной 17 октября», в других — протестом против продовольственной разрухи, требованием ликвидации войны (а на одном из перечисленных выше заводов рабочие, наоборот, прекратили работу, требуя «полной победы над врагом»), в большинстве же случаев бастовали из солидарности

с «бастующей Москвой», в виде присоединения к «забастовавшим путиловцам» (на Путиловском работы все время продолжались) и т. д. Вся обстановка, в какой забастовка возникла и развивалась, ряд отдельных фактов, сообщенных с разных заводов, еще раз подтвердил, что первоначальное подозрение Рабочей группы о темных источниках распространяемых слухов вполне справедливо. Это подозрение усиливалось еще тем обстоятельством, что о забастовке в Петрограде, еще до ее возникновения, знали в других городах, знали в некоторых бюрократических канцеляриях. О провокаторских приемах говорил в Государственной думе депутат Керенский.

Признавая, что рабочий класс имеет все основания протестовать против своего невыносимого положения, Рабочая группа находила, вместе с тем, что он должен быть осмотрителен в выборе способов защиты своих интересов и момента для своих выступлений. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, были, по мнению Рабочей группы, определенно неблагоприятны для рабочего класса.

Разрозненные, изолированные от рабочего движения других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества, такие вспышки, по мнению Рабочей группы, ослабляют нарастающий конфликт всего русского общества с властью и поэтому могут пойти лишь во вред интересам рабочего класса. Учитывая все это и оставаясь на почве своего обращения к рабочим от 17 октября, Рабочая группа рекомендовала своим членам приложить все усилия к рассеянию вздорных слухов, направляя энергию рабочих масс на путь организационного строительства. Нельзя не отметить, что и представители противоположного течения, вначале поддерживая забастовку, в конце концов принуждены были обратиться к рабочим с призывом к ее прекращению, к осторожному отношению ко всякого рода провокационным слухам.

21—22 октября забастовочная волна схлынула, и повсюду возобновилась работа. Однако не надолго.

Приподнятое, нервное настроение рабочих масс вылилось вскоре в новую вспышку. Поводом к ней явился широко распространенный слух о смертной казни, будто бы угрожающей нескольким десяткам матросов, преданных военно-морскому суду. Распространению этого слуха особенно способствовало выпущенное одной политической организацией воззвание, призывающее даже по этому поводу к забастовке-протесту: «Долой смертную казнь!» — гласил лозунг листка. Ни начало, ни конец забастовки в листке указаны не были. Между тем матросы преданы суду по 102 ст., и им угрожает самое большее — каторга (как известно уже теперь, 16 человек оправдано, а 3 — приговорены к каторжным работам на разные сроки); 26 октября на ряде заводов Выборгской стороны (Эриксон, Лесснер, Феникс) опять началась забастовка, вызванная ложным сообщением о предстоящих казнях. В газетах ничего о процессе не было, и ложному слуху дана была полная свобода распространения. В последующие дни забастовка перебросилась и в остальные районы, охватив довольно значительный круг фабрик и заводов. Одновременно стало известно, что ряд забастовавших заводов Выборгской стороны (Металлический, Промет, Феникс, оба Лесснера, Нобель, Парвиайнен, Эриксон и др.) закрыт по распоряжению властей на неопределенное время. Явившиеся на работу рабочие разгонялись полицейскими нарядами. Это дало шедшему уже на убыль движению новый лозунг: поддержка локаутированных товарищей. Забастовка

продолжалась, захватив новые предприятия. На некоторых заводах (Путиловская верфь и др.) к тому же возникли конфликты на экономической почве, также вылившиеся в забастовку. Тревожному настроению способствовало поведение полиции, избившей нагайками толпу у Трубочного завода и т. п. Наконец, 29 октября на воротах бастующих заводов появилось следующее объявление:

«Начальник штаба Петроградского всенного округа на театре военных действий. 28 октября 1916 года.

Директору (такого-то) завода.

Главный начальник округа приказал лишить отсрочки призыва и призвать немедленно на действительную службу рабочих завода военнообязанных досрочных призывов 1917 и 1918 годов.

Списки означенных рабочих немедленно представьте петроградскому уездному воинскому начальнику и в полицейский участок, безотлагательно произведя расчет призываемым военнообязанным.

Доводя о сем до сведения рабочих, прошу всех родившихся в 1896 и 1897 годах немедленно явиться в контору за получением расчета».

Естественно, что все события вызвали усиленное внимание Рабочей группы. На состоявшемся при многочисленном составе заседании комиссии по организации труда было отмечено, что деятельность отдельных безответственных лиц и групп, призывающих к крайним формам рабочей активности в такой неудачный момент, только потому приводит к событиям, имевшим место в последнее время, что рабочие массы, находящиеся в крайне дезорганизованном состоянии, не имеют возможности определить вполне сознательно линию своего поведения. Подобные действия, по мнению членов комиссии, наносят непоправимый удар делу организации рабочей общественности, вызывая безоглядную растрату и без того скромных общественных сил рабочих. Положительные задачи, по мнению комиссии, сводятся в настоящий момент к концентрации внимания рабочих на очередных общественных задачах, выдвинутых современным кризисом. Разрешение этих задач возможно только путем систематического и организованного участия рабочих в общественной жизни, привлечения их усиленного внимания к той борьбе за политическую реформу, которая в настоящий момент сосредоточилась вокруг Государственной думы, ставшей естественным центром организованных усилий всей общественности.

Одновременно с этим Рабочая группа приняла ряд постановлений по поводу затянувшейся забастовки. Группа признала, что необходимо продолжение работ в тех предприятиях, которые работ не прекращали. Бастующим, но не закрытым заводам группа рекомендовала приступить к работам. Рабочим же заводов, закрытых военными властями, группа советовала требовать их открытия.

Кроме того представителями рабочих в Центральном военно-промышленном комитете было выработано и направлено в Государственную думу заявление следующего содержания:

«Последняя стихийная волна рабочих забастовок, охватившая Петроград, должна привлечь к себе внимание Государственной думы. Волнения последних дней это предостерегающий голос о том, что так больше жить нельзя.

Основную причину как последних стачек, так и чрезвычайно напряженной нервной атмосферы в рабочей среде рабочие представители видят прежде всего в современных политических условиях, быстро тол-

кающих страну к разложению. Не в злонамеренных агитаторах, не в немецких происках или деньгах и т. п. надо искать причины этих явлений, а в господстве дворянско-бюрократической клики, вся система управления которой представляет собою одно сплошное издевательство над народными интересами, одну сплошную провокацию и предательство.

Политикой этой кучки страна в конец дезорганизована, разорена и приведена к тяжкому кризису, граничащему с голодом. Хозяйничанье же в тылу военных властей, по казарменному разрешающих сложные экономические вопросы, поставило и армию перед новой еще более грозной опасностью, чем это было весной прошлого года, — перед недостатком продовольствия.

Создавшееся тяжелое положение все нестерпимее давит на народные массы. С особенной же силой оно рушится на голову рабочего класса, наиболее бесправного, менее всего защищенного. Лишенные возможности проявить малейшую самодеятельность и противопоставить всем бедствиям войны какую бы то ни было силу организованности, запертые в душную атмосферу безгласности, рабочие острее других чувствуют, перед лицом надвигающейся опасности, необходимость разорвать наложенные на страну путы.

Попытки справедливого протеста распыленных рабочих масс против господствующих политических условий, в атмосфере подцензурного молчания, естественно выливаются в стихийные вспышки. В противоположность планомерной классовой борьбе организованных рабочих, особенно ненавистной господствующей реакции, ею же поощряемые стихийные вспышки способны дезорганизовать не только ряды самих рабочих, но и всю страну.

Несмотря на то, что страна изнывает и стонет под стремительно возрастающей тяжестью продовольственного бедствия, реакция усердно поддерживает это распыленное состояние рабочих масс. Широкая, свободная организация населения вообще и организация рабочего класса в частности—единственно правильный путь к выходу из создавшегося положения. Но широкая и свободная организация народа означает коренную реорганизацию всей политической системы сверху донизу. Это хорошо понимает русская реакция. И она уже сделала выбор: пусть гибнет страна, пусть разлагается, пусть армия окажется без продовольствия, но народ не должен быть организован, ибо в его неорганизованности и распыленности лучшая гарантия сохранения ее господства. Стихийные народные волнения, которые реакция вызывает и будет неизбежно вызывать своей политикой, она попытается обратить против народа: она взвалит всю вину за дезорганизацию страны, за недоедание и деморализацию на те самые беспорядки и волнения, которые вызывала сама.

Последние волнения рабочих с особенной силой подчеркивают всю остроту и трагичность момента. Медлить нельзя ни минуты. Спасение страны, стремительно разлагающейся под давлением преступной политики правительства, требует самого быстрого, решительного и коренного преобразования существующих политических условий, преобразования, обеспечивающего прежде всего полную свободу организаций, печати, собраний и т. п. Иного пути нет, и на него о б я з а н а твердо вступить Государственная дума. Только на этом пути она может при-

обрести доверие и поддержку народных масс и в них найти опору для борьбы за освобождение и спасение страны.

В настоящее время положение остается крайне обостренным. Правительство принимает ряд особенно опасных мер, лишь осложняющих критическое положение. Многие заводы распоряжением властей закрыты, производятся массовые аресты, в виде наказания рабочих отправляют на фронт, патрули и наряды раздражают рабочее население возможностью жестоких расправ.

Поэтому мы предлагаем, что Государственной думой должно быть немедленно предъявлено решительное требование к власти:

1) Открыть все закрытые распоряжением военного начальства заводы и фабрики.

2) Рассчитанных рабочих принять обратно, арестованных освободить, посланных на фронт возвратить на заводы.

3) Убрать от заводов и из рабочих кварталов полицейские патрули и усиленные наряды, нервирующие и раздражающие рабочие массы».

В конце октября закрытые по распоряжению военных властей заводы были вновь открыты. Возобновились работы и на остальных заводах.

Первые дни заседаний Государственной думы, приковавшие к себе внимание всей страны, вновь внесли оживление в рабочую среду. Корреспонденты Рабочей группы отмечают повсюду то напряженное внимание, с которым рабочие следят за развертывающимися событиями. Речи депутатов, широко распространяющиеся по заводам, прочитываются с большим интересом. В рабочие круги начинает проникать сознание, что политическая задача, вновь поставленная на очередь с открытием Государственной думы, требует серьезной активности прежде всего от рабочего класса. По сведениям Рабочей группы, на ряде заводов (Путиловский, Металлический, Орудийный, Обуховский, Арсенал, Эриксон, Сан-Галли, Парвиайнен и др.) состоялись многолюдные митинги, прошедшие с большим подъемом и закончившиеся вынесением определенных политических резолюций, направленных в Государственную думу. Некоторые из этих резолюций доставлены и в Рабочую группу.

Резолюции указывают на ту чрезвычайную опасность, которую представляет для страны установившийся режим. «Спасение страны,—говорится далее в резолюции,—в свободной широкой организации народных масс, но широкая и свободная организация народных масс возможна лишь при изменении существующего политического порядка».

«Россия переживает небывало серьезный и грозный момент. Народная масса и прежде всего рабочий класс должны напрячь все силы своего ума и воли, чтобы умело вмешаться в движение, охватывающее все слои населения, и оказать на события решающее влияние».

Представители рабочих в Центральном военно-промышленном комитете, с своей стороны, обсудили создавшееся положение, и, принимая во внимание то напряженное состояние, которое вызывается отсутствием в газетах сведений о Государственной думе, и считая необходимым, чтобы народное представительство имело общение с массами, постановили обратиться в Государственную думу с следующим заявлением:

«Втечение недели в газетах на месте отчетов Государственной думы появляются белые места. Насилие правительства над свободой депу-

татского слова превращает Государственную думу в простую, отрезанную от народа канцелярию, низводя значение ее работ к минимуму. Нельзя обольщаться тем, что часть населения несмотря на цензурные рогатки все же узнает содержание депутатских речей. Это лишь незначительная часть населения. Огромное же большинство остается в полном неведении того, что делает Государственная дума. Страна может ознакомиться с думской деятельностью, оказывать на нее свое влияние и мобилизовать свои силы вокруг Думы лишь при одном условии — при условии свободного открытого обращения среди населения депутатских речей.

Первоначальное напряженное внимание народных масс к Думе, встречая в печати на месте речей белые места, постепенно будет падать и заменяться равнодушием. Может создаться атмосфера, чрезвычайно опасная для интересов страны и всех ее прогрессивных сил и чрезвычайно выгодная для реакции и ее замыслов.

Исходя из этого, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах считают дальнейшую работу Думы при подобных условиях недопустимой. Продолжение деятельности Думы в таких условиях не только несовместимо с достоинством представительного учреждения, но и чрезвычайно вредно и опасно, создавая нежелательный прецедент, вкладывающий в руки реакции орудие, которым она в любой момент может обратить Думу в безвредную говорильню.

Полагая, что создавшееся положение, по существу уничтожающее Думу, как таковую, не может быть дальше терпимо, представители рабочих в Центральном и Петроградском окружном военно-промышленных комитетах, в согласии с настроением широких слоев рабочего класса, требуют от думского большинства применить все возможные, не останавливаясь и перед самыми крайними, средства, чтобы путем свободно и широко распространенных думских отчетов ознакомить население и армию с работами Государственной думы. Не выжидая результатов внесенного запроса по этому поводу, Государственная дума обязана, с одной стороны, немедленно отменить положение о военной цензуре, изданное в порядке 87 ст., с другой, опираясь на общественные силы, взять на себя дело самого широкого распространения думских речей.

Это — первейшая обязанность Думы. Без этого условия, без немедленного установления гласности своей работы Дума неизбежно окажется окончательно оторванной от страны и лишится всякого основания для дальнейшего продолжения своей деятельности».

Параллельно политической кампании и до известной степени в связи с нею в кругах сознательных рабочих началась энергичная организационная работа, проявившаяся в создании на целом ряде заводов так называемых «Комиссий содействия Рабочей группе». Задача этих комиссий — установление более тесной и постоянной связи наиболее сознательных элементов рабочего класса с существующим рабочим представительством. В некоторых местах организация таких комиссий приобретает чрезвычайно строгий и широкий характер. На Металлическом заводе, напр., «Комиссии содействия» выбраны во всех цехах; представители цеховых комиссий образуют общезаводскую комиссию, поддерживающую постоянное общение с Рабочей группой, все выборы утвер-

ждены общезаводским собранием. На многих заводах создание Комиссий еще не закончено и является делом ближайших дней.

В этих новых организационных ячейках Рабочая группа приобретает ценных помощников, так необходимых ей для дальнейшего развития работы. И с проведением в жизнь сети «Комиссий содействия» деятельность Рабочей группы может уже протекать при постоянной, организованной поддержке широких рабочих кругов, постоянном с ними общении.

Таким образом часть организационных заданий Рабочей группы уже накануне своего осуществления.

Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г.

Украинская национальная буржуазия и помещики открыли путь немецкой интервенции на Украину. Силами немецких штыков была установлена их власть с гетманом Скоропадским во главе. Немецкая интервенция, охватившая Украину и Дон, стремившаяся проникнуть в Крым и на Кавказ, ставила себе сложные цели. Это была форма борьбы между империалистами, продолжавшими бороться между собой и выступавшими единым фронтом против диктатуры пролетариата. Англо-французская буржуазия, борясь с диктатурой пролетариата, стремилась воссоздать «великую и неделимую» Россию как силу, способную бороться с диктатурой пролетариата и продолжать борьбу с немецким империализмом. Немецкая интервенция стремилась организовать силы на борьбу с диктатурой пролетариата и, ударив по революции в России, избавиться от растущей революции в Германии. Немецкая интервенция стремилась путем выкачки сырья из захваченных районов укрепить падающие ресурсы Германии. Немецкая интервенция ставила своей задачей путем поддержки помещичье-буржуазной Украины и Дона создать не только барьер против проникновения большевизма в Центральную Европу, но и создать вместо феодальной России сеть послушных помещичье-буржуазных правительств, дающих помещение капитала германского империализма и сырьевые ресурсы для его промышленности. Значение и роль немецкой интервенции в организации украинской и донской контрреволюции хорошо известны из документов. Немецкие интервенты были фактическими хозяевами на территориях, где они создавали и поддерживали контрреволюционные правительства опереточных гетманов и атаманов. В руках немецкого командования были все нити борьбы с рабочим и крестьянским движением. Они практически и вели эту борьбу. Немецкое командование определяло границы государственной территории контрреволюционных правительств и, снабжая их оружием и боеприпасами, определяло их устойчивость и силу.

Деятельность интервенционных корпусов, ограбивших украинское крестьянство и выкачавших из Украины и Дона огромное количество сырья и питательных продуктов, сейчас уже достаточно освещена.

Немецкая и англо-французская интервенции поддерживали разные слои контрреволюции.

Англо-французская интервенция тесно связалась с великорусской буржуазией и помещиками, которые вложили капиталы в войну и только с помощью интервентов надеялись восстановить восточный фронт и вернуть свои расходы.

В момент начала гражданской войны в России германский империализм казался еще реальной силой, и проникновение немецких дивизий на Украину заставляло искать в них надежной поддержки для борьбы с диктатурой пролетариата. На немецкую интервенцию ориентировались те группы помещиков, которые до революции придерживались германской ориентации, ориентировались те группы буржуазии, ко-

торые искали готовой военной силы и помощи для борьбы с диктатурой пролетариата. Глава российской империалистической буржуазии Милюков лично вел в Киеве переговоры с Муммом и доказывал своим единомышленникам необходимость немецкой ориентации. Донская контрреволюция под руководством атамана Краснова всецело стояла на позициях немецкой интервенции.

Внешняя политика донской контрреволюции в тот период, когда ее возглавлял атаман Краснов, освещена им самим в его мемуарах; ряд дипломатических документов о переговорах донских дипломатов с немецкими генералами о признании независимого Дона и снабжении его оружием для борьбы с диктатурой пролетариата и большевиками был уже напечатан.

Печатаемые ниже документы дают интересные подробности, уточняют и углубляют уже известное. Они вскрывают цели восточной политики Германии и цели донской контрреволюции. Германия определяла судьбу и силу донской контрреволюции, она размежевывала территории Украины и Дона, и с этой точки зрения интересна судьба Таганрогского округа и борьба вокруг него. Немецкой интервенции нужны были хлеб и уголь. Немецким капиталистам нужны были районы вложения капиталов, и под грохот снарядов интервенционных корпусов шла спешная организация капиталистических предприятий для эксплоатации таганрогской промышленности и естественных богатств края.

Документы вскрывают, как была организована интервентами выкачка хлеба и угля из Донецкого района. Они дают возможность судить, как под влиянием внешних неудач на западном фронте и роста революционного рабочего движения внутри страны меняются притязания и требования германских интервентов. Ограбить украинское и донское крестьянство они успели, но превратить захваченные районы в колонии немецкого империализма не удалось. Рост революционного движения внутри Германии и рост революционных сил и организация советов среди войск интервентов лишили силы германскую интервенцию. Революция в Германии, революционные выступления среди германских войск на Украине лишили силы украинскую и донскую контрреволюцию. Донские генералы с большой печалью пишут, что рост революционного движения заставляет немецкое командование прекратить открытую помощь оружием, и они вместе с немецкими генералами сговариваются, как обмануть революционных немецких солдат.

Затрагивая ряд вопросов по истории контрреволюции на Украине и на Дону и ее связей с немецкой интервенцией, вскрывая на ряде отдельных конкретных примеров цели и приемы немецкой интервенции, издаваемые документы вносят ряд ценных деталей в изучение истории гражданской войны.

Они показывают, как создавался единый фронт буржуазии и помещиков всех наций и как этот фронт был прорван и опрокинут растущими силами революционных пролетариев и крестьян России и Германии, боровшихся за укрепление диктатуры пролетариата в СССР и во всем мире.

С. Пионтковский.

БОРЬБА ЗА ТАГАНРОГ.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [1]).

12 июня 1918 г.

Глубокоуважаемый
Петр Николаевич!

Вчера письмом я доносил о благоприятных результатах по поводу снабжения нас вооружением и снаряжением. Сегодня я должен был получить официальную бумагу с желаемым разрешением, но, к ве-

[1])ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, л. 15. Документы подготовил к печати Л. Виг.

ликому моему удивлению, когда я пришел за этим разрешением к товарищу военного министра, я услышал от последнего, что вопрос решен отрицательно, что немцы, которых Украина запросила по этому поводу, не разрешили просимую мной и кубанцами выдачу, говоря, что они сами дадут войску из своих запасов, что нужно.

Ввиду всего происшедшего сегодня же я был в германском штабе и имел беседу с майором Ярош, который ведает всеми делами в данной области.

Встреча наша была не так любезна, как прежде. Майор Ярош сказал, что он принужден мне передать, что те хорошие и дружественные отношения казаков с германцами в нашей области, которые были до сих пор, начинают портиться.

Я, выразив удивление, заявил ему, что наоборот, я полагаю, что наши отношения в дальнейшем будут все более и более налаживаться и что я положительно не знаю, откуда он имеет такие сведения; сказал ему, что, может быть, был какой-нибудь мелкий эпизод, о котором мне не сообщили и который, я убежден, никоим образом не может служить к ухудшению отношений между германцами и казаками, ибо, зная настроение и рыцарские чувства казаков, я никоим образом не могу допустить мысли, чтобы казаки хотели каких-либо трений с немцами.

Майор Ярош тогда сообщил мне, что немецкое командование удивлено и недовольно той настойчивостью и тем тоном, с которым было выражено желание поставить наш гарнизон и назначить административных лиц в Таганроге [1]). Майор Ярош еще раз заверил меня, что для них совершенно безразлично, кому будет принадлежать Таганрог: Украине или нам и где будет наша граница, но, покамест там есть немецкий гарнизон, они ни в коем случае не могут согласиться на постановку нашего гарнизона и наших административных лиц и что поэтому в наших интересах скорей с Украиной решить вопрос о границах.

Я ответил ему, что это желательно и нам и потому я с своей стороны прошу германское командование посодействовать более скорым заседаниям украинцев с нами, дабы украинцы не откладывали бы этот вопрос в долгий ящик.

Тут же я подчеркнул ему, что, раз для них наши границы безразличны, для нас постановка нашего гарнизона и назначение административных лиц не является столь острым; нам необходимо было это сделать, дабы показать жителям, что этот округ принадлежит нам, а не Украине; если же немцы находятся там лишь временно и после передадут его тем, кому этот округ будет принадлежать, то настаивать на нахождении теперь нашего гарнизона в Таганроге мы не будем.

Ярош передал мне, что требование ваше было передано в таком тоне и с такой настойчивостью, включительно будто бы до возможности воевать из-за этого с Украиной, что германское командование, потеряв доверие в хорошие отношения казаков с немцами, решило, впредь до урегулирования этого вопроса, не выдавать тех вагонов со снаря-

[1]) Немецкие гарнизоны стояли в Таганроге, Ростове, на ст. Лихой, Каменской, Зверево и др.

дами, которые они уже обещали нам выдать, о чем Ярош будто бы уже сделал распоряжение, и не соглашаться на выдачу и впредь.

Из этого разговора я понял причину отказа нам в вооружении и Украиной, а посему полагаю:

1) Учитывая нашу крайнюю нужду в снарядах, в пушках и снаряжении, нам не следует настаивать особенно резким тоном на вводе нашего гарнизона в Таганрог и назначении туда градоначальника, если, конечно, нельзя будет сделать это по добровольному соглашению с местным немецким командованием в Ростове и Таганроге; ссориться невыгодно, мы тогда ничего не получим и будем предоставлены в борьбе с большевиками самим себе, без снарядов и патронов.

2) Учитывая неоднократное заявление немцев, что вопрос о границах они всецело предоставляют нам с Украиной, я решаю необходимым быть более решительным при переговорах наших о границах с украинцами и настаивать на более частых заседаниях.

Немцы так недовольны происшедшим инцидентом в Таганроге, что сегодня категорически отказались вести какие-либо разговоры о беженцах, о непропуске наших эшелонов южней Аксая, о разрешении получения вооружения от Украины, заявляя мне прямо, что они об этом будут говорить тогда, когда вопрос будет урегулирован, и они вновь поверят в те дружественные и хорошие отношения к ним с вашей стороны, в те отношения, о которых мы им заявляли...

Майор Ярош даже сказал мне, что если будет продолжаться такое отношение, то они могут тогда оставить Ростов и предоставить нам самим бороться с большевиками; впрочем, последнее, я думаю, простое запугивание.

Все же общее мое впечатление: с ним ссориться не приходится, и тогда, я надеюсь, я добьюсь многого и в смысле определения границ и в помощи всем необходимым, а посему, я полагал бы, инцидент в Таганроге необходимо ликвидировать возможно скорее, так как иначе я боюсь, как бы нам не пришлось считаться с немцами в Новочеркасске.

По всей вероятности, я завтра, т. е. 13/VI, вновь буду в штабе Эйхгорна [1]), дабы узнать, в каком положении дело. Ярош мне сказал, что ими послан из Ростова к вам офицер генерального штаба для выяснения всего и что завтра около 12 часов он уже будет иметь об этом донесение.

Письмо, которое вы мне дали, мы передали Мумму, но он сказал, что он должен спросить по телефону разрешение переслать его, а для этого он должен знать хотя бы идею, что написано в нем.

Вчера Свечин сообщил содержание письма, но ответа еще не имеет.

Сегодня был у нас атаман Астраханского войска князь Тундутов. Он приехал прямо из Берлина, был у Вильгельма и Гинденбурга. Сообщил мне, что Вильгельм поддержит Юго-восточный союз, но при следующих условиях:

а) чтобы области, входящие в этот союз, были бы независимыми и

б) чтобы мы объявили свой нейтралитет при борьбе германцев с нашими союзниками. При соблюдении этих условий немцы помогут нам броневыми поездами, орудием и летательными аппаратами.

---

[1]) Эйхгорн — фельдмаршал, главнокомандующий герм. оккупационными войсками на Украине в 1918 г.; был убит левым с.-р. Б. Донским в Киеве 30 июля 1918 г.

Тундутов едет в Новочеркасск и будет у вас и доложит все подробно. Тундутов сообщает, что воссоединение с Украиной Дона, Кубани и прочих областей Вильгельму не желательно, ибо он боится, что Киев сыграет такую же роль, как Москва во времена Иоанна, и что Киев может воссоздать славянский вопрос.

Заканчивая это письмо, я вновь должен доложить, что нам необходимо не портить наших отношений с немцами в области и избегать всяких трений; лучше временно отказаться от гарнизонов в Таганрогском округе, о которых я писал вам сам, нежели оказаться без снарядов и оружия. Мне кажется, что предварительные переговоры с немецким командованием о посылке туда или сюда наших гарнизонов приведут к согласию со стороны немцев, и тогда они дадут нам все, теперь же инцидент необходимо ликвидировать...

Докладывая об изложенном, я не могу скрыть трудности проведения всех здесь вопросов, но могу лишь доложить, что я справлюсь со всем, если не будут испорчены отношения с немцами, ибо они здесь все, да не только здесь, но и на всем юге, а наши союзники за морями, и, конечно, немцы нам могут скорей помочь, нежели союзники.

А. Черячукин.

Отношение ген. Богаевского [1]) на имя ген. фон Кнерцера [2]).

26 мая 1918 г. № 19 [3]).

Прилагая при сем выписку [4]) из доклада управляющего отделом внутренних дел 24/V 1918 г., с своей стороны считаю необходимым познакомить ваше превосходительство с сущностью изложенных в докладе обстоятельств.

Градоначальник генерал-майор Семенов, давая распоряжения о формировании городской таганрогской, также окружной милиции, не мог даже допустить возможности каких-либо притязаний со стороны Украины на названный город, ибо таковые никогда официально не выражались ею. С точки зрения исторического прошлого и связанных с этим прав, Таганрог вместе с Миусским округом спокон веков принадлежал казачеству, и никто на него не предъявлял никаких прав. Только вначале восемнадцатого столетия, после «Булавинского бунта» [5]), московские цари, опасаясь вольного и воинственного казачества, решились выдвинуть два форпоста, из коих один был г. Таганрог, поместив туда свои гарнизоны и выделив в особое градоначальство, не подчиненное войсковому атаману.

---

[1]) Ген. А. П. Богаевский — управляющий отделом иностранных дел и председатель совета управляющих отделами Донского правительства; после отставки Краснова — донской атаман.

[2]) Ген. фон. Кнерцер — командир германского оккупационного корпуса на Дону.

[3]) ЦАОР, ф. № 4261, д. № 42, лл. 6—7.

[4]) Выписка в деле не сохранилась.

[5]) Булавинское восстание вспыхнуло в 1707 г. в районе Войска донского, будучи вызвано попыткой правительства вернуть в места прежнего жительства бежавших на Дон от «непомерных тягот».

Эта историческая несправедливость была исправлена в царствование императора Александра III, и Таганрог в 1888 году был включен в состав области Донского войска.

Из этой краткой исторической справки ясно следует, что Украина никогда не имела и не может иметь каких-либо притязаний на г. Таганрог и Таганрогский округ.

По настоящему же положению дела наших дружественных взаимоотношений с Украиной мы имеем веские основания быть уверенными, что точка зрения гетмана Скоропадского на этот вопрос одинакова с нашей.

Генерал Семенов отдал самостоятельное и спешное распоряжение об организации милиции в Таганроге и въезде туда назначенных лиц. Спешность была вызвана тем обстоятельством, что социалистический состав городской думы Таганрога в лице своей управы всячески тормозил изъятие милиции из ведения города и переход таковой в подчинение отдела внутренних дел Донского правительства. Такое изменение в отношении милиции Донское правительство считает крайне необходимым и неотложным, единственно могущим способствовать установлению прочного порядка в городе,—цели, в одинаковой мере преследуемой как вашим высокопревосходительством, так и мною.

В силу тех же причин было дано генералом Семеновым распоряжение, в случае необходимости и для проведения этой меры, ввести в Таганрог две сотни казаков, как реальную поддержку распоряжения правительства против могущих иметь место противодействий со стороны социалистического меньшинства городского населения, захватившего городское хозяйство города благодаря несовершенству и односторонности выборного закона революционного периода.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, ваше высокопревосходительство можете сделать определенный вывод, что мы не подавали никаких поводов к предположению о возможности каких бы то ни было вызывающих действий с нашей стороны и, конечно, тем менее имели цель затронуть достоинство германского командования. И если распоряжение генерала Семенова вызвало несколько резкое противодействие, то я не могу объяснить это иначе, как простым недоразумением. При наличности желания войти в рассмотрение по существу создавшихся обстоятельств, можно было бы избежать имевшего место и, по моему, нежелательного и прискорбного для обеих сторон, инцидента.

Троекратно подчеркнутое выражение адъютанта бестактно в виде характеристики образа действий генерала Семенова, по моему мнению, является недопустимым, хотя бы по одному тому, что, как ваше высокопревосходительство уже имели случай убедиться, наше искреннее желание лойяльности и добрососедских отношений с германским командованием является неизменным, тем не менее, со стороны представителей германского командования мы не всегда встречаем к себе подобного же отношения.

Этим моим письмом к вам, я надеюсь, что создавшееся положение будет считаться вполне исчерпанным и с вашей стороны уже не может встретиться возражений против исполнения служебных обязанностей в Таганроге лицами, назначенными генералом Семеновым, о чем ему одновременно даны соответствующие указания.

[Богаевский.]

Донесение командующего войсками Ростовского района ген. Семенова ген. Краснову [1]).

Ростов н/Д. 8 июня 1918 г. № 362.

Немецкое командование в Таганроге сообщило начальнику таганрогской окружной милиции полковнику Кунакову частным образом, что оно готово оставить на должности его и весь штат окружной милиции при условии, что таковая будет подчинена немецкому командованию. И если полковник Кунаков даст также частным образом согласие на это русского командования, то последует приказ по германскому корпусу о том, что он и все чины милиции допускаются к исправлению своей должности и что частям войск предлагается оказывать им содействие.

Не признавая со своей стороны возможным согласиться на такое условие, испрашиваю ваших указаний.

Подробности лично доложит вашему превосходительству полковник Кунаков.

Генерал-лейтенант Семенов.

Начальник штаба генерального штаба генерал-майор [подпись].

Отношение офицера ген. штаба 1 армейского корпуса германских войск фон Шлейница на имя ген. Краснова [2]).

12 июня 1918 г. № 1415.

По поручению генерала командующего (Таганрог) имею честь сообщить.

В Таганроге распространяются слухи, волнующие население; эти слухи, повидимому, исходят от генерала Семенова, почему командующий генерал просит распоряжения о недопущении возвращения генерала Семенова в Таганрог.

Как только поступит ответ командующего армией (Эйхгорна) на вопрос вашего превосходительства, то таковой тотчас же будет через 7 ландверную дивизию вашему превосходительству передан. Задержка в ответе однако возможна, ибо разрешение возбужденного вопроса, в особенности, если он будет благоприятным, едва ли может зависеть от единоличного усмотрения фельдмаршала Эйхгорна, но, вероятно, оно потребует запроса у верховного командования.

Барон фон Шлейниц.

Письмо ген. Краснова ген. фон Кнерцеру [3]).

15 июня 1918 г.

Ваше высокопревосходительство!

Я прошу вас не очень обвинять генерала Семенова, может быть, за несколько поспешные шаги по отношению Таганрога. Это старый солдат, а не дипломат, это горячий патриот, сердце которого не может

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 5.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 25.
[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 42, лл. 9—10.

примириться с тем, что на Таганрог предъявляет свои притязания Украина. Да и как вы хотите, чтобы с этим примирился кто-нибудь из казаков. В 1855 году мой родной дядя защищал Таганрог от англичан и не допустил их десанта с моря, а прах моего отца покоится на таганрогском кладбище; около 400 лет Таганрогский округ принадлежит донским казакам, и не было ни одного дня, чтобы им владели украинцы.

Между тем притязания Украины сеют смуту среди таганрогского населения. Большевики используют промедление передачи Таганрога донским властям в свою пользу и смущают население. На-днях начинается сенокос, а потом жатва. Для того, чтобы не было кровавых столкновений из-за собранного урожая, необходимо установление твердой власти по всем хуторам и слободам. Вот почему я прошу ваше высокопревосходительство не препятствовать полковнику Кунакову формировать окружную милицию и послать ее на места для восстановления полного порядка, равным образом прошу дать возможность принять на себя охрану горных и заводских предприятий как самого Таганрога, так и его округа. В свою очередь, мною дана инструкция полковнику Кунакову смотреть на Германию как на державу наиболее благоприятствуемую для торговых операций, а управляющему отделом торговли и промышленности В. А. Лебедеву дано указание войти в сношение с германским командованием для установления самых оживленных торговых сношений. Также я надеюсь, что германское командование не будет препятствовать развитию деятельности аэропланного завода и Русско-балтийского завода в их работах для донского войска. Я буду рад видеть в Ростовском и Таганрогском округах дружественные войска Германии, столь храбро помогающие нам в нашей борьбе против общего врага человечества—большевиков.

Счастлив поздравить ваше превосходительство с громкими победами императорских и королевских войск на западе и в Таганроге. Я лично имел возможность убедиться в храбрости и стойкости германских войск, сражаясь под Куявкой в марте 1915 г. и под Железницей и Кухоцкой волей в сентябре 1915 года, где мои казаки и германская пехота и кавалерия научились взаимно уважать друг друга.

Уважающий вас П. Краснов.

Телеграмма полк. Пономарева управляющему отделом внутренних дел Донского правительства [1]).

Ростов н/Д. 16 июня 1918 г. № 657.

Начальник таганрогской почтово-телеграфной конторы телеграфирует мне, что комендант города, по распоряжению высшего германского командования, требует представления всех административно-распорядительных телеграмм для цензуры, переговоры по прямому проводу не допускаются без особого на то разрешения командного состава. Начальник испрашивает распоряжения. Не имея возможности сопротивляться и опасаясь худшего, то-есть взятия телеграфа, полагал бы допустить, а затем улаживать дипломатическим путем. Прошу распоряжения. № 4026.

Наокр. Пономарев.

---

[1]) ЦАОР ф. № 1261, д. № 10, л. 20.

Телеграмма и. д. начальника военного снабжения полк. Пономарева управляющему отделом внутр. дел Донского правительства [1]).

Ростов н/Д. 22 июня 1918 г. № 882.

Сего числа мной получена от начальника таганрогской почтовой конторы телеграмма: «Официальной бумагой мне городским головой объявлено: приказом высшего германского командного состава, до выяснения принадлежности Таганрога Украине или Дону, все административные распоряжения всем учреждениям Таганрога исходят исключительно от коменданта города или городского самоуправления. Подробное донесение почтой. № 789. Шуман». № 4150.

Пономарев.

Отношение начальника Ростовского почтово-телеграфного округа на имя ген. Богаевского [2]).

Ростов н/Д. 12 июля 1918 г. № 19923.

Штаб корпуса Кнерцера официальным отношением уведомил меня, что до разрешения вопроса о принадлежности Таганрога Украине или Донской области ни украинское, ни донское почтовое управление не вправе распоряжаться радиостанцией в Таганроге и вывозить находящиеся там принадлежности в другие места и что поэтому указанная радиостанция берется временно в военную эксплоатацию, а совместное пользование почтовым управлением для исполнения газетной службы будет допущено, насколько это будет согласовываться с военными задачами станции.

Пробные условия должны быть выработаны посредством сношений с старшим лейтенантом графом Вестергольд.

Вопрос о вознаграждении за пользование станцией немецкими властями будет решен, как только решится государственная принадлежность Таганрога.

О вышеизложенном имею честь сообщить вам.

Начальник округа [подпись].
За главного механика [подпись].

Отношение отдела иностранных дел Донского правительства на имя полк. Измайлова [3]).

16 июля 1918 г. № 278.

По приказанию управляющего отделом генерала Богаевского, отдел иностранных дел просит передать германскому командованию нижеследующее.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 22. На подлиннике резолюция: «Срочно. Управляющему иностранных дел. Копию оставить при деле Всев. войска донского 22 июня 1918 г.».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 43. На подлиннике резолюция ген. Богаевского: «В доклад донскому атаману».

[3]) ЦАОР, ф. 1261, д. № 10 л. 44. Полковник (потом генерал) Измайлов — представитель Донского правительства при германском командовании в Ростове-на-Дону.

Насколько известно Донскому правительству, в Таганроге имеется два аппарата радиостанций, из коих один был устроен казачьей военной властью, поэтому этот второй аппарат подлежит передаче его собственнику, вне зависимости от решения вопроса о принадлежности Таганрога.

Донскому правительству неизвестно, когда, наконец, будет приступлено к разрешению этого вопроса, радиостанция же нужна донским войскам сейчас—немедленно для военных целей в борьбе его с большевиками, где-либо в другом месте получить радиоаппарат оно лишено возможности.

Кроме того, отдел иностранных дел просит передать германскому командованию копию отношения управляющего отделом финансов для ответа по существу вопроса.

Секретарь управляющего отделом иностранных дел
Шульгин.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова [1]).

Ростов-н/Д. 15 августа 1918 г. № 646.
Перевод.

На прилагаемое отношение [2]) корпус Кнерцера отвечает следующее: 1) при постоянной радиостанции в Таганроге находится одна переносная 0,75 К. В. станция, без приемника. Эта станция находилась раньше на пожарном пароходе. Предоставляется в распоряжение Донского правительства и может быть увезена. 2) Покупка спирта произведена хозяйственным отделом корпуса Кнерцера на основании договора с дирекцией винокуренного завода, копия которого здесь прилагается. Право Донского правительства устанавливать цены корпус не может признать.

Генерального штаба майор Кохенгаузен.
Верно. Поручик Юловский.

Отношение начальника Ростовского почтово-телеграфного округа на имя ген. Богаевского [3]).

Ростов-н/Д. 5 сентября 1918 г. № 26057.

С занятием германскими властями 2510 провода лишились возможности пользоваться телеграфом Должанская, Ровеньки, Щетово, Малокрепинская, Криндачевка.

Жители указанных мест все время обращаются к начальникам перечисленных учреждений с просьбой ходатайствовать о восстановлении телеграфной связи.

Принимая во внимание, что сношение с этим районом, как отдаленным и неимеющим телеграфной связи, при срочности будет весьма затруднительным, что район этот угольный, приносящий большой доход, и, полагая, что германские власти для своих нужд могли бы использо-

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 3, л. 58. Барон фон Кохенгаузен — информационный офицер штаба киевской германской армии Эйхгорна в Ростове-на-Дону.
[2]) Отношения найти не удалось.
[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 3, л. 102.

вать железнодорожный провод, имею честь просить вашего содействия об освобождении 2510 провода.

О последующем благоволите уведомить.

Начальник округа [подпись].

За главного механика [подпись].

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова [1]).

Ростов-н/Д. 18 июля 1918 г. № 129.

Перевод.

Высшее командование Эйхгорна установило в пределах района своего расположения, чтобы дипломатические и консульские представители государств, находящихся в войне с центральными державами, вместе с консульскими чиновниками были высланы в Великороссию, а подданные нейтральных государств, которые представляют интересы держав Согласия, должны сложить с себя соответствующие полномочия. Это постановление вызвано все увеличивающимися интригами держав Согласия.

Возбуждается просьба о том, чтобы со стороны Донского правительства было бы издано такое же распоряжение по отношению к части Донской области, занятой германскими войсками. В Ростове имеются в виду к высылке итальянский консульский агент Пепко [2]) и вице-консул Бразилии Ботта, оба итальянские подданные. Считаю необходимым подчеркнуть, что вопрос идет об отъезде исключительно самих консулов и их консульских чиновников, а не их семейств. Консулам предоставляется право взять свои семьи с собой или оставить их в Ростове. К отказу от представительства интересов должны быть понуждены: 1) нидерландский вице-консул Цероникос — Бельгии и Великобритании, 2) датский консул Шредер — Франции, Сиама и Китая, 3) бразильский вице-консул Кундри — этого государства. Возбуждается просьба о сообщении предпринятого, в особенности, куда названные лица будут высланы.

Фон Кохенгаузен, майор ген. штаба.

Отношение ген. фон Кнерцера на имя ген. Краснова [3]).

24 июля 1918 г. № 3065.

Перевод.

На телеграмму вашего превосходительства от 22/VII, касающуюся английского консула г-на Клейвели, имею честь ответить вашему пре-

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5, л. 13. На подлиннике резолюция ген. Краснова: «Майору Кохенгаузен. Ввиду непризнания до сего времени Всевеликого войска донского германским правительством самостоятельным и ввиду объявленного войском нейтралитета, считаю неудобным побуждение к высылке консулов из Ростова. Высылку их насильственную через германское командование буду рассматривать, как незаслуженную обиду и акт недружелюбия по отношению к войску. Донской атаман генерал-майор Краснов».

[2]) Сноска в подлиннике: «Остается до формального уведомления. Может быть переведен в Новочеркасск вместе с помощником». О. И. Пепко — итальянский консул в Таганроге в 1918 г., позднее начальник особой итальянской миссии при Деникине.

[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 84.

восходительству следующее: ввиду того, что английский консул аккредитован не у Донской республики, а у России и, кроме того, находился и в настоящее время еще находится в Таганроге, принадлежность которого до сих пор еще не определена, нельзя видеть в высылке нарушения нейтралитета Донской республики, так что никто никакого упрека не будет в праве сделать вашему превосходительству по этому поводу. С таким же правом могло в свое время допущение высылки консула из Тагонрога быть вменено в вину Украинскому правительству, как допущение нарушения нейтралитета.

Высылка английского консула в Новочеркасск не может подлежать обсуждению.

Возможность переезда основательно будет обсуждена врачами. Я весьма сожалею, что не могу пойти навстречу человеколюбивому чувству вашего превосходительства.

Фон-Кнерцер, генерал-от-кавалерии.

Отношение ген. Измайлова на имя майора фон Кохенгаузена.

20 октября 1918 г. № 1364.

Покорнейшая просьба разрешить вопрос о возвращении консулов.

Ген. Измайлов.

Отношение нидерландского вице-консула в Таганроге на имя ген. Богаевского [1]).

Таганрог. 18 ноября 1918 г. № 47.

Копия.

В то время, когда по поводу г. Таганрога не было окончательно выяснено о включении его в состав территории Всевеликого войска донского и в Таганроге высшей властью была власть германского командования, из Таганрога были в спешном порядке удалены консул королевства Греции—г-н Спатарис и секретарь бельгийского королевского консульства, исполнявший обязанности бельгийского королевского консула — г-н Карен и увезены в Германию. Ввиду того, что ныне вопрос о принадлежности города Таганрога решен окончательно и высшей властью является власть Всевеликого войска донского, покорнейше прошу оказать содействие к немедленному возвращению вышеуказанных лиц в г. Таганрог [2]).

Нидерландский вице-консул в г. Таганроге [подпись].

Верно. Штабс-капитан Севрюгин.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [3]).

Киев. 17 сентября 1918 г. № 1391.

Перевод.

Штаб главнокомандующего и Украинское правительство выразили согласие на допущение чиновников и милиции Донского правительства

---

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5-а, л. 157.

[2]) На отношении резолюция секретаря отдела иностранных дел Шульгина: «Генерал-майору Измайлову. На распоряжение».

[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 84.

к исполнению своих обязанностей в Таганрогском округе. Посему таковые могут быть немедленно отправлены на места своих служебных поручений, причем испрашивается, чтобы к исполнению своих обязанностей они бы приступили лишь после ухода соответствующих полицейских органов немецких войск. О последовательности вывоза германских войск из Таганрогского округа и о прибытии новых германских частей в Ростов и Таганрог будет вашему высокопревосходительству своевременно доложено.

Генерального штаба майор фон Кохенгаузен.

Верно. Поручик [подпись].

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Измайлова [1]).

Киев. 15 сентября 1918 г., № 1383.
Перевод.

По мнению штаба корпуса, производство арестов в частях Таганрогского округа, занятых германскими войсками, должно выполняться германскими войсками до тех пор, пока туда не допущены донские учреждения. В случае же необходимости для Донского правительства ареста определенных лиц желательно бы было о таковом сообщить мне. Я тогда озабочусь о произведении немедленных арестов и передаче таковых лиц Донскому правительству.

Майор фон Кохенгаузен.

Верно. Поручик [подпись].

Рапорт ген. Измайлова ген. Богаевскому [2]).

Ростов-н/Д. 5 октября 1918 г. № 860.

Весьма секретно.

Майор фон Кохенгаузен просил меня довести до сведения правительства многочисленные ходатайства, поступающие к германским военным властям в Таганроге, в которых представители образованных классов просят не уменьшать значительно таганрогского гарнизона и выражают опасения, что тотчас после ухода германских войск начнутся беспорядки, выступления большевиков и вообще возникнет анархия и резня. Опасения эти, по мнению майора, основательны, так как среди 60—80-тысячного населения города много рабочих и других элементов, настроенных весьма большевично [3]), а германский гарнизон, после окончания всех намеченных перемещений, будет состоять лишь из одной роты пехоты (250 штыков) и рекрутского депо (до 200 вооруженных). Так как из состава л.-гв. Атаманского полка в Макеевский район уже отправлены две сотни, то, если полки 6-сотенного состава, в Таганроге останется лишь до 600 шашек, а весь гарнизон будет располагать лишь 800—900 штыков и шашек, что, при возникновении беспорядков, явно недостаточно.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 1, л. 99. На подлиннике помета: «К руководству».
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 108.
[3]) Так в подлиннике.

Что касается Ростова, то майор утверждает, что уменьшать численности германского гарнизона его пока не предположено, и, действительно, на место уходящих частей 7 ландверной (Вюртембергской) дивизии уже теперь прибывают части резервно-запасного № 2 полка (прусский состав) из г. Изюма. Часть его расположилась в Батайске, и наши [1]) весьма рьяно занимаются проверкой грузов, следующих к югу от Ростова.

Прошу мне указать, для сообщения германскому командованию, предположено ли увеличить наши гарнизоны в г. Таганроге, или же нужно просить германцев до поры до времени (т. е. до появления французов, англичан или других наших бывших союзников), конечно, не упоминая о наших надеждах, оставить хотя бы еще 3 роты с пулеметами и некоторым числом орудий.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Измайлова [2]).

17 октября 1918 г. № 2206.

Перевод.

Высшее командование императорской и королевской восточной армии сообщает, что Донской лейб-гвардии казачий полк продвинулся в район, занимаемый императорскими королевскими войсками. Штаб главнокомандующего армейской группы вновь указывает на то, что продвижения войск в этом районе допустимы только с согласия высшего командования императорской и королевской восточной армии или же с согласия командования И. и К. [?] XII корпуса. Я прошу соответствующие поручения каждый раз направлять мне.

Генерального штаба майор фон Кохенгаузен.

Верно [подпись].

Из рапорта ген. Измайлова ген. Богачевскому [3]).

Ростов-н/Д. 17 января 1919 г. № 69.

Чрезвычайно много хлопот и неприятностей было с пропусками и разрешениями на выезд из Ростова и Таганрога на Украину. Под предлогом холеры германцы установили целую систему запрещений, очень стеснявшую путешественников и должностных лиц, ездивших в Киев, Харьков и другие места Малороссии и Крыма. Только 21 сентября эти меры были отменены по отношению к едущим из Ростова в Таганрог, а для лиц, следующих на Украину и в Крым по делам службы, так же как и на Кавказ, требовались бесчисленные рекомендации, без которых представители Донского правительства не могли рассчитывать и шагу ступить в местных правительственных учреждениях. Большими стеснениями также была обставлена перевозка из Ростова за Батайск боевых припасов. Тут германцы уста-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 1, л. 117. На отношении резолюция: «В. срочно. Его превосходительству управляющему военным и морским отделами. На распоряжение с просьбой ответить через о. ин. дел. Секретарь о. ин. дел Шульгин».

[3]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 8, лл. 25—26.

новили форменный контроль, как меру, направленную прямо во вред интересам Добровольческой армии, дабы не допускать прямую передачу ей нужного боевого материала, и донским властям приходилось организовать снабжение добровольцев окольными путями.

Из вопросов хозяйственного и экономического характера обращает на себя внимание вмешательство германского командования в управление заводами: Таганрогским сталелитейным и механическим Русско-балтийского общества, Луганским патронным, таганрогским кожевенным и фабрикой консервов Кольберга. Секвестр Русско-балтийского завода долго дебатировался нами с германцами и был ими окончательно допущен лишь в половине октября. На кожевенном заводе германцы усиленно выбирали кожи, в Луганске пользовались станками, на винном складе в Таганроге чрезвычайно дешево покупали спирт, а фабрику Кольберга собирались серьезно приспособить для обслуживания нужд своей военной обороны, для чего заключили небезвыгодный и для Донского войска договор и собирались взять завод в продолжительную аренду при участии в этом деле германских частных капиталов. Все эти планы рухнули и предприятия расстроились тотчас по выяснении размеров военной неудачи, испытанной Германией на западном фронте.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

РЕКВИЗИЦИЯ ХЛЕБА ГЕРМАНЦАМИ.

Отношение ген. Краснова на имя ген. фон Кнерцера [1]).

16 мая 1918 г. № 10.
Копия.

Германцы, стоящие на хуторе Малый Несветайск, забирают хлеб, не платя денег, отбирают масло и яйца без платы, берут лошадей, сено и вообще ведут себя не так, как подобает воинской части, чем вооружили против себя население. Прошу распоряжения вашего превосходительства и присылки судебного следователя для разбора жалоб и о внушении командному составу батальона, занимающего Малый Несветайск (Черкасского округа), иного отношения к мирным жителям, так как то, с которым относятся германцы, вызывает превратное и весьма невыгодное понятие о доблестной армии императора Вильгельма.

Донской атаман генерал-майор Краснов.

Из рапорта командира Николаевского сводного казачьего полка начальнику войск Ростовского района и окружному атаману Ростовского и Таганрогского округов [2]).

Станица Новониколаевская. 14 июня 1918 г. № 53.
Секретно.

Германскими войсками, расположенными в станице Новониколаевской, в селах Таганрогского округа реквизируются хлеб и продукты не

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, л. 22.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 37. На подлиннике резолюция ген. Краснова: «Ген. Богаевскому. Послать об этом выдержку фон Кнерцеру».

только для довольствия германских войск, оперирующих в Донской области, но и реквизируется хлеб для отправки из пределов Донской области в Германию. На берегу Азовского моря в хут. Безыменском станицы Новониколаевской германским обозным парком заняты конторы и амбары местного купца казака А. Н. Козлова, куда и ссыпается реквизируемый хлеб для отправки морем.

Каждому германскому солдату предоставлено отправлять на родину в Германию посылку в 20 фунтов еженедельно, и германский солдат широко пользуется предоставленным ему правом: покупают яйца, масло, крупу, сало и проч. и все это запаковывают в почтовые ящики и отправляют к железной дороге по направлению ст. Успенка.

Кроме того, немцы самовольно берут сено, не платя денег.

Донося о вышеизложенном, прошу указаний, как реагировать на подобные явления и какое количество хлеба, фуража и продуктов могут забирать германцы в пределах Таганрогского округа и по каким ценам.

Войсковой старшина [подпись].

За полкового адъютанта сотник Киселев.

Отношение секретаря отдела иностранных дел Донского правительства Шульгина на имя полк. Измайлова [1]).

6 августа 1918 г., № 226.

По приказанию управляющего отделом генерала Богаевского, отдел иностранных дел препровождает вам переписку за вх. №№ 185, 186, 164, 169, 171, 172, 177, 179 [2]) и копию приложения к вх. № 174.

Из всей прилагаемой переписки вы усмотрите, что главные основания недовольства населения вызываются:1) бесцеремонной реквизицией, 2) низкими реквизиционными ценами и 3) произвольным изменением курса германской марки. Уменьшения подобных жалоб не только не предвидится, но, напротив, их следует ожидать все больше и больше, и естественно, возникает вопрос о необходимости, кроме постоянного и неизменного внушения воинским частям дружественного образа поведения по отношению к населению, пересмотра реквизиционных цен, а также признания произвольного изменения курса денег недопустимым.

Подробно эти положения будут развиты в письме атамана на имя генерала Кнерцера.

Отдел иностранных дел просит не давать подлинную переписку в дивизию, во избежание имевших место случаев утраты таковой, и просит как прежде поступившую переписку, так и прилагаемую скорее возвращать отделу иностранных дел.

Секретарь отдела иностранных дел Шульгин.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, л. 112.
[2]) Переписка в деле отсутствует.

Из протокола дознания начальника Малчевско-Полнинской милиции Донецкого округа 23 июня 1918 г.[1]).

23 июня 1918 г., № 143.

1918 г. июня 23 дня. Пос. Рогалик Малчевско-Полнинской волости. Я, начальник милиции по Малчевско-Полнинской волости, Донского округа, Таякин составил настоящий протокол в следующем.

Сего числа производил дознание согласно сообщения волостного старшины названной волости от июня 22 дня за № 3949, причем допрашивал сельского старосту пос. Рогалика Ефима Григорьева Долгодушева, который объяснил нижеследующее.

20 с. г. июня в пос. Рогалик явился германский офицер, который объявил себя комендантом германского штаба, прибывшего из гор. Луганска, и заявил ему, старосте, что он прибыл сладить[2]) земельный вопрос, и предложил нам: все засеянные земли должны половинную часть скосить и свозить в указанное место для германского войска, а луг отобрать, причем за луг деньги через земельный комитет уплачены владельцам этой земли.

Излишний хлеб должен быть отобран у крестьян пос. Рогалика и передан в пользу Германии по твердым ценам, на что он сам лично, т. е. германский офицер, составил протокол и приказал подписать таковой, причем этот протокол был прочитан через переводчика по-русски; по прочтении его староста не согласился подписывать, заявив ему, что он подписывать его не будет до тех пор, пока не узнает от своего войскового правительства Всевеликого войска донского, просив отложить это дело до воскресенья, т. е. до 24 июня с. г., на что германский офицер не обращал внимания на просьбу[2]), он схватил револьвер в руку и под угрозой смерти приказывал подписывать, говоря: «Что, я по семь раз должен говорить?». Ввиду этого я с испугу подписал этот протокол, причем были представители поселка Рогалика: Ефим Могильный, Семен Омельченко, Сидор Гусаков и сотский Евтихий Могильный и Иван Шевцов, которые также подтвердят мое показание. Настоящее дознание мне прочитано...

Спрошенный по сему представитель от пос. Рогалика крестьянин Исидор Яковлев Гусаков, проживающий в названном поселке, который объяснил[2]): 20 сего июня с. г. он был вместе с вышесказанными представителями командирован в колонию Таврида к германскому офицеру для улажения земельного конфликта, где этим офицером, по его усмотрению, был составлен протокол относительно нашего посева на немецком участке, засеянном нами через земельный комитет. Тогда немецкий офицер через переводчика на русский язык прочитал нам этот протокол, в котором сказано, что все земли, засеянные крестьянами, плохого урожая половинную часть должны свезти в указанное место немецким правительством, так как правительство войскового Всевеликого войска донского они, т. е. немцы, не признают,—а что касается хорошего урожая, то тот хлеб только третья копна должна перейти крестьянину, засеявши таковую, а две части должны остаться в пользу Германии, каковой хлеб, как сказал германский офицер, будет ими самими, т. е. немцами, смолочен и отправлен в Германию, а также что

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 2, лл. 173—176.
[2]) Так в подлиннике.

и окажется у крестьян излишка хлеба, то таковой также будет немецким правительством реквизирован по твердым ценам, на что он, Гусаков, не был согласен и подписывать протокола не соглашался, а заставил его подписать немецкий офицер с револьвером в руках под угрозой смерти. Ввиду этого Гусаков и подписал.

Настоящий протокол мне прочитан. Сидор Гусаков.

Из протокола совещания при центральном управлении продовольствием Донской области 30 июня 1918 г.[1]).

По вопросу предварительного рассмотрения основ заключения условий вывоза зерновых продуктов, масличных семян и макухи, заключенных между Юго-восточным союзом и Германией, под председательством зав. центральным управлением продовольствия Донской области М. А. Герасимова, в присутствии А. Я. Фельдмана (от Ростовского н/Д. биржевого к-та), М. Я. Гурвича (общества фабрикантов и заводчиков) и В. М. Резникова (от хлеботорговцев), при помощнике секретаря Донской областной продовольственной управы А. А. Нейман, [постановлено:]

Имея ввиду указанные неблагоприятные виды на урожай, возникает вопрос, каким путем получить от населения могущие быть у него излишки хлеба. Благосостояние хлеборобов в смысле насыщенности их денежными знаками возросло, а следовательно, нельзя рассчитывать на получение большего количества хлеба путем покупки. Организовать обмен продуктов сельского хозяйства на продукты фабричной и заводской промышленности в этом году труднее ввиду возросшего истощения запасов продуктов промышленности и крайне хаотического состояния ее. Моральных стимулов, побуждающих к добровольной сдаче хлеба у населения, особенно, если хлеб будет назначаться для немцев, не будет. Остается принудительный путь, путь реквизиции. Без сильного сокращения потребления хлеба населением Донской области хлеб не может быть дан немцам, причем передача возможна была бы лишь в два приема: осенью и весной 1919 года.

Заведывающий центральным управлением продовольствия
Донской области полковник Герасимов.

Помощник секретаря Донской областной продовольственной
управы А. Нейман.

ТОРГ ЗА ОРУЖИЕ.

Отношение зам. начальника штаба фон Кнерцера майора Стефани на имя ген. Краснова[2]).

27 мая 1918 г., № 1888.
Перевод.

Письма вашего превосходительства за №№ 6, 8 и 9 получены.

Уведомляю ваше превосходительство, что генерал Кнерцер отдал приказание военным властям на ст. Лихая выдать уполномоченным

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 16, лл. 3—5.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 19.

вашего превосходительства около 25 вагонов с воинским имуществом, вооружением, пулеметами, винтовками и снаряжением. Пользуюсь случаем, чтобы затронуть еще несколько вопросов.

1) По поводу военнопленных в ближайшие дни в Новочеркасск прибудет для переговоров полковник фон Люберс.

2) За последнее время через командиров частей поступают в корпус многочисленные жалобы жителей, просящих немецкой защиты против самоуправства казаков.

Привожу следующие случаи.

Сего 26/V в 15 часов на хуторе «Русском» староста и его 16-летний писарь были так истязаемы 6-ю офицерами и 9-ю казаками из добровольческой конной команды, что оказались сильно израненными; многие другие жители были тяжко избиты нагайками.

За реквизированных лошадей, седла, фураж и продовольствие ничего не было заплачено, и самая реквизиция ничем не была оформлена.

В «Астаховке» лежат 10 жителей, избитых казаками, без всякой медицинской помощи. Оттуда, кроме того, взято 27 лошадей, масса сена, хлеба, сала и проч. и 5 000 руб.—все это без всякого вознаграждения.

В «Ясовке» были реквизированы 25 лучших лошадей, повозки, овес и сено—сего 26 числа—без вознаграждения. Начальником был есаул Фролов из Новочеркасска.

Обращаю внимание вашего превосходительства, что все эти реквизиции производятся в деревнях, населенных не казаками, немногочисленные же казачьи деревни оказались совершенно нетронутыми.

В местностях расположения немецких войск последние оповещены об обязанности охранять жизнь и имущество мирных жителей. Потому я прошу ваше превосходительство внушить вашим казакам не производить подобного рода реквизиций в расположении немецких войск.

Уведомляю вас по предложению ген. Кнерцер, что необходимо провести определенную демаркационную линию между немецкими войсками и казаками для производства реквизиций. Немецкие войска уже предупреждены в местах, для них не отведенных, не реквизировать и не покупать.

За начальника штаба корпуса майор генштаба Стефани.

Отношение ген. фон Кнерцера на имя ген. Краснова [1]).

1 июня 1918 г., № 1677.

Ваше превосходительство!

Имею честь сообщить, что главнокомандующий германскими войсками на Украине распорядился предоставить казакам значительную часть захваченного германскими войсками у большевиков при ст. Лихой оружия, если ваше превосходительство сочтете возможным поручиться, что это оружие не будет направлено против германских войск.

Я ожидаю соответствующих разъяснений вашего превосходительства. В таком случае немецкие войска у Лихой получат немедленно соответствующие распоряжения.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 5. На отношении помета: «Читал. Ген. Богаевский. 28 мая 1918 г.».

Чтобы однако в будущем не было никаких недоразумений, я позволю себе обратить внимание вашего превосходительства, что, по германским взглядам, право собственности казаков на означенное имущество утратилось в тот момент, когда казаки не были в состоянии или не желали защищать это оружие от большевиков или иметь возможность им пользоваться. И, кроме того, обстоятельство, что это оружие находилось ранее в Новочеркасском арсенале, не может поколебать прав на него германских войск, которые отобрали его в бою с вашими врагами.

Что касается тех трений, о которых доведено до сведения корпуса отношением за № 13, которые имели место вследствие реквизиции германских войск около Малого Несветайска, то по этому поводу было произведено обстоятельное расследование, которое дало следующие результаты.

Ни немецкому местному командованию, ни атаману хут. Мало-Несветайска неизвестны жалобы на предосудительное поведение и неправильные реквизиции. Закупки производились до сего времени без всяких недоразумений, хотя это и было сильно затруднено тем обстоятельством, что казаки сами повсюду усиленно производят реквизицию. Мелкие разногласия с местным управлением происходят временами только вследствие личных свойств последнего.

Я не могу скрыть от вашего превосходительства моих личных опасений, что эти нежелательные и, с моей точки зрения, совершенно излишние трения, несмотря на желания обеих сторон, могут быть неправильно истолкованы, если ваше превосходительство будете посылать новые войска казаков в местности, где немцами устранена всяческая опасность.

Я охотно готов снять заботу с вашего превосходительства о безопасности мест, занятых моими войсками, и тем самым освободить ваши войска для других целей [1]).

Фон Кнерцер, генерал-от-кавалерии.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [2]).

Киев, 5 июля 1918 г.

Атаман Всевеликого войска донского,
глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Несколько дней затишья. Фон Мумм еще не дал ответа. Гетман сказал мне, что он прикажет ускорить и решить вопрос о границах.

Вопрос об отправке вооружения и патронов идет средне.

---

[1]) На отношении против этого абзаца след. резолюция ген. Краснова: «Ответить с нарочным, что оружие никоим образом не будет употреблено против германских войск иначе как для защиты, если бы германские войска напали на нас, что по обстоятельствам нашего дружеского отношения к германскому народу считаю невозможным. Почему прошу дать распоряжение о выдаче оружия». Кроме того на отношении рукой ген. Краснова написано: «Я весьма благодарен вашему высокопревосходительству за ваше любезное предложение помогать нам в установлении нами полного порядка в земле Войска донского, и если я посылаю команды, то только для производства арестов и обысков у главарей большевизма и для установления войсковой власти на замену той анархии, которую внесли большевики».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 47—48.

Патроны (10 000 000), получаемые от Украины с поста Волынского сегодня уже отправлены, снаряды же (из Одессы) еще нет; там теперь сидит Майдель [1]), и я думаю, что и снаряды будут скоро отправлены. Затрудняет отправку неимение рабочих рук; приходится нанимать, тогда дело, конечно, пойдет скорее; для патронов я нанял (80—40 руб. каждый вагон), для снарядов же не имею возможности, ибо погрузка снарядов еще дороже, и из тех денег, которые я, наконец, получил и из которых я уже многое вперед истратил, мне нехватит.

Принимая во внимание, что выторговав бесплатно 76 000 снарядов и 10 000 000 патронов, я уже дал некоторую экономию Дону (около 10 млн.), мне казалось бы, не следовало скупиться и отпустить мне большие средства.

Орудия, ружья, пулеметы и аэропланы Украина не дает. Действую на них через немцев и прошу их еще больше дать пушек.

Аэропланы (20 штук) теперь направляются в Харьков или, может быть, даже в Таганрог. Думаю, что по негласному словесному сношению нашего офицера для связи при Кнерцере можно будет добиться, что немцы не заметят, как эти аэропланы будут по ошибке отправлены в Ростов или в Новочеркасск, и, может, некоторые из них перелетят, для сего прошу соответствующих распоряжений офицеру связи при Кнерцере. Здесь я с своей стороны постараюсь добиться ошибочной отправки аэропланов из Таганрога в Ростов, но думаю, что с местным командованием устроить эту ошибку еще лучше. Слухи о перемене министерства здесь вновь затихли.

Глубоко уважающий вас А. Черячукин.

Договор, заключенный между правительством Всевеликого войска донского и представителями командования 7-й Вюртембергской дивизии [2]).

В компенсацию за поставку Донским правительством скота для германско-австро-венгерской хозяйственной комиссии согласно договора от. . . [3]) сентября:

1) Представители германского командования 7-й Вюртембергской дивизии обязываются предоставить правительству Всевеликого войска донского в г. Ростове 15 миллионов штук русских винтовочных патронов, сто тысяч штук 3 *дм* артиллерийских снарядов и десять тысяч штук 6 *дм* артиллерийских снарядов.

2) Представители германского командования 7-й Вюртембергской ландверной дивизии обязуются оказать самое полное содействие к доставлению правительству Всевеликого войска донского получаемых им от Украины предметов военного снабжения (интендантского, инженерного, артиллерийского, санитарного).

3) Представители германского командования обязуются оказать самое полное содействие к беспрепятственной доставке правительству Всевеликого войска донского машин, необходимых для устройства на Дону суконной фабрики.

---

[1]) Барон Майдель — представитель Донского правительства в Одессе.
[2]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5-а, л. 178.
[3]) Пропуск в подлиннике.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [1]).

16 сентября 1918 г., № 1376.

Представитель начальника германских военных полевых дорог уже продолжительное время ведет переговоры с местным министерством путей сообщения о выдаче 29 австро-венгерских паровозов, которые, по данным министерства железных дорог, оцениваются приблизительно в 700 000 рублей.

Так как паровозы в свое время были забраны на вокзале Батайска совместно германскими и донскими войсками, а в силу состоявшегося принципиального соглашения 50% числа захваченных локомотивов должны были немедленно быть выданы германским войскам без всяких дальнейших переговоров, все же отдел путей сообщения затянул надолго переговоры по этому вопросу и в настоящее время разделяет ту точку зрения, по которой локомотивы должны рассматриваться не как военная добыча, а как собственность Донского правительства.

Штаб главнокомандующего не может разделить такой взгляд и требует передачи названного количества паровозов.

Следуя принципу соглашения, штаб главнокомандующего просит сообщить, что половину названных паровозов он считает своей собственностью, а за другую половину желает получить следующую компенсацию:

За 1 343 патр. русск. полев. пуш. по 40 р.	58 720 р.
» 1 015 патр. русск. 15 сан. гранат без взрывателей по 50 р. . .	50 720 »
» 274 патр. русск. 15 сан. длиной с взрыв. по 60 р.	16 440 »
» 756 патр. русск 15 сан. гранат без взрыват. по 50 р.	37 80 »
» 300 патр. русск. зарядов для русск. пол. гаубиц по 10 р. . . .	3 000 »
» 1 000 000 русск. руж. патр. по 20 к. за штуку	200 000 »
	361 710 р.

Ген. штаба майор Кохенгаузен.

Объявление [2]).

Копия.

Германским полевым судом 24 июня 1918 года жители гор. Харькова

Прокофий Пономаренко и
Николай Мирошниченко

приговорены к смертной казни через расстрел, потому что они еще 15 мая 1918 года имели огнестрельное оружие, при помощи которого они 24/25 мая, 1 июня и 5/6 июня сего года производили разбойные нападения.

Приговор сегодня приведен в исполнение.

Командующий генерал [3]).

Харьков. 26 июня 1918 г.

С подлинным верно. За управляющего рудниками
Ясиновского акц. общества инженер Поножин.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 4, л. 38.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 54. Заголовок подлинника.
[3]) Так в подлиннике.

Объявление [1]).

Копия.

Штаб дивизии.

215 пех. дивизия.

20 июня 1918 года.

Я постановляю:

§ 1. Лица, совершающие преступные по германской законодательной книге действия против германской армии или членов ее или против какого-нибудь германского учреждения, будут наказаны по законодательной книге для Германской империи.

§ 2. Еще имеющееся оружие, амуниция и взрывчатые вещества должны быть сданы в ближайшую местную комендатуру по истечении пяти дней, считая от опубликования сего объявления.

Кто по истечении этого срока будет находиться во владении оружия, амуниции или взрывчатых веществ, не имея на то разрешения германского учреждения, будет подвергнут смертной казни.

§ 3. Кто будет содействовать преступной шайке или же причинит вред германским войскам, будет подвергнут смертной казни.

§ 4. Кто будет нарушать общественный порядок, главным образом принимая участие в уличных сборищах, а также и в собраниях с целью предпринимать какие-нибудь злонамерения, будет подвергнут каторжной работе или тюремному заключению не свыше 15 лет.

§ 5. При возможности смягчающих обстоятельств против постановлений под §§ 2 и 3 применяется каторжная кара не менее 10 лет.

Фон Вернц, генерал-лейтенант и комендант 215 пех. дивизии.

С подлинным верно. За управляющего рудниками инженер Пономарин.

БОРЬБА ЗА УГОЛЬ.

Из докладной записки директора Ясиновских антрацитовых рудников в Таганрогском округе Лобова ген. Краснову [2]).

Новороссийск. 19 июня 1918 г.

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства о безвыходном положении наших предприятий, находящихся в районе Таганрогского округа при станции Лобовские копи Екатерининской железной дороги вследствие неопределенного положения в отношении твердой власти, почему погрузка антрацита, вопреки приказа по Всевеликому войску донскому, производится исключительно за пределы Донского края по нарядам: а) Монотопа и б) германского горного бюро из Харькова.

Милиции и казачьих частей на местах нет, и вследствие неимения никакой местной власти начинаются грабежи: на-днях разграблена экономия Максимова и рудник «Бриллиант».

Директор-распорядитель Лобов.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 55. Заголовок подлинника.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 32, л. 1.

Объявление [1]).

Копия.

Штаб дивизии.
10 июля (27 июня) 1918 г.

Дошло до моего сведения, что управлением рудниками вывешиваются объявления без моего предварительного разрешения.

Постановляю, что все объявления или воззвания, касающиеся рудников, заводов и рабочих вопросов, должны быть мною разрешены и снабжены печатью дивизии.

Фон Верниц, генерал-лейтенант и комендант 215 пех. дивизии.

С подлинным верно. За управляющего рудниками инженер Поножин.

Донесение полк. Измайлова ген. Богаевскому [2]).

Ростов н/Д. 30 июня 1918 г. № 65.

Прилагаемое требование [3]) носит ультимативный характер, так как, повидимому, распоряжение о воспрещении вывоза железа и угля больно бьет по карману Украины и германцев.

Мне кажется, что нужно уступить, требуя опять и опять скорейшего признания Дона и возвращения Таганрогского округа и пугая германцев усиливающимся недовольством общества и населения, которое может вылиться в восстание. В последнем случае всякий вывоз вообще прекратится и экономические интересы Германии и Украины пострадают значительно сильнее, так как эксплоатация минеральных богатств будет прекращена на весьма продолжительный срок.

Генер. штаба полковник Измайлов.

Донесение начальника Черкасской областной милиции ген. Богаевскому [4]).

Новочеркасск, 30 июня 1918 г. № 706.

При этом представляю прошение директора-распорядителя акционерного общества Ясиновских и Андреевских антрацитовых рудников Лобова, ходатайствующего об учреждении штата милиции на названных рудниках, за счет акционерного общества, с резолюцией на прошении управляющего отделом внутренних дел.

Войсковой старшина [подпись].

Секретарь [подпись].

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 52. Заголовок подлинника.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 24—25.
[3]) Требование это в деле не сохранилось.
[4]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 59.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя Донского правительства [1].

Ростов н/Д. 4 августа 1918 г. № 363.

Перевод.

Препровождаемая переписка мною была послана на распоряжение корпуса Кнерцера, корпус уполномочил меня сообщить Донскому правительству, что корпус до окончания разрешения вопроса о принадлежности Таганрогского округа, к сожалению, затрудняется разрешить установление окружной милиции в районе округа.

Фон Кохенгаузен, майор генер. штаба.

Верно. Делопроизводитель поручик Голубев.

Из телеграммы управляющего отделом торговли и промышленности Донского правительства В. А. Лебедева ген. Богаевскому [2].

Положение с углем весьма тяжелое, требуют распределения донского угля в Харькове, принимаю меры. Вопрос спорных областей затягивается, посылаю сегодня курьера, телеграфируйте срочно ответы. Сегодня уезжает кубанская делегация Рябовола. Требуйте настойчиво, чтоб кубанское законное правительство уполномочило нас вести переговоры совместно с донцами. Весьма важно.

Лебедев.

Из отношения майора фон Кохенгаузена на имя ген. Краснова [3].

Новочеркасск. 13 июля 1918 г.

Перевод.

В. спешное.

Имею честь передать вашему превосходительству нижеизложенное сообщение оберкомандо армии Эйхгорна.

Оберкомандо армии Эйхгорна заявляет свой протест против приказа Донского правительства от 26 мая № 118, касающегося запрещения вывоза и реквизиции угля и железа.

Во избежание того, чтобы украинское правительство в виде противомеры не запретило вывоза железа для расположенных в спорном районе заводов и не приняло бы других каких-либо ответных противомер. оберкомандо армии вело переговоры в том же смысле с Украинским правительством: впредь до разрешения вопроса о границах между донскими казаками и Украиной поставить угольный синдикат Монотоп и железный синдикат Югомета под нейтральный контроль средне-европейских государств. Контроль будет осуществляться особой комиссией в Киеве, в которой должны быть представители правительств Украины и Дона для поддержки своих самостоятельных интересов.

Ввиду того, что изданием вышеупомянутого приказа вызваны весьма серьезные нарушения нормальных хозяйственных отношений оберкомандо армии считает себя вынужденным настаивать на немедленной

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 10, л. 65.
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 38, л. 9. Телеграмма (без даты) послана из Киева.
[3]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 57.

отмене действия этого приказа и на скорейшем уведомлении заводов и рудников, на которые сила его распространяется.

Если же Донское правительство сочтет для себя [не] возможным решиться на такой шаг, оберкомандо армии будет считать себя вынужденным, принимая во внимание положение крайней необходимости, путем временной оккупации спорного района, нежелательным для Донского правительства способом, предрешить этот вопрос. Этого оберкомандо армии старается по возможности избегать.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить мне, будет ли и когда отменен названный приказ и, кроме того, будет ли и когда командирован в Киев уполномоченный представитель Донского правительства для урегулирования хозяйственных вопросов.

Фон Кохенгаузен, майор.

Отношение атамана ген. Краснова на имя ген. фон Кнерцера [1]).

22 июля 1918 г. № 160.

Считаю необходимым сообщить вашему высокопревосходительству о том, что меня весьма неприятно поразили донесения и телеграммы об аресте нескольких иностранных подданных, произведенном распоряжением германского местного командования. Об этом же сегодня поступила докладная записка от совета Донского горнопромышленного союза.

До моего сведения дошло об аресте: 1) Стурма, Эрнеста Францевича, директора-распорядителя Азовской угольной компании, заключенного в арестном помещении в Ровеньках, 2) Стивенса, 3) Веккера — директора Английского акционерного общества и 4) бухгалтера того же общества — все это гражданские лица.

Мне неизвестно, чем вызваны эти аресты, каким-либо преступлением арестованных против германской армии или же только принадлежностью их к тому или иному подданству, но я должен обратить внимание вашего высокопревосходительства на то, что Донская область, как это заявлено в правительственной Всевеликого войска донского декларации, является нейтральным государством, и такого рода действия германского командования, если они не вызваны действительно серьезными обстоятельствами, ставят меня и мое правительство в совершенно невозможное положение и крайне волнуют население, в горнопромышленных же сферах произвели ошеломляющее впечатление, вызывая естественную тревогу за судьбу администрации и рудников, лишая возможности спокойно работать по воссозданию гибнущей донской горной промышленности.

Считаю необходимым особенно подчеркнуть, что о произведенных арестах местное германское командование даже не нашло нужным поставить в известность мое правительство, не говоря уже о предположении подобных арестов.

Я вполне уверен, что ваше высокопревосходительство отдадите приказ о срочном расследовании происшедшего, и ваш ответ, как это было всегда и раньше, послужит только к укреплению нашего взаимного уважения и дружбы.

[Краснов.]

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 7, л. 2.

Телеграмма ген. Краснова управляющему путей сообщения [1]).

3 декабря 1918 г. № 11456.

Копии ген. Измайлову и командующему армией.

Копия.

Срочно погруженный германский уголь всего двести вагонов. Направления, по коим пойдут вагоны, сообщите генералу Измайлову.

Донской атаман Краснов. № 11456.

Копия с подлинным копии верна. Подпоручик Байбус.

СОТРУДНИЧЕСТВО ДОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ГЕРМАНСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ.

Отношение барона фон Шлейница на имя ген. Краснова [2]).

5 июня 1918 г. № 1а 1268.

По поручению генерала-от-кавалерии фон Кнерцера считаю своим долгом довести до сведения вашего превосходительства нижеследующее: «Во вчерашнем, имевшем место в Ростове, заседании по урегулированию вопроса вывоза не было достигнуто соглашения.

7-я ландверная дивизия отклонила, согласно моему поручению, право одностороннего регулирования генералом Семеновым вывоза, на котором настаивал последний, и, с своей стороны, предложила передать регулировку всего вывоза из Ростовского округа в руки особой смешанной комиссии.

Это предложение было отклонено. Я считаю такой порядок единственным основанием, на котором в свое время может установиться торговый обмен между Германией и Донской областью, на единоличный контроль генерала Семенова не могу смотреть иначе, как на акт, направленный против нас.

Ввиду того, что я не предполагаю, чтобы отклонение нашего требования, исполнение которого исключительно только и может послужить к установлению выгодных для обеих сторон торговых отношений между Германией и Донской областью, соответствует намерениям вашего превосходительства и что, далее, едва ли будет признано вашим превосходительством желательным, если мне придется отменять распоряжения генерала Семенова, я прошу ваше превосходительство сообщить мне не позднее 7-ми часов вечера шестого июня, также оповестить город Ростов, что распоряжение, которое ставит право на вывоз исключительно в зависимость от разрешения генерала Семенова, отменно вашим превосходительством и что взамен этого будет образована смешанная комиссия, которая и будет регулировать весь вывоз из Ростовского округа.

В противном случае я сам обнародую отмену этого распоряжения и приму соответствующие меры для защиты торговых интересов центральных держав и г. Ростова.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 114, д. № 5, л. 207-а. На телеграмме пометы: «1) По вход. 1666 от 3/12.18. 2) О. и. д. по исх. 1668. 3/XII. 3) К делу с № 4».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 11.

К сему присовокупляю, что я не вижу в этом никакого неправомерного вмешательства в права существующего Донского правительства, ибо только вследствие вступления немецких войск в городах Ростове и Нахичевани могли водвориться спокойствие и порядок.

Я надеюсь, что исполнением сего моего требования вашим превосходительством будет на будущее время положено основание правильного товарообмена в интересах обеих сторон».

За генерала-кавалерии фон Кнерцер барон фон Шлейниц, офицер генерального штаба.

Из докладной записки зам. представителя Донского правительства на Украине ген. Свечина ген. Краснову [1]).

Новочеркасск. 21 июня 1918 г.

Секретно.

Стремления Германии.

Что касается Германии, то если среди ее политических течений можно усмотреть желание в далеком будущем иметь соседку в единой России (конечно, с известными купюрами на западе, как-то: Польши, части Литвы, Прибалтийского края и Финляндии), то на вопросе ближайшего будущего все течения сходятся к тому, что Россия должна быть расчленена на несколько независимых групп.

Немцы отлично понимают, что война на Западе еще далеко не закончена, что наши бывшие союзники приложат еще много усилий, а потому европейская борьба потребует еще много времени и усилий со стороны немцев, а потому осложнить свою работу, имея на Востоке объединившегося соседа, едва ли может найти сторонников среди германцев. Последние отлично понимают, что в ближайшее время они не могут завоевать искренние симпатии у русских, а потому объединившаяся Россия через год—два представит для них новую угрозу, конечно, не столь большую, как раньше, но все же могущую усложнить их положение к концу борьбы, или хотя бы к мирному конгрессу.

Эта же идея, по некоторым данным, существует и у императора Вильгельма, который желает иметь соседкой Россию раздробленной примерно на 4—5 групп: Центральную Россию, Украину, Юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь.

Из изложенного видно, что задача всякого русского патриота — вновь увидеть в ближайшем будущем единую Россию—не может встретить никакого сочувствия, а всякое наше желание, выраженное в этом направлении, встретит со стороны центральных держав самое энергичное сопротивление.

Как вывод отсюда, нам необходимо затаить наше патриотическое чувство в глубине сердца и подходить к нему другими путями, не выдавая ничем до времени наших вожделений.

Положение Дона и юго-востока России.

Положение юго-восточных областей бывшей России и, в частности, особенно Дона — это нахождение между молотом и наковальней. От

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 31—34.

желания немцев зависит пристегнуть часть нас к Украине, а часть дать на растерзание Красной гвардии. Перспективы владычества последней хорошо известны всем; перспективы украинцев тоже нелегки. Сверженная немцами Центральная украинская рада, желая иметь свою полусоциалистическую власть, пригласила к себе на помощь германские войска, продав за их помощь себя полностью. Условия, на которые пошла указанная рада, заставляют содрогаться теперешних правителей Украины, что мне высказывали несколько ее представителей.

Итак, нелегко итти в объятия Украины, и что-то не хочется попасть в лапы красногвардейцев.

Поистине наше положение трагическое, находясь под угрозой немцев, от желания коих зависит бросить нас туда или сюда.

Наше преимущество.

Однако в нашем положении есть одно огромное преимущество, которого не имеют ни Москва, ни Киев, и которое необходимо использовать в полной мере.

Дело в том, что мы и казачество юго-востока представляем до сих пор неразгаданную величину для немцев. Мы для них «сфинкс», как выразился один из представителей германского командования. С одной стороны, им хотелось бы и помочь нам, дабы заручиться нашими симпатиями и кое-чем и материальным, с другой стороны, они боятся дать нам окрепнуть, дабы мы им не доставили неприятности. Между тем ссориться и возбуждать нас против себя им тоже невыгодно. Немцам и так нелегко справляться с начавшимся сильным движением крестьян на Украине. Украинское правительство не может выполнить условия своего договора с немцами о поставке условленного продовольствия, поэтому германо-австрийским войскам пришлось добывать хлеб в деревнях силой оружия. Вот тут-то немцы и встретили довольно сильный отпор, с которым справляться не так-то просто и легко. Уже и так вместо обещанных 3-х корпусов немцам, для оккупации Украины, пришлось ввести 6 корпусов, а требуется и еще поддержка.

Конечно, при этих условиях, немцам нет никакого желания возбудить против себя неприязненное отношение и со стороны казаков, которое может вызвать для немцев необходимость подвезти из Германии еще 1—2 корпуса. Это ослабляет их западный фронт, который, по выражению фельдмаршала Эйхгорна, «сидит у них на шее».

Используя эту выгоду в нашу пользу, мы вполне можем рассчитывать, что, не бросаясь в объятия Украины, мы, через последнюю, получим помощь от немцев боевым снаряжением и военной техникой, которые дадут нам возможность окончательно освободиться от большевиков и тем же способом сбросить это ярмо и с наших соседей к югу и востоку.

Что мы должны?

Для этого нам необходимо:

1) Ни в чем не выражать надежды видеть единую Россию.

2) Корректное отношение к уже находящимся у нас непрошенным гостям, не действуя вызывающе по отношению к ним и стараясь сглаживать могущие всегда быть трения.

3) Совершенно отказаться от сношений с нашими бывшими союзниками, которые до сих пор ничего нам не дали, а во многом предали, помощи которые никакой оказать нам не могут и влияние которых далее Урала немцы не допустят.

4) Выразить готовность с оружием в руках защищать свою территорию от вторжения в нее наших врагов.

5) Заключить с немцами торговый договор на правах наиболее благоприятствуемой державы.

Что мы получим?

За это мы получим:

1) Необходимое вооружение, снаряжение и предметы военной техники.

2) Установление наших границ с Киевом и Москвой согласно нашим желаниям.

3) Прочное устройство Юго-восточного союза, который представит из себя настолько мощный организм, вполне могущий устроить, хотя бы до поры до времени, свою самостоятельную жизнь.

4) Организацию Юго-восточного союза, как суверенного государства, признают державы центрального союза, с ними вместе и Украина и Закавказье.

Необходимые меры теперь же.

Для проведения в жизнь союза теперь же необходимо:

1) Атаману Всевеликого войска донского принять на себя, впредь до образования союза и освобождения его от большевиков, власть атамана Юго-восточного союза.

2) Приказать Донскому правительству, при участии Кубанского правительства, немедленно выработать конституцию союза [1]).

3) Атаману союза назначить союзных министров.

4) Издать соответствующую декларацию.

Генерал-лейтенант Свечин.

Телеграмма ген. фон Кнерцера ген. Краснову [2]).

Таганрог. 22 июня 1918 г. № 250.

Перевод.

Исправленное повторение.

Благодарю ваше превосходительство за интересное для меня сообщение о продвижении чехо-словацкой дивизии. Пусть она попробует только напасть на войска вашего превосходительства и мои. Мы готовы.

Фон Кнерцер.

---

[1]) В подлиннике против этого пункта помета ген. Краснова: «Что-то не хочется».
[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 33.

Отношение майора фон Кохенгаузена на имя полк. Измайлова[1]).

18 июля 1918 г. № 121.

Ввиду нашего сегодняшнего разговора полковник фон Шлейниц уведомил меня, что он лично отправляется завтра на батайский фронт, чтобы исследовать вопрос о примыкании немецкого левого крыла к правому флангу донских войск и разрешить его на месте.

Фон Кохенгаузен, майор генеральн. штаба.

Донесение представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову[2]).

Киев. 12 июля 1918 г. № 130.

Атаман Всевеликого войска донского!

Телеграммой и письмом я уже доносил о том, что германский посол передал мне, что на посылку письма с теми условиями, которые изложены в данных вами мне полномочиях, со стороны императора препятствий нет, и теперь я ожидаю от вас это письмо.

Вместе с сим германский посол сказал мне, что он ожидает от меня, или еще лучше от вас, заявления о наших отношениях к приближающимся чехо-словакам, что вынудило меня письменно подать им ноту, в которой я подчеркиваю, что если вам будет дана самостоятельность и сохранены границы, то мы сохраним вооруженный нейтралитет и не пустим на территорию Дона никакой вражеской силы, будет это враг Дона или Германии (копию заявления я уже послал вам).

Сам посол уехал в Крым, но поручил переговоры вести с генеральным консулом Тиле.

Вчера генеральный консул приглашал меня к себе. В разговоре с ним я выяснил, что моя нота их не удовлетворяет. Германский генеральный консул определенно сказал мне, что для них нужно от нас, без всяких «если», определенное и гласное заявление перед всеми, что мы никакого отношения к чехо-словакам не имеем и не будем иметь, не будем поддерживать никаких с ними сношений и не пустим их на свои территории, и только в случае такого заявления немцы могут приступить к переговорам с нами о снабжении нас оружием и деньгами.

Генеральный консул добавил, что вряд ли я имею достаточно полномочий, чтобы сделать именно такое заявление.

Мои доводы о том, что реальная помощь со стороны Германии в смысле отстаивания границ, признания самостоятельности даст возможность окончательно доказать казакам, что дала нам Германия сравнительно с союзниками, что мы выиграем, обратив взоры к Германии, что тогда и последние элементы, еще мечтающие о поддержке союзников, сойдут с ума, оказали лишь некоторое воздействие.

Я просил, чтобы Германия не настаивала на предварительном нашем гласном заявлении, не дав нам ничего существенного, так как в этом

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 1, л. 76. На отношении помета: «На подлиннике написано: «Принято к сведению и возвращается 10/7—18 г.». Шульгин».

[2]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, лл. 56—57.

кроется краеугольный камень симпатий к немцам и отпада окончательного от союзников.

Я упомянул, что мы будем драться с японцами, — так с японцами, с американцами, — так с американцами, но делать из себя Бельгии мы не желаем, что мы жаждем мира, желая сохранить лишь вооруженный нейтралитет, что ни на Москву, ни на восток, ни на запад мы не пойдем, а получив самостоятельность с помощью Германии, мы и Юго-восточный союз поможем тем же немцам давить на Англию и на ту же Украину.

Генеральный консул в конце беседы сказал, что теперь он яснее понимает и более удовлетворен и все это доложит барону Мумм, который приедет во вторник же 16 июля нов. стиля и все донесет в Берлин.

Докладывая всю эту беседу, прошу меня экстренно телеграфом или срочным курьером уведомить, одобряете ли вы мои шаги здесь, и ориентировать меня о вашем решении гласного окончательного заявления о чехо-словаках, о котором я пишу в начале этого письма.

Вместе с сим доношу, что эти столь строгие, по моему мнению, требования со стороны Германии начать переговоры л и ш ь п о с л е н а ш е г о о п р е д е л е н н о г о г л а с н о г о з а я в л е н и я об отношении к чехо-словакам — требования парламентской германской партии; употреблю все усилия, чтобы военная партия не была бы столь требовательна и дала бы нам нами просимое, взяв с нас обязательство нейтралитета, буду добиваться, чтобы немцы первые дали нам наше желаемое, а не требовали бы с нас, ничего нам не дав, а лишь наобещав начать переговоры.

Вы же сообщите мне и пришлите ваше заявление, если обстановка на Дону заставляет уже пойти и на крайнее решение, предлагаемое немцами.

Сегодня, 29 июня, был у гетмана и поздравил его от вас с днем тезоименитства.

Слышал от него сердечные слова, просил передать вам благодарность и искреннее его желание тесной дружбы Дона с Украиной и закрепил эти слова поцелуем.

О деле сегодня много не говорили, гетман просил зайти на-днях. Все же должен доложить, что мне кажется, что Юго-восточный союз ему и Украине не нравится, они больше мечтали о присоединении Дона и Кубани, но об этом доложу в следующем письме.

Завтра получаю ноту от министра иностранных дел, в коей будут выяснены причины неудовлетворенности Украины нашей декларацией.

А. Черячукин.

Из доклада представителя Донского правительства на Украине ген. Черячукина ген. Краснову [1]).

Киев. 27 июля 1918 г. № 188.

Атаман Всевеликого войска донского!

12 июля прибыл герцог Лейхтенбергский [2]). 13 июля мы были с ним у майора Ярош, который теперь по случаю болезни Гренера замещает начальника штаба фельдмаршала Эйхгорна.

---

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 46, л. 63—64.

[2]) Герцог Н. Н. Лейхтенбергский — председатель миссии Донского правительства к Вильгельму II. Эта миссия была отправлена в августе 1918 г. в составе председа-

Ярош сказал, что несколько дней придется задержаться в Киеве ввиду того, что высшее германское командование теперь усиленно занято действиями на западном фронте.

Признаться, мне это очень не нравится, не есть ли это уловка, тем более, что от барона Мумма идут неутешительные сведения, что будто бы Германия не признает самостоятельности Дона...

Когда я откровенно задал вопрос Ярошу, хотят ли немцы Юго-восточного союза, он не отрицал, но все же сказал, что теперь об образовании союза напирать не следует, из чего я заключаю, что, если мы, отложивши образование союза на будущее, будем говорить только о нашей самостоятельности и нашем союзе с Украиной, дело будет лучше, а образование союза признаем теперь невыполнимым.

Вот об этом и нужно скорей письмо гетману. После, когда мы заключим союз с Украиной и получим самостоятельность, можно будет федерировать и с союзом.

Во всяком случае, я при поездке в Берлин возьму ту линию, которая одобряется немцами, лишь бы скорей добиться сохранения границ и нашей самостоятельности.

Спешно жду ответа на все эти вопросы.

А. Черячукин.

Из доклада полк. Измайлова ген. Богаевскому [1]).

Ростов н/Д. 31 июля 1918 г. № 233.

Прошу позволить мне представить правительству некоторые соображения, посвященные обзору текущих общеполитических событий и тем изменениям в международной конъюнктуре, которые обрисовываются ныне с некоторой рельефностью уже в сферах возможного и ожидаемого. Чрезвычайно показательным, как я думаю, является новейшее приятное для нашего Дона событие: признание Украиной за Доном преимущественных прав в его притязаньях на Таганрогский округ. По заявлению майора Кохенгаузена, это признание прошло под сильнейшим давлением германской дипломатии. Да иначе оно и не могло быть, потому что, как это общеизвестно, внешняя политика гетмана руководится из Бер-

теля — генерал-майора герцога Н. Н. Лейхтенбергского, зам. председателя ген.-майора Черячукина и секретаря подъесаула герц. Лейхтенбергского (сына первого). Миссия должна была передать Вильгельму II письмо ген. Краснова с просьбой: 1) о признании Дона Германией, 2) о содействии Германии в восстановлении монархии, 3) о помощи Дону оружием, 4) о нажиме со стороны Германии на Советское правительство, чтобы оно заключило мир с Доном, 5) о помощи Дону оружием и расширении границы Дона до Царицына-Каменской и пр., взамен чего Дон обязывается держать нейтралитет по отношению к немцам и предоставить Германии права «наиболее благоприятствуемой державы в делах торговых».

Миссия успеха не имела. Она была принята только Людендорфом и Гинденбургом, но не Вильгельмом, которые передали герцогу Лейхтенбергскому, что Германия официально не может признать самостоятельности Дона, не оговоренной Брест-Литовским договором, для чего советовали вступить в мирные переговоры с Советским правительством, обещая свое содействие. Они разъяснили, что официально поддержать Дон оружием Германия не может, точно так же как и поддержать монархическое движение.

Ввиду неуспеха миссии «атаман зимовой станицы Всевеликого войска донского в Германии», как герцог Лейхтенбергский называл себя, просил уволить его в отставку.

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 37—38.

лина и зависит всецело от германских политических деятелей. Таким образом, уступки и притом весьма ценные (сколько миллиардов стоит угольный район Таганрогского округа!) делает маленькому, еле формирующемуся Дону могущественная мировая держава Германия.

Не могу не отметить также значительного смягчения общего тона германского командования при сношениях по различным частным вопросам: уступчивости при разборе недоразумений, обещанного подвоза сахара (50 000 фунтов) для продажи его населению по сравнительно пониженной цене и, наконец, таких услуг, обещанных атаману, о которых я могу доложить лишь при личном свидании с вами, г. управляющий отделом. Все это, на мой взгляд, характерно для текущих настроений правящих сфер Германии, но для меня, по крайней мере, ничуть не неожиданно. С божьей помощью, при выдержке и с терпением, мы можем без пролития капли крови достигнуть всего, что нужно для укрепления Дона и возвеличения его правительства. Тот явный «флирт» с Доном, которым ныне занялись правители Германии, вытекает, как я думаю, из общей политической обстановки, быстро эволюционирующей в сторону весьма грозных для держав Центрального союза событий. Стратегическое положение на западном фронте для Германии весьма скоро должно сделаться критическим. Те стратегические резервы (по грубому моему подсчету — не более 1 000 000 бойцов), которыми располагала германская главная квартира после ликвидации восточного фронта, вследствие колоссальных потерь при наступлении к Парижу почти израсходованы в боях южнее Реймса и на Марне. Результаты этого последнего отчаянного штурма фронта союзников армиями фельдмаршала Гинденбурга оказались, несмотря на огромнейшие цифры захваченных пленных, на причиненные противникам колоссальные потери и на грандиозную военную добычу, в масштабе мировой войны, несущественными. Париж, обстреливаемый германскими дальнобойными орудиями, не взят, армии держав Согласия не разбиты. Напротив, собравшись с силами, главная квартира Согласия опрокинула на германские линии огромнейшие массы «цветных» воинов своих колониальных войск. Напор этих диких людей, чернокожих, бронзовых и желтокожих, повидимому, все усиливается, и победоносные армии германцев принуждены отходить все дальше от берегов той же для них несчастной реки Марны, которая им так памятна по 1914 году. «Коварный Альбион» мобилизовал против Германии весь черный континент, и теперь эти «черные миллионы» готовы задавить своей неисчерпаемой физической силой уже надломленную мощь белокурого тевтона.

Такова трагическая обстановка, которая складывается на Западе. Существенное беспокойство должны вызвать в сердцах германских политиков также серия восстаний и террористических актов в оккупированной германскими войсками Украине и гибельная для них, хотя и отдаленная еще перспектива восстановления на территории «бывшей» России восточного фронта.

Среди всего этого комплекса мрачных событий и пагубных для Германии перспектив некиим сравнительно светлым пятном является спокойная обстановка, в которой немецкие войска пребывают на Дону, черпая здесь необходимые для «фатерланда» средства пропитания и отдыхая среди спокойного пока и терпимо к ним относящегося населения. Вполне поэтому естественно, что внимание Берлина все чаще обращается в сторону той загадочной страны на далеком юго-востоке Евро-

мейской России, где пока германские дела идут так гладко и где складывается теперь еще сравнительно небольшая, но могущая развиться сила, привлечь которую на свою сторону немцам, несмотря на всю их гордость и кичливость, становится все интереснее, по мере того, как они на глазах у всего мира быстро и неудержимо слабеют.

В самой Германии, как откровенно пробалтываются вернувшиеся из отпуска немецкие офицеры, по мере ослабления — вследствие чисто физических потерь на полях сражений — рядов юнкерства, аграриев и офицеров—все шумнее и ярче выступают на сцену бюргеры и демократические элементы, нажившиеся на работах «на оборону», разбогатевшие и осмелевшие. Демократического вида грязноватая толпа, как говорят, заполняет в Берлине лучшие кафе, рестораны и театры, и бывший триумфатор берлинской улицы — офицер все больше затирается и пропадает в туманном водовороте кипящего социал-демократического людского потока. Эта сторона дела также, повидимому, влияет на общее направление внешней политики правящих классов Германии, все более нуждающихся в точке опоры против враждебных им сил, действующих извне и внутри немецких государств. Таким образом, все яснее обрисовывается новый курс политики императора Вильгельма II Он чувствует неустойчивость своего международного положения, его военная мощь уменьшается, его трон уже пошатывается, и он ищет где-нибудь точки опоры. Из двух течений германской дипломатической мысли последних дней: одного—стремящегося поддерживать на развалинах Российской империи хаотическое состояние умов, перманентный беспорядок, дробление недавно великой державы на мелкие, между собой враждующие республики, и другого—мечтающего о восстановлении хотя бы одной только Европейской России под скипетром русского царя, т. е. поощряющего монархические тенденции, имеющие конечной целью воссоздать дружественное, экономически и политически связанное с центральными империями русское новое царство. Из этих двух течений, судя по многим признакам, за последнее время возобладало второе. Местные представители германского командования — ген. фон Арним, кап. фон Шлейниц, майор фон Кохенгаузен — в беседах со мной на общеполитические темы высказываются в этом смысле все определеннее. Сегодня майор Кохенгаузен даже высказывал надежду на то, что новая монархическая Россия зародится именно тут на Дону, на нашем юго-востоке. Реальная поддержка всяких монархических начинаний: финансовая им помощь, политическое покровительство, снабжение оружием и боевыми припасами видна на каждом шагу. Таковы попытки покровительствовать «полковнику» Всеволжскому, Астраханскому войску (кн. Тундутову), графу Келлеру, ген. Павлову и другим.

Наш Дон положительно становится фаворитом и баловнем германских «нянюшек» в том, конечно, расчете, что вооруженное германцами казачество, натерпевшееся от большевистского засилия и разочаровавшееся в химерах социализма, возглавляемое бывшими офицерами русской императорской гвардии, вполне способно составить то ядро, объединяющее монархически настроенные элементы России, вокруг которого завяжется и вырастет будущее ветвистое и достаточно сильное духовно и материально русское царство, будущий добрый сосед и союзник германской монархии и яркий противник демократических стран всего мира. Говоря языком эпоса и сравнений, израненный и

уставший в борьбе с многочисленными врагами «тевтонский лев» протягивает свою окровавленную лапу «3-х месячному русскому медвежонку», оставшемуся сиротой после смерти своей великой матери, «Большой медведицы», бывшей русской империи. «Лев» думает, что пригретый и вскормленный им «медвежонок» быстро вырастет и окрепнет настолько, что уже через несколько месяцев, быть может, ко времени окончания его борьбы с лютыми его врагами, окажется ему полезен и, кто знает, спасет «льва» от окончательной гибели.

Насколько дальновидны и справедливы эти германские расчеты, если мои предположения верны, судить, конечно, трудно, но тенденция покровительствовать казакам и всем монархическим организациям в России со стороны Германии выступает уже весьма рельефно, и не менее наглядна враждебность германцев к социальным демократическим и даже конституционным русским партиям. Так, и октябристы и «кадеты» вызывают к себе со стороны германцев определенно отрицательное отношение, всякие же оттенки социалистических течений — прямое их преследование. Итак, Германия думает, что в России «ex Oriente lux». Нужно ли нам постоянно вспоминать фразу Катона «timeo Danaos et dona ferentes». Мое личное мнение таково: германскому большому кораблю — большое плавание, с его боевой рубки пусть открываются кормчему далекие перспективы и широкие горизонты. Нам же на Дону, с нашей маленькой и утлой государственной ладьей, с потрепанными и изорванными политическими бурями парусами, нужно плыть за германским броненосцем в кильватере, прикрываясь от ветров его бронированными бортами и мечтая пока лишь о тихой пристани и хорошем доке, прибыв куда мы могли бы починить и надстроить над нашими низенькими бортами еще хоть несколько палуб и наростить борта. Тогда, если бог будет милостив, быть может, и выйдет из нашей маленькой посудины корабль русский хоть куда. Загадывать же, с какими мореплавателями мы впоследствии будем дружить, еще не время. Быть может, с немцами, а может быть, и с другими — с кем будет выгоднее. За услугу германцев мы платим своим хлебом и спасаем их от голодной смерти и этим, по справедливости, расчеты можно и закончить. Воспользоваться же так явно предлагаемой помощью, право слово, стоит: этого требует реальная политика и политика здорового государственного эгоизма.

Генерального штаба полковник Измайлов.

Из рапорта ген. Измайлова ген. Богаевскому [1]).

Ростов н/Д. 22 ноября 1918 г. № 1571.

Секретное. Спешное.

Вчера я докладывал вам по телефону о том, что по условиям расквартирования войск 215 пех. дивизии (германской) немцы в Луганске сдавать нам остающиеся обозы, лошадей, амуницию, артиллерию, оружие и снаряжение никак не могут и что они просят сдачу всего этого материала произвести на станции Криничная. В Кантемировку приемщика они просят тоже пока не посылать. Сегодня у меня были командированные начальником артиллерии — полковник Леонов, ко-

[1]) ЦАОР, ф. № 1261, д. № 31, лл. 104—105.

торого я направил в Криничную, и полковник Беляев, которому я сообщил, что в Луганск ехать вообще не придется, а в Кантемировку пока еще ехать рано и нужно ждать уведомления.

Внезапно ко мне пришел майор фон Кохенгаузен и сообщил следующую печальную весть: германское командование согласно передать воинское снаряжение, но ввиду настроения солдат (германских) против продажи Донскому правительству испрашивается назначение посредников (einverstanden, Stimmung der Mannschaften jedoch gegen Donkosakenverkauf daher nur durch Mittelpersonen namen erbiten).

Майор пояснил, что эти посредники должны быть какими-нибудь совершенно частными людьми, купцами или комиссионерами, но никак не офицеры или чиновники Донского войска. Другая шифрованная депеша, полученная майором фон Кохенгаузен из Харькова, сообщает, что в штабе 1-го армейского корпуса в Харькове имеется «до десяти тысяч карт различного масштаба местностей между Киевом, Крымом и Волгою, подлежащих продаже, если донское казачество пришлет желающих купить их посредников».

Таким образом, в германских войсках образовались уже солдатские «совдепы», которые к Дону относятся определенно враждебно, не желая снабжать нас военным снаряжением. Поэтому всякие командировки приемщиков-офицеров как в Криничную, так и в Кантемировку для непосредственного приема снаряжения ныне исключаются, а к делу должны быть привлечены покупатели-посредники, может быть, через отдел торговли и промышленности.

В Харьков — за покупкой карт и снаряжения, передаваемого нам штабом 1 армейского корпуса, тоже придется послать частного человека. В Кантемировке же предполагалось передать нам снаряжение тех германских частей, которые занимали демаркационную линию между Белгородом и Кантемировкой (2-я кавалерийская дивизия и др.). Передача эта по случаю настроения германских солдатских советов возможна также при посредничестве лишь частных лиц.

О столкновении нашей сотни у ст. Аллеатной с «петлюровцами» я вам вчера докладывал, так же как и о просьбе германского командования, чтобы не вызывать озлобления в Харькове, не посылать наши части так далеко.

Майор предполагает все же оставаться пока в Ростове, просит защиты и покровительства Донского правительства и рассчитывает быть еще полезным Дону в деле ликвидации разных незаконченных еще вопросов и, насколько это в его силах, содействовать снабжению нашей армии для успешного продолжения борьбы с большевизмом.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Рапорт ген. Измайлова управляющему отделом иностранных дел.

Ростов н/Д. 21 декабря 1918 г.

Прибывший из Харькова начальник штаба партизанского отряда полковника князя Эристова полковник Федоров, который по поручению генерала Кирьянова был командирован вместе с г. Молдавским и несколькими офицерами для покупки у германцев оружия и снаряжения, передал мне некоторые подробности о своей поездке. Покупка,

как известно, решительно не удалась. Первый поезд в составе 27 вагонов, который удалось погрузить на ст. Мерефа после больших затруднений, сомнений и торга с представителями германского командования, сопровождался до Лозовой одним лейтенатом и 10 вооруженными людьми германского конвоя.

Паровоз, заказанный на последней станции, однако был взят одним из начальствующих лиц петлюровского отряда, а потому поезд с боевым снаряжением не мог быть отправлен дальше тотчас после прибытия в ночные часы, когда чины петлюровского гарнизона ст. Лозовой (до 500 человек) крепко спали. На другой день отправить поезд уже оказалось невозможно, потому что он возбудил подозрение и своим видом и тем, что накладные оказались заготовленными на имя «Донского правительства». Несмотря на самое энергичное вмешательство немецкого лейтенанта и на бодрое настроение прочих чинов конвоя петлюровцы не позволили поезду следовать на ст. Никитовка, конвой принужден был уйти, а русские офицеры (полковники Федоров и Антонов) вынуждены были даже прятаться и скрытно бежать. Полк. Федоров утверждает, что поезд легко мог отстоять прибывший к этому времени на ст. Лозовую штаб германской 215 пех. дивизии, так как в местечке находилось до 5 батальонов германской пехоты, но ни настроение штаба, ни состояние германских батальонов не соответствовали нужным условиям для действий против плохо вооруженной и трусливой банды петлюровцев, а потому поезд с весьма ценным грузом, среди которого были и русские снаряды и свыше 3 миллионов винтовочных патронов, был взят петлюровским помощником атамана и отправлен им в Полтаву. Полковник Федоров не надеется также на то, чтобы поезд в 50 вагонов, погруженных в Харькове, следовавший в Славянск, мог быть доставлен на Дон. По его мнению, поезд этот либо расхищен петлюровцами, либо, в лучшем случае, будет взят Добровольческой армией. Таким образом, экспедиция за снарядами в Харьков не удалась. Если бы однако удалось уговорить главную квартиру Добровольческой армии пропустить харьковскую группу германских войск через Донскую область в Новороссийск, как об этом хлопочет майор фон Кохенгаузен, то, как говорит полковник Федоров, нам и добровольцам досталась бы вся артиллерия германцев, все их пулеметы и богатый комплект патронов и снарядов.

Генерального штаба генерал-майор Измайлов.

Из истории семеновщины в 1919 г.

Омский переворот 18 ноября 1918 г., установивший диктатуру адмирала Колчака, сильно обострил противоречия внутри контрреволюционного лагеря. В то же время этот переворот вызвал резко отрицательное отношение со стороны империалистических кругов Японии.

Установление этой военной диктатуры ни в коей мере не соответствовало японским планам захвата дальневосточных областей Советской России. Поэтому, проводя, в противоположность империалистам Антанты, политику поддержки сепаратистских тенденций авантюристов и проходимцев типа Калмыкова, Семенова, Унгерна и др., японские империалисты сочли для себя целесообразным противопоставить Колчаку наиболее удачливого из этих «атаманов» — Семенова. Уже 27 ноября 1918 г. министр иностранных дел Японии маркиз Като телеграфирует в Читу атаману Семенову: «Японское общественное мнение не одобряет Колчака. Вы протестуйте ему [!]» [1]).

Этой телеграммой, поддержавшей отказ Семенова признать Колчака верховным правителем [2]), и был в сущности развязан так называемый «Читинский конфликт», сыгравший большую роль в упрочении власти Семенова и вообще «атаманщины» на Дальнем Востоке, принесшей неисчислимые бедствия дальневосточному пролетариату и крестьянско-казачьей бедноте.

«Читинский конфликт» определился, с одной стороны, активными действиями атамана Семенова, выразившимися в перерыве телеграфной связи Омск—Владивосток и в задержке военных грузов, и с другой — приказами Колчака №№ 60 и 61 от 1 декабря 1918 г., объявлявшими атамана государственным изменником и отрешавшими его от командования 5 корпусом с преданием военно-полевому суду [3]).

Дальнейшее течение конфликта, грозившего перейти в вооруженное столкновение, было направлено под давлением представителей союзных держав в русло предоставления Семенову возможности «оправдаться от возводимых на него тяжких обвинений» [4]).

Поддерживаемый негласно Японией, атаман занял по отношению к назначенной Колчаком чрезвычайной следственной комиссии настолько независимую позицию, что комиссия очень скоро поняла бесцельность своей деятельности «при тех ограни-

---

[1]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, л. 78.

[2]) В телеграмме, посланной 23/XI за № 139/а председателю совета министров Вологодскому, Хорвату и Дутову, Семенов в объяснение своей позиции писал: «Адмирал Колчак, находясь... на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда..., а посему признать адмирала Колчака, как верховного правителя, не могу. На столь ответственный перед родиной пост я... выставляю кандидатов ген. Деникина, Хорвата и Дутова». (ЦАОР, ф. № 162, д. № 5, л. 9).

[3]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, л. 123.

[4]) Отношение упр. мин. иностр. дел Сукина представителю США Гаррису от 30 января 1919 г. № 119 (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 27).

ченных условиях, в которые она поставлена», и потребовала от колчаковского правительства своего отзыва [1]).

Как известно, «Читинский конфликт» кончился полной победой Семенова, лишь формально признавшего прерогативы омских правителей [2]): бандит Семенов, недавний «государственный изменник», охарактеризованный своим же соратником, как «отрицательная личность», в организации которого царят «пьянство, кутежи, произвол» [3]), не только восстанавливается в правах, но и получает повышение по службе — пост помощника командующего войсками Приамурского военного округа [4]).

Этот акт «верховного правителя» усилил внутренние трения в растленной белогвардейской среде, наиболее дальновидные представители которой естественно пытались скрыть от европейского общественного мнения кошмарные проявления «истинно-русского» генеральского экстремизма.

В секретной телеграмме за № 59 от 26 июля 1919 г. на имя управляющего министерством иностранных дел Сукина русский посланник в Пекине Кудашев писал: «Не считаю себя в праве скрыть от вас то удручающее впечатление, которое произведет на Дальний Восток и заграницу подобная мера правительства, как бы санкционирующего самое худшее проявление власти и атаманщину» [5]).

Публикуемый ниже документ — протокол допроса чрезв. следственной комиссией Омского правительства сподвижника Семенова ген.-майора Шильникова — ярко рисует целый ряд деталей «патриотической деятельности» атамана, вскрывающих систему произвола и диких насилий сибирской белогвардейщины, систему, царившую в атаманских «вотчинах» в своем наиболее концентрированном виде.

Ген.-майор Шильников, один из самых крупных представителей внутрисеменовской оппозиции, занимавший в так называемом «Временном Забайкальском областном правительстве» атамана Семенова пост управляющего военно-административной частью, проявил максимально возможную для этого «патриота» противобольшевистской борьбы объективность в освещении внутренней обстановки, создавшейся в семеновской армии.

Причины такой «объективности» совершенно ясны. Сам Шильников в своих показаниях недвусмысленно их раскрывает: командир Забайкальской казачьей бригады, он пользовался немалой, очевидно, популярностью среди забайкальского казачества и офицерства и выдвигался кое-кем в кандидаты на тот самый пост командира отряда, который занимал Семенов. Беспристрастие ген. Шильникова кончается однако там, где он должен был бы характеризовать свою собственную деятельность, свои интриги, которые он, несомненно, вел против Семенова, допустившего его к работе в отряде лишь по настоянию союзных агентов. О своей «позитивной» деятельности Шильников совершенно умалчивает, выдвигая лишь момент оппозиционной борьбы против «безобразий, творившихся в отряде».

Чрезвычайно характерно, что, касаясь внешнеполитической стороны деятельности атамана Семенова, Шильников держится строго союзнической ориентации. Он категорически осуждает как антирусское семеновское «тяготение к Японии», пытаясь одновременно обелить вождей Колчаковии, якобы стремившихся «обойтись в борьбе

---

[1]) Телеграмма адм. Колчака ген. Иванову-Ринову без даты и номера (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 117).

[2]) Приказом № 136 от 27 мая 1919 г. Колчак отменил свой приказ № 60. Семенов телеграфировал Колчаку: «Счастлив донести вашему высокопревосходительству, что ваше справедливое решение ликвидировало последние шероховатости общегосударственной работы по созданию великой, единой и неделимой России» (ЦАОР, ф. № 200, д. № 146, л. 262).

[3]) См. ниже стр. 142.

[4]) Подробнее о «Читинском конфликте» см. Сперанский, «Роль Японии в истории сибирской атаманщины», «Вестник Наркоминдела», 1922, № 1—3, стр. 113.

[5]) ЦАОР, ф. № 200, д. № 145, лл. 180—181.

с большевиками своими русскими силами, при денежной и материальной помощи со стороны союзников» [1]). Здесь «объективный» генерал не замечает таких фактов, как участие чехо-словацких частей в боях на «восточном» фронте, поддержка иностранными отрядами колчаковских карательных экспедиций, участие английского генерала Нокса в организации колчаковского переворота и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что в показаниях ген. Шильникова, там, где они касаются порядков, царивших в семеновской армии, все без исключения факты документально обоснованы: достоверность их, таким образом, не подлежит никакому сомнению. Самые документы, на которые делает ссылки Шильников, в настоящей публикации за недостатком места опущены.

Печатаемый документ хранится в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 178, дело № 1, лл. 26—38).

Вл. Елагин.

Протокол допроса ген.-майора Шильникова чрезвычайной следственной комиссией Омского правительства 25—27 февраля 1919 г.

1919 г., февраля 25—27 дня, в Иркутске член чрезвычайной следственной комиссии для расследования действий полковника Семенова и подчиненных ему лиц допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. ст. устава угол. суд., причем он показал:

Ген.-майор Иван Федорович Шильников, 42 лет, православный, начальник Иркутской конной бригады, проживаю в Иркутске, Амурская, 15; не судился, полковнику Семенову посторонний.

1 февраля 1918 г. я, вследствие непризнания советской власти, был отчислен от командования 2-й отдельной Забайкальской казачьей бригадой. Около месяца скрывался в окрестностях г. Читы, а 4 марта приехал на ст. Манчжурия, где в то время был отряд атамана есаула Семенова, и с тех пор до сентября я находился в районе действия и расквартирования этого отряда. Еще будучи в Чите, я слышал много нехорошего о действиях и поведении семеновского отряда—о расстрелах без суда и следствия, об отобрании всего обмундирования (до нага) у проходящих домой солдат, о беспощадной порке, даже офицеров, и пр., почему я, по приезде в Манчжурию, не заявил ему о желании служить в его отряде, а хотел сначала проверить все слышанное.

От такого заявления меня удерживало и другое обстоятельство: еще будучи в Чите, я письмом просил есаула Семенова указать способ, которым я бы мог ему давать сведения о большевиках из Читы, на что не получил никакого ответа. По приезде же в Манчжурию я узнал и о причине этого—оказывается, группа забайкальских офицеров, знавшая меня по прежней службе, ожидала и открыто высказывала желание видеть меня, если не начальником отряда, то начальником штаба. Зная мою популярность среди забайкальских казаков, стоящие у власти, очевидно, были испуганы этим, как бы я своей фигурой не заслонил их, и поэтому не желали моей помощи. Я, чтобы не разрушать как будто налаживающееся дело, заявил начальнику штаба отряда полковнику Нацвалову, что я приехал не для занятия какой-либо должности, а чтобы жить спокойнее, но всегда готов помочь безымянно.

---

[1]) См. ниже стр. 143.

Я слишком дорожил своим именем, чтобы брать ответственность на себя за все, что творилось в отряде.

16 марта в Манчжурию приехал советник российского посла в Пекине Владимир Владимирович Граве и английский военный агент в Китае полковник Робертсон и совместно с французским военным агентом капитаном Пильо произвел смотр частей отряда. По словам полковника Робертсона, сделавшего это заявление в присутствии моем, бывшего члена Государственной думы от Забайкальского казачьего войска, а ныне управляющего Забайкальской областью Сергея Афанасьевича Таскина и капитана Пильо, он вынес тяжелое впечатление, что все похоже на игру в солдатики, все делается несерьезно, бесистемно, неумно,—почему военные агенты Англии и Франции и советник посольства Граве просили меня помочь отряду работой и поступить в отряд. Мною было заявлено, что на роль простого работника, не могущего влиять на поведение чинов отряда, я пойти не могу, не желая нести ответственности за все безобразия; а так как я вполне сочувствую идее борьбы с большевизмом, я согласен работать и помогать, не входя в состав отряда. Решено было, что я составлю план мобилизации забайкальских казаков по мере продвижения отряда и самый план наступления отряда со ст. Манчжурия на Читу—Иркутск, и по просьбе есаула Семенова 21 марта приступил к работе.

По занятии ст. Борзя[1]) отрядом есаула Семенова, решено было объявить Временное забайкальское областное правительство, в состав которого вошли: атаман Семенов — командующим отрядом, я—управляющим военно-административной частью и Сергей Афанасьевич Таскин—управляющим гражданской частью в области. Войдя в состав правительства, я стал более настойчиво требовать изменения поведения: так, чтобы прекратить пьянство, по моему настоянию, поддержанному Таскиным, было воспрещено подавать водку в столовую атамана и штаб отряда, наказан подъесаул Бирюков за то, что на пасхе побил помощника начальника ст. Бырка, заявлен протест на расстрел казаков Могайтуевской станицы по приговору полкового суда, открытого командиром сотни сотником Стрельниковым без всякого полномочия атамана и некоторых др. В результате мне пришлось уйти. Официальным поводом был мой руководящий приказ № 4 забайкальским казачьим полкам, которые в период мобилизации подчинялись мне.

Начальник юридического отдела Волгин телеграфировал атаману Семенову в Харбин, что ген. Шильников вводит выборное начало и комитеты, и просил разрешения арестовать меня. Это мне сообщил чиновник министерства иностранных дел Николай Кузмич Эльтеков, находящийся сейчас в Омске при министерстве иностранных дел. Кроме того им же был подан рапорт атаману, о содержании которого я узнал из большевистской газеты «Забайкальский рабочий» от 28 июня за № 122. Получив это донесение, атаман из Харбина телеграфировал мне, чтобы я не вводил выборного начала и выехал из штаба отряда в тыл.

---

[1]) В апреле 1918 г. отряд Семенова перешел манчжурскую границу и начал наступление против советских войск Забайкалья, чем было положено начало так называемому Забайкальскому фронту. После первых успехов семеновцы встретили серьезное сопротивление Красной армии. (Главнокомандующим этим фронтом был военный специалист б. поручик С. Е. Лазо, организатор Красной гвардии в Забайкалье и Приамурье.) В ряде боев отряд Семенова был разбит и отброшен обратно в Манчжурию (Парфенов, «Гражд. война в Сибири», изд. 2, стр. 21).

Надо заметить, что приказ мой № 4 был предварительно опубликования просмотрен в черновике атаманом Семеновым и Таскиным и никаких замечаний не вызвал.

По возвращении атамана Семенова и Таскина из Харбина, я заявил о своем уходе из состава правительства, но их уговоры и телеграмма посла в Пекине кн. Кудашева заставили меня официально остаться в составе правительства, но совершенно устраниться от всякой работы в отряде, и я выехал в отпуск на ст. Манчжурия и Хайлар.

Перед уходом мною подано заявление от 2 июня за № 16, при каких условиях возможно мое возвращение в состав правительства. Из этого заявления видно, против каких неправильностей и незакономерностей я протестовал.

Близко стоя к отряду, я наблюдал, между прочим, следующие незакономерности и непорядки в отряде:

1. В марте месяце в харбинских газетах печатался отчет съезда союза профессиональных служащих Китайско-Восточной железной дороги, где было неоднократно высказано, что прапорщик Борщевский из мести без суда расстрелял на ст. Бухеду доктора Григорьева, и несмотря на это Борщевский все время оставался на службе, наводя террор на население.

2. Тоже в газетах «Новости жизни» и «Вестник Манчжурии» около 13 марта делаются прозрачные намеки на то, что покушение на председателя Харбинского городского исполнительного комитета Вольфовича произведено чинами семеновского отряда.

3. Около 8 апреля офицеры семеновского отряда подъесаул Зимин, корнет Кульев, хорунжий Сокович и вольноопределяющийся Заксон в Харбине произвели обыск в гостинице и отобрали у греческого подданного опий. Об этом знает капитан Пильо, защищавший интересы пострадавших.

4. 26 марта открылась панама железнодорожного отдела отряда. Начальник отдела инженер Бурхардт, в компании с хорунжим Каблуковым и артистом Томашевским, реквизировал на ст. Манчжурия несколько вагонов чаю и электрических принадлежностей и все это обратил в свою пользу. Часть виновных скрылась, а инженер Бурхардт арестован, предан суду и приговорен в арестантские роты, но 18 июня уже снова гулял на свободе.

5. 31 марта начальник автомобильного отряда поручик Подгорецкий на отрядных автомобилях перевозил за деньги частный груз в Монголию, несколько автомобилей испортил, засадил в песок, и к моменту наступления автомобилей исправных оказалось недостаточно, и за это он почти не был наказан.

6. По городу ходили слухи о больших взятках, которые берутся комендантским управлением, так, комендантский адъютант хорунжий Цареградский за 385 руб. выпустил с гауптвахты важного преступника.

7. В конце мая товары, конфискованные Манчжурской таможней на несколько миллионов рублей, были реквизированы отрядом. Для учета их был назначен унтер-офицер Погадаев, чиновник таможни Горецкий и др. Погадаевым из числа реквизированного товара продано манчжурскому купцу Суринову 26 пудов опию по 100 рублей кусок, цена которого не менее 400 руб. Предполагали, что Суринов должен на этом заработать ½ милл. рублей. Часть товара предполагалось вывезти в склады, нанятые Погадаевым, но Таскин наложил печати на таможен-

ные склады и товары взял на свой учет. Погадаев вместо предания суду получил командировку в Могайтуй. Это все в подробностях известно С. А. Таскину, от которого я все это и узнал.

8. В конце июня в Харбине был убит семеновского отряда хорунжий Кабанов, в кармане у него оказалось 131 тыс. рублей. Оказывается, он в Харбине продавал накладные на сырые кожи, которые в количестве 29 вагонов кто-то реквизировал в Хайларе у товарищества «Скороход». Атаман Семенов заявлял в газетах, что ему о реквизиции кожи ничего неизвестно. Говорили, что реквизиция произведена есаулом бароном Унгерн-Штернбергом [1]), который был тогда начальником гарнизона г. Хайлара. Дело это известно прокурору Заамурского окружного суда. Оно заглохло. Это известно С. А. Таскину, он с Волгиным выезжал по этому поводу в Харбин.

9. В Даурии в начале июня, по распоряжению есаула Тирбах [2]), был продан двухэтажный дом; на протест по этому поводу управляющего гражданской частью Таскина [Тирбах] ответил, что ему кроме атамана никто не может приказывать.

10. В начале апреля отрядом были взяты деньги Манчжурской таможни и сберегательной кассы и записаны на приход не общей кассы отряда и не на учет интенданта, а на учет начальника юридического или политического отдела. Капитан Пильо тогда протестовал, он требовал деньги сберегательной кассе возвратить, а таможни — записать на учет интенданта, просил меня поддержать его; я об этом говорил, еще не состоя в правительстве, но протест этот остался без удовлетворения, лишь деньги сберегательной кассы были возвращены.

11. Отрядом проданы в Хайларе и Фулярди электрическая станция и бараки пограничной стражи, а в Даурии строительный материал. Это подробно известно ген. Оглоблину [3]).

12. В начале июня был реквизирован в большом количестве табун [лошадей], скот и бараны у казаков Цаган-Олуевской станицы, якобы большевиков, с тем, чтобы, как говорил Таскин, после свержения большевиков из этого стада выдать казакам, потерпевшим от большевиков. Скот этот в несколько десятков тысяч голов был известен Таскину. Много лошадей из этого табуна оказалось потом у извозчиков в Манчжурии, много взяли офицеры Даурского полка и штаба отряда,—напр., у сотника Сергеева в то время было 7 молодых полукровок, есть и здесь в Иркутске, напр., у ген. Оглоблина. Это может подтвердить сотник 1-го Забайкальского казачьего войска Воросов Иван Никонович и казак Манчжурской станицы Дмитрий Аникеев.

По словам казака Дурулгуевской станицы Лазаря Протасьевича Вронникова, Погадаев купил хорошего рысака за 10 кобыл, взятых из так называемого большевистского табуна.

В начале августа, по распоряжению есаула барона Унгерн-Штернберга, прапорщик Жуч пригнал 18 тысяч баранов приаргунских ста-

---

[1]) Сподвижник Семенова, сформировавший в Монголии «дикую дивизию». Своими бандитскими налетами и невероятными жестокостями Унгерн держал в постоянном страхе жителей Монголии и Южного Забайкалья. В середине 1921 г. его отряд был разбит народно-революционной армией ДВР, а сам Унгерн захвачен в плен и расстрелян.

[2]) Один из самых близких к атаману Семенову офицеров, непосредственный исполнитель его «ответственных поручений».

[3]) Начальник гарнизона ст. Манчжурия.

ниц Дуроевской и Зоргольской, тоже якобы большевистских. В числе пригнанных оказалось много баранов офицеров и казаков, служащих в отряде Семенова, напр., прапорщиков Пинигина, Якимова и др. и многих лиц, хотя и не служащих в отряде, но явных противников большевиков, как, напр., у классного фельдшера Кузьменко с Цурухайтуя угнали породистых баранов-мериносов. Правда, этих баранов вернули, но неполностью, так как часть уже потеряли или продали, а часть испортили, смешав с самцами и несвоевременно оплодотворив. Это могут подтвердить указанные выше хозяева, а также казак Шарасунского поселка Деревцов и много казаков-беженцев Абагайтуевской, Чиндантской и др. станиц. Скот этот пострадавшим от большевиков не выдавали, от этого отказались уже в августе, когда Таскина в отряде не было уже. 22 августа начальник снабжения отряда подполковник Афанасьев заявил и. д. председателя войскового правления Гордееву Захару Ивановичу, что скота раздавать населению не будем, так как его не так много: 700 рогатого скота, 2 500 табуна и 17 тыс. баранов, между тем его было гораздо больше; во-вторых, нужны деньги—часть лошадей будет взята в отряд, часть скота и баранов нужно для продовольствия отряда, а часть нужно продать: «Я,—говорит,—и без того хотел предложить атаману сдать какую-нибудь концессию, чтобы добыть деньги». Между прочим, на вопрос Гордеева, что̀ сделано со скотом, реквизированным в приаргунских станицах 30 июля, подполковник Афанасьев ответил: «О, этого вопроса, батенька, не поднимайте, ведь это сделал барон, не спрашивайте, и где этот скот. И я не могу вас уверить, что он при движении вперед и в области не реквизнет».

На вопрос Гордеева:—«Разве вы, как начальник снабжения, не можете воспретить?» ответил: «Нет, батенька, если я об этом заявлю, то мой чуб пострадает. Тут есть особый пункт, которого касаться нельзя».

Сам же атаман Семенов еще раньше этого на заявление Гордеева о недопустимости грабежа скота у приаргунских станиц, сказал: «Оставь, пожалуйста, это в покое, все это изменится».

13. У казака Цагано-Олуевской станицы Ключевского поселка Геннадия Белокопытова был отогнан семеновским отрядом табун в числе 1½ тысяч голов. Сам он был арестован. Когда он был выпущен с гауптвахты и заявил о том, что большая часть его табуна расхищена, то ему ответили: «Благодарите бога, что вы остались живы, и считайте, что вы этот табун подарили отряду». Была отдана благодарность в приказе по отряду Белокопытову за подаренные 200 лошадей.

14. Порка была введена в систему,—больше всего этим занимался есаул Унгерн-Штернберг со своими помощниками прапорщиками Еремеевым и Шадриным и подхорунжим Бурдуковским, которого в отряде не иначе называли, как «палач». Пороли даже офицеров; так, в марте в Хайларе выпороли полковника, фамилию забыл; в сентябре и октябре выпороли есаула Баева, об этом рассказывал сотник Костромин в присутствии прапорщика Березовского и полковника Новикова; последний—в Иркутске, остальные в Забайкалье.

11 августа, по распоряжению того же барона, в Хайларе выпороли начальника участка инженера Васильева, что̀ может подтвердить, кроме хайларских жителей, полковник Кобылкин Ал. Васильевич.

15. Барон Унгерн не позволил комиссии, назначенной управлением Китайско-Восточной железной дороги, произвести ревизию Хайларского общественного управления. Председатель общественного управ-

ления Спичников — представитель богатой немецкой фирмы, сестра его жены живет с бароном. Могут подтвердить Вадаков в Хайларе и полковник Кобылкин.

16. В начале августа Кругликов в Хайларе подал через начальника войскового штаба есаула Шароглазова заявление, что его брат был осужден к расстрелу, но приговор в Манчжурии не приведен в исполнение, а его перевезли в Хайлар,— здесь помощник начальника гауптвахты ротмистр Каменев предложил брату внести 100 тыс. руб., тогда атаман освободит осужденного, но так как таких денег он достать не мог, то брата казнили. Это заявление было передано атаману. Поэтому или нет, но через несколько дней (20 августа) он уволен с этой должности и назначен начальником уголовносыскного отделения, а впоследствии, по занятии Читы [1]), он назначен начальником областной милиции, в каковой должности состоит, кажется, и сейчас. В конце августа в газете «Новая жизнь» появилось письмо жены казненного Кругликова, с подробным изложением, как ротмистр Каменев вымогал 100 тыс. рублей за освобождение ее мужа.

17. Хозяйство и денежная отчетность велись в беспорядке: напр., в марте выводится приказом в расход 36 тыс. рублей, неизвестно кому выданных подъесаулом Тирбах, так как подписи на расписках неразборчивы, и неизвестно для какой надобности [они выданы]. Это представляется иностранным агентам, которые в ужас приходят. Знает капитан Пильо.

В марте уже было 216 тыс. рублей выдано по документам, и даже большие и влиятельные лица, как инспектор артиллерии ген. Никонов и подъесаул Тирбах, не погашали своевременно,—в апреле и мае было несколько приказов с напоминанием.

В мае документов уже на 400 тыс. рублей. Оправданием служат лишь расписки в получении, а на что израсходовано, неизвестно. Учета людей и лошадей никакого не было: требовалось довольствие и отпускалось без всяких оправдательных документов, — напр., в апреле и мае, чтобы составить требование, посылались из штаба отряда адъютанты, которые объезжали все роты и сотни и записывали, сколько у них людей и лошадей. Широкое поле для злоупотреблений.

Когда я вступил в правительство, выписал начальником снабжения и тыла бывшего командира 2 Читинского полка, Забайкальского казачьего войска полковника Силинского, человека безукоризненной честности, экономного, твердого и требовательного и знающего хозяйство. Он, назначенный атаманом, энергично взялся за приведение в порядок хозяйства и отчетности, что не понравилось особенно интенданту

[1]) К началу августа 1918 г. советская власть пала почти во всех городах Сибири и Дальнего Востока. Сопротивление продолжалось втечение августа—сентября лишь в Забайкальской и Амурской областях вследствие лучшей организации здесь Красной армии, руководимой военными специалистами — Лазо, Велижевым и др. (Парфенов, «Гражд. война в Сибири», изд. 2, стр. 27). Чита была взята чехо-словаками и войсками Сибирского правительства 26 августа, а 28 августа на конференции советских деятелей на ст. Урульга было принято решение о ликвидации борьбы «с врагом организованным фронтом» (Минц, «Японская интервенция в 1918—22 г. в документах», сб. Центрархива, стр. 80). Последний центр советской власти — Благовещенск — пал 18 сентября. Авангард семеновских войск вошел в Читу непосредственно после «воссоединения чехо-словацких и сибирских войск с военными силами Дальнего Востока», состоявшегося 3 сентября 1918 г. на ст. Оловянной Забайкальской железной дороги (ЦАОР, ф. № 178, д. № 14, л. 2).

полковнику Бирюкову, хорошему строевому офицеру, но пьянице и картежнику, с широкой натурой, не признающей кропотливой отчетности, и с помощью других лиц через месяц его убрали. Хозяйственные непорядки он может хорошо осветить.

18. Было большое стремление к широким штатам и большим окладам,—напр., в начале марта на 4 орудия был инспектор артиллерии, командир дивизиона и батареи; для охраны железной дороги в 200 верст на 72 казака охраны ген. Никонов установили штат в 5 офицеров штаба.

С 1 июня [были] назначены командиром 3 Даурского полка подъесаул Савельев и помощником [его] Левицкий; отпускалась ежемесячно приличная сумма на расходы, а полка, по крайней мере, до конца августа не было. Интендант Бирюков будто бы даже протестовал против этого.

19. Когда авангард семеновского отряда под начальством полковника Артамонова прибыл в Читу, где в это время находилась сотня красильниковского отряда есаула Жадовского [1]), то начали бесследно исчезать некоторые лица, — напр., есаул Кобылкин, Виталий и родственник полковника Бакшеева, Алекс. Прокловича, ныне командира бригады Забайкальской дивизии, фамилию не знаю, и много других. Об убийстве есаула Кобылкина может показать заведующий Забайкальской заводской конюшней ротмистр Вазагов. В конце сентября в Чите, в районе казарм бывшей искровой роты милицией было открыто 15 трупов, большинство с отрубленными головами. Об этом знает бывший начальник областной милиции Костылев.

Когда я прибыл к арестованным на ст. Манчжурия 5 октября, то там были арестованы около 10 офицеров сотни Жадовского, в том числе штабс-ротмистры Танков, Корсунский, Штюрмер, корнет Стронге, по обвинению в убийстве офицера на ст. Манчжурия и вообще в убийствах в Чите, но через несколько дней после приезда из Читы чинов контр-разведки отряда Семенова корнетов Корнеева и Мокроносова были освобождены. Тогда же говорили: освободили потому, что в этих убийствах были замешаны упомянутые чины контр-разведки и другие чины семеновского отряда. Об этом более подробно и точно должен знать ген. Оглоблин, бывший тогда начальником гарнизона Манчжурии, знает ротмистр Вазагов, отчасти знает полковник Новиков и штабс-капитан Егоров, отец которого имеет торговлю в Иркутске на Нестеровской улице. Об этом, а также о самочинном увозе из Читинской тюрьмы и избиении арестованных подъесаулом Стрельниковым и Филипповым знает бывший областной комиссар Флегонтов Антон Матвеевич [2]) и бывшие арестованные полковник Новиков, полковник Маклаков, подполковник Русинов и прапорщик Вакулов.

20. О вымогательстве, взятках и порке на гауптвахте, о том, как содержавшихся под арестом женщин водили на допрос по ночам, как возвращались эти женщины в 12 часов ночи и позже заплаканные, как арестованная сестра милосердия Гарет побила морду ротмистру Каменеву за приставание, как вещи и деньги расстрелянных делятся чинами гауптвахты, напр., чемоданы и др. вещи Файбусова [3]), несмотря

[1]) Отряд входил в состав войск Сибирского правительства.

[2]) Флегонтов был областным комиссаром Сибирского правительства по Забайкальской области.

[3]) Начальник политического отдела семеновского отряда, расстрелян Семеновым 16 августа 1918 г. См. ниже, стр. 140.

на завещание выдать сестре Гарет, были взяты начальником гауптвахты подполковником Лутовиновым, как следователи и прокуроры приносили арестованным женщинам шоколад, как начальник гауптвахты подполковник Лутовинов отправил в Читу 6 вагонов товару, взятого из таможни—шелк, карты, коньяк и проч., могут показать полковник Новиков, штабс-капитан Егоров в Иркутске, прапорщик Березовский и чиновник Колосов в Чите. Рассказ об этом от этих лиц слышал и Флегонтов.

21. Те же арестованные Маклаков, Русинов, Давыдов и Вакулов говорили, что в октябре на ст. Борзя полевым судом освобождали заведомых комиссаров, как, напр., Мальцев, или как впоследствии был освобожден Давыдов, бывший председатель Читинского исполнительного комитета, и вновь посажен только после того, как об этом стали писать в газетах, и, наоборот, простых казаков, повидимому, за пустяки расстреливали.

22. Полковник Новиков и чиновник Колосов в октябре рассказывали, что сестру Гарет последнее время держали под арестом и выпытывали у нее дневник казненного Файбусова. Будто бы этот дневник на 400 страницах имеет много интересного,—напр., записаны дословно переговоры атамана Семенова с японцами или разговоры самого Файбусова с японцами, которые он вел как начальник политического отдела от имени атамана, и др. дела и деятельность отдельных лиц. Говорят, дневник находится в надежных руках. Это несколько подтверждает то, что жена полковника, ныне ген.-майора, Нацвалова, Зинаида Александровна (Чита, Ивановская ул., дом Западворова) говорила еще 7 июля. Между прочим, она говорила, что у атамана Семенова имеется договор с японцами, по которому им отдаются в разработку все золотые прииски в Забайкалье, а атаману Семенову выплачивается 5% с валового дохода [1]); что у него много денег положено на чужие имена. Он старается избавиться от тех лиц, которые это знают; в числе этих лиц называют Файбусова, убитого хорунжего Кабанова, барона Унгерна, Тирбах и Шадрина. Мне же лично она говорила 14 июля, что у нее много документов, есть сфотографированные договоры Семенова с японцами [2]). Может быть, все это объясняет, почему с Файбусовым поступили так жестоко,—он был виновен не больше, чем полковник Загоскин и инженер Бурхардт или Погадаев, — ему ставилось в вину, что он совместно с полковником Загоскиным склонил броневики уйти из боя и отправиться к ген. Хорвату на Уссурийский фронт, и что будто бы у него при аресте в вагоне нашли некоторые товары из таможни—вино и шелк. Ни его высокое прежнее положение, приближенность к атаману, ни заступничество Таскина и Волгина, которые для этого специально

---

[1]) Золотые прииски в Забайкальской области приказом № 10 по семеновской так называемой «Восточно-сибирской армии» в январе 1919 г. были изъяты из ведения горного управления Нерчинского округа и переданы в ведение военного ведомства, причем руководителем работ по добыче золота был назначен барон Унгерн-Штернберг (ЦАОР, ф. № 178, д. № 3, л. 25). Омское правительство было чрезвычайно обеспокоено этой «реформой» атамана «в связи с особыми отношениями, существовавшими между полковником Семеновым и японцами», но изменить создавшееся положение было, конечно, бессильно. (Минц, «Японская интервенция в 1918—22 г. в документах», сб. Центрархива, стр. 35).

[2]) Впоследствии З. А. Нацвалову постигла та же участь, что и Файбусова. Она была арестована семеновскими офицерами и после страшных пыток и надругательств тайно убита. Труп ее был найден в окрестностях Читы.

приезжали из Владивостока, не смягчили участи Файбусова, и он 16 августа был казнен, а полковник Загоскин и прапорщик Погадаев здравствуют и даже служат.

23. По прибытии отряда в Читу поведение чинов отряда к лучшему не изменилось, — напр., прапорщик Валяев самовольно с государственной заводской конюшни взял кобылицу, — об этом знает агроном Николай Сафронович Иконников и бывший тогда начальником гарнизона Читы ген. Мисюра, который не в состоянии был приказать возвратить; в сентябре выпороли комиссию по ликвидации дел 1 Верхнеудинского полка во главе с чиновником Кузнецовым, тогда как в то же время председатель другой такой же комиссии чиновник Чебыкин получает повышение; были самочинные обыски, отобрание оружия с угрозой расстрелом в таких твердых станицах, как Титовская, которая, несмотря на близость к очагу советской власти, не признавала ее, не дала ни одного казака им и вместе с офицерской организацией в августе восстала против большевиков, поселок Каштажный. В октябре начальник броневых поездов полковник Степанов повез в своем поезде читинского золотопромышленника Шумова в Харбин для размена золота; этот Шумов через несколько дней оказался вместе с другими лицами убитым и выброшенным по дороге в Харбин у ст. Карымская. Полковник Степанов и посейчас в отряде. Это дело известно судебным властям г. Читы.

В конце октября открылась очередная панама с продажей на громадную сумму читинским коммерсантам товаров, привезенных для продажи населению по низкой цене. При самом начале производства дознания начальник политического отдела Левит застрелился; другой главный виновник подполковник Лутовинов был арестован, но, повидимому, дело с приездом атамана Семенова из Владивостока замяли, Лутовинов выпущен из-под ареста. Это могут осветить ген. Семенов, начавший это дело в отсутствии атамана Семенова, и полковник Бакшеев; по словам некоторых коммерсантов г. Читы, много темного с провозом товаров из Манчжурии; это может осветить коммерсант Цукович. Массовые, до сотни человек, порки продолжаются и до настоящего времени как в Чите, так и по областям,—я получаю письма об этом и до сейчас. Напр., из Нерчинска от 10 февраля пишут: «Многие из нас, кадровых офицеров, в этой военной атмосфере положительно задыхаются. Во многих местах Забайкалья бесчинствуют негодные отбросы офицерства под маркой «семеновцы». Все ли они полномочны творить произвол, не знаю, но усмирять мнимые восстания некоторые из них уполномочены. Подобные усмирения, видимо, часто завершаются самосудом и грабежами; словом, из деревни часто доносится стон...» Просит устроить куда угодно, лишь бы бежать из этого ада. Около этого же времени приехал [офицер] из другого района из ст. Донинской, в районе Нерчинского завода, и рассказывает о разъездах харачин дикой дивизии барона Унгерна, которые порют массами [местных жителей], массами и обирают; перед рождеством была экспедиция в Акшу. Об этом, а также и вообще, что творится в области, могут подтвердить и более подробно осветить атаманы отделов.

24. О характеристике некоторых лиц, окружающих атамана Семенова, его самого, о их чаяниях можно судить по моим записям в дневнике. Так, напр., 4 марта 1918 г., после первого же представления

моего при приезде в Манчжурию, записано: «Убили последнюю искру на благоприятный исход дела. Тут все отрицательное, что есть у нас, русских: упоение властью, стремление удержать ее во что бы то ни стало, боязнь, что слава перейдет к другому; полное отсутствие организаторских способностей Григория Михайловича [Семенова], безъидейная организация. Много, если не большинство, работает не из-за идеала, а из-за куска хлеба, много присосалось к довольно вкусному пирогу, — поэтому стремление к широким штатам. Пьянство, кутежи, произвол и влияние женщины — царствует во всей силе».

С самого начала возникновения отряда в нем были настроены против учености. Вначале имели полную возможность пригласить офицера генерального штаба, но не хотели, потом, когда в марте военные агенты [союзников] нашли полную неорганизованность и бессистемность и стали настаивать на приглашении офицера генерального штаба, то таких свободных уже не оказалось.

Когда тогда же речь зашла о замене начальника штаба полковника Нацвалова, то я, зная всех офицеров, заявил, что у них в отряде нет не только лучшего и больше знающего, чем полковник Нацвалов, но нет даже равного ему. Он был оставлен до конца июля.

Должность ген.-квартирмейстера исполнял неспособнейший подъесаул Мунгалов. Один начальник политического отдела—Файбусов—расстрелян, другой—Левит—застрелился.

Характеристику и личность начальника юридического отдела Волгина хорошо знают [1]) в Иркутске по его прежней службе при губернаторе; другой, подполковник Афанасьев, сознает, что барон грабит, но не может открыто об этом заявить, боится за свой чуб. Сам атаман Семенов представлялся мне сначала добрым и безвольным человеком, который находится под влиянием нехороших людей, как, напр., барон Унгерн, которого в газете «Вестник Манчжурии», в № 170, справедливо назвали «злым гением отряда», и др; без всяких организаторских способностей и опыта, как житейского, так и боевого, так как на войне он командовал только сотней. Сначала я, зная его взгляд на политику и поведение чинов отряда, думал, что он многого не знает, но впоследствии я убедился, что он почти все безобразия знает, не прекращает их или потому, что не может, будучи чем-то связан, или просто не хочет. Напр., он еще 21 марта мне говорил, между прочим, о полной неспособности занимать какую-нибудь должность ген. Никонова, называя его трутнем, и в то же время он занимает до сих пор высокий пост; возмущался пьянством и дебошами некоторых молодых офицеров, продолжая держать их у себя даже в конвое.

Сам, будучи в войсковом правлении, согласился на кандидатский список, предложенный ему войсковым правлением, на командные должности в дивизии и по внутреннему управлению войском, а уехавши в «ставку», очевидно, под давлением своих приближенных, изменяет этот список.

При встрече со мной 5 сентября в Оловянной рассыпался в любезностях и уважении, а 2 октября по доносу прапорщика Валяева меня арестовывают, как впоследствии оказалось, за то, что я будто бы был 1 октября на митинге в 1-й женской гимназии и вместе с областным комиссаром Флегонтовым после митинга уехал на одном экипаже. До-

[1]) Так в подлиннике.

статочно было такого повода, чтобы меня, генерала русской службы, схватить, под конвоем отправить в Манчжурию и засадить здесь в аретантский вагон, в котором сидят пьяницы и буяны, подобранные на улицах Манчжурии, осужденные за растрату, обвиняемые за массовые убийства, видные деятели советской власти; установить особо строгий тюремный режим — не допускать ко мне посетителей, в то время, как к другим заключенным ежедневно приходили девицы из публичного дома; [установить] прогулки на воздухе в неделю раз; в баню и перед отъездом в Читу за покупками в город водить под конвоем казака и китайца, служащего в отряде. Митинг, за участие в котором я был арестован, было заседание педагогического совета, где я, как товарищ председателя родительского комитета, присутствовал и никуда с комиссаром Флегонтовым не ездил и с ним до ареста не был и знаком.

Несмотря на очевидную ложность доноса мне не разрешалось выехать в Иркутск, где я получил назначение на настоящую должность, до конца октября. На мою просьбу выдать мне постановление о прекращении дела не ответили.

Все это указывает на мелкий мстительный характер [атамана Семенова], двуличность и желание убрать с дороги возможного конкурента власти. До 1918 г. я был с ним знаком, не был в близких отношениях, но в хороших, никаких недоразумений не было. С приездом же моим в Манчжурию он сразу увидел мои взгляды как на поведение чинов отряда, так и на политику.

Его отношение к иностранным представителям и взгляд на русский народ видны из следующего: 16 марта на совещании с военными агентами [союзников] полковником Робертсон и капитаном Пильо, советником посольства Граве, мною и Таскиным было замечено две группы: 1) Англия, Франция и наша Пекинская миссия и 2) атаман Семенов и Япония.

Первая группа стремилась обойтись в борьбе с большевиками своими русскими силами при денежной и материальной помощи со стороны союзников. Семенов надеялся набрать отряд из харачин-монгол-разбойников. Когда Граве стал его предостерегать от этого, говоря, что харачины ненадежны в боевом отношении, будут грабить население и что это будет пахнуть японским вторжением, так как харачины—ставленники Японии в Манчжурии, то Семенов ответил, что он в них верит, что при умелом управлении они грабить не будут, и что более грабителей, чем русские, трудно сыскать. Это он не постеснялся заявить в присутствии иностранцев. В дальнейшем я наблюдал, какое отношение было атамана Семенова и его помощников к военным агентам Англии и Франции, с одной стороны, и Японии, с другой. К первым относились неприязненно, ко второму, капитану Куроки, наоборот,— без капитана Куроки не производилось, кажется, ни одной боевой операции, с ним всегда советовались по всяким вопросам, он был постоянным спутником атамана. Правда, представители Англии и Франции были очень требовательны в правильности составления хозяйственной отчетности, были очень экономны, японцы—наоборот; когда они стали давать деньги отряду, то интендант полковник Бирюков открыто выражал свое удовольствие, что японцы дают денег сколько угодно и не требуют отчета. Это могут подтвердить капитан Пильо—француз и капитан Дени — англичанин и полковник Кобылкин (Акша).

Отсутствие в отряде опытных и знающих лиц вредно отражалось на успехе дела. Напр., апрельское наступление. Несмотря на то, что был выработан план, наступление началось не по этому плану, не было отдано общего приказа о наступлении, а отдавались последовательно каждому начальнику, почему никто не знал, что делает сосед; рабочий поезд для исправления пути [был] забыт и опоздал почти на сутки, расчет времени не был сделан, и удар обходной колонны войскового старшины Золотухина из Кулусутая на тыл произошел на 1½ суток раньше общей атаки ст. Борзи и имел только отрицательные результаты, — не принося пользы, вывел из строя во время самого боя всю конницу; артиллерия (9 орудий), испугавшись огня одной большевистской пушки, стрелявшей с платформы, была уведена полковником Загоскиным в тыл и дала время расчистить путь и уйти 9 большевистским эшелонам, которые до этого стояли на железнодорожном пути в 6 верстах от Борзи, не имея возможности двинуться вперед, так как все станции были забиты.

В дальнейшем, при занятии Оловянной, та же артиллерия под управлением полковника Загоскина позволила Лазо взорвать мост, для чего он пять раз подъезжал на автомобиле к мосту поджигать шнур и произвел несколько взрывов,—артиллерия не мешала, не сделала ни одного выстрела, а имела полную возможность,—все это происходило днем. После занятия Оловянной, несмотря на мои настояния, не перешли в наступление дальше, имея на то полную возможность,—у нас было 3 паровоза и 14 вагонов, этого было достаточно, чтобы орудия, пехоту и снаряды везти по железной дороге, а конница могла двигаться походным порядком; окрестные жители буряты хорошо относились к отряду и могли выставить достаточное количество подвод. Серьезного сопротивления мы бы не встретили, так как главная сила большевиков уже ушла за Ингоду к Карымской, в Чите была паника (Иркутск. советская газета). Но, на несчастье, взятие Оловянной произошло за 2 дня до пасхи, и все устремились после победы кутить в Манчжурию, начиная с самого атамана,— несмотря на мои уговоры он нашел повод для каких-то переговоров с китайскими и монгольскими властями. Мне, знакомому с военным искусством, было тяжело смотреть, как грубо нарушаются азбучные истины—не давать опомниться разбитому противнику. Молодежь торжествовала победу и занялась пьянством и в Манчжурии и на фронте; они не заглядывали в будущее.

Безостановочное движение вперед требовалось еще и потому, что отряд Семенова перед выступлением из Манчжурии был настолько слаб и по численности, а главное по качествам, что я считал, что можно добиться успеха только обманом: нанести сокрушительный удар большевистскому авангарду в Борзе и на его плечах дойти до Читы, быстро мобилизовать ближайшие к железной дороге станицы, чем отряд увеличился бы втечение 1—2 недель в 2—3 раза. Я считал, что дойти до Читы с наличными силами нетрудно, а удержать Забайкалье труднее от напора с востока и запада, и был прав. Мы занялись пьянством, а в это время к Чите спешили подкрепления большевиков из Омска и Владивостока, с приходом которых отряду пришлось оставить ст. Оловянную и приставшие к отряду станицы по р. Ойону поставить под удар большевиков.

Эта неудача имела очень вредные последствия. Казаки, видя бессилие отряда Семенова, стали более охотно исполнять приказы больше-

виков о мобилизации, и скоро силы их, особенно конница, сильно возросли.

Под напором этих превосходных сил отряд отошел к границе, а потом даже и за границу.

Сколько точно отряд Семенова оттянул на себя большевистских сил, не знаю, но думаю, тысяч до 6—8, причем много было сил местных, казачьих. С этой стороны заслуга отряда атамана Семенова несомненна, но если бы сначала не пренебрегали ученостью и знанием, было бы лучшее управление в бою и организации до боя, если бы поведение чинов отряда не отталкивало от себя желающих поступать добровольцами, если бы больше думали о пользе государственной, а не о личном благе и удобствах, то я не сомневаюсь, что Забайкальская область была бы очищена от большевиков еще в апреле, а вслед за Забайкальем и весь Дальний Восток.

Рядовое офицерство и прочие добровольцы в бою держали себя хорошо, что можно доказать довольно большими потерями, не в пример прочим отрядам Дальнего Востока — калмыковцам и орловцам. Мое недовольство успехами в Борзе и Оловянной, когда молодежь торжествовала, известно С. А. Таскину, а оценки отряда и способа действия были высказаны мною еще 16 марта на совещании с полковником Робертсоном, капитаном Пильо и советником Граве.

25. На отношение чинов отряда ко мне указывает следующий случай: в 24 часа 3 июля, когда я находился в Манчжурии в отпуску, приехал хорунжий Орловский с другим офицером и передал приказание атамана Семенова приехать мне на ст. Мациевскую (25 вер.) командовать отрядом, так как сам атаман пошел с обходной колонной. Заподозрев что-то неладное, я пошел вместе с ними в гостиницу, где жил начальник гарнизона ген. Оглоблин, чтобы проверить правильность приказа. Хорунжий Орловский, увидев комендантского адъютанта, бросился бежать и скрылся, но через 4 часа дня [1]) был арестован. Произведено [было] следствие, которым, насколько мне известно, выяснилось, что он приезжал убить меня. Сначала я не знал, от кого он имел поручение убить—от большевиков или от семеновцев. 30 сентября был суд над хорунжим Орловским, на который ни я, ни другие свидетели вызваны не были. Хорунжий Орловский [был] оправдан и, вероятно, до сих пор служит в семеновском отряде. Между прочим, когда я сидел арестованным, то штабс-капитан Егоров, полковник Новиков, прапорщик Березовский и чиновник Колосов рассказали мне, что за несколько дней до моего приезда из этого же вагона был выпущен после суда хорунжий Орловский. Вместе с хорунжим Орловским несколько дней в арестантском вагоне жили не арестованные его два брата штатских, было ежедневно пьянство в вагоне. Один из Орловских говорил, что он убьет меня, за что освободят его брата.

26. Занятие Читы войсками Сибирского правительства и чехо-словаками было очень неприятно как самому атаману Семенову, так и его приближенным, это их страшно ошеломило, расстроило всю их программу — победоносно шествовать по Сибири и властвовать — они боялись потерять власть. Атаман больше суток был пьян до беспамятства, и никто ничего не мог добиться (подъесаул Токмаков Александр

[1]) Так в подлиннике.

Кондратьевич). По слухам, в Чите 12 сентября [1]) полковники Артамонов, Перекрестов, есаул Стрельников и др. все время стараются поссорить Семенова с Сибирским правительством; натравливают не признавать его, очень недовольны назначением [атамана] корпусным командиром,— им этого мало,— они его толкают в диктаторы Сибири, причем всех стращают японцами, которые якобы поддерживают Семенова; на указание, что население недовольно действиями Семенова, отвечают: «Наплевать, мы всю эту сволочь перебьем».

27. Мне неизвестны мотивы, по которым атаман Семенов не признал верховного правителя адмирала Колчака, но могу предполагать: во-первых, адмирал Колчак имел столкновение с атаманом Семеновым в мае на ст. Манчжурия, когда адмирал Колчак проезжал как командующий российскими войсками в полосе отчуждения. Атаман Семенов не признавал этой власти, хотя тогда же принял производство в войсковые старшины ген. Хорватом, который являлся и начальником адмирала Колчака. Последний тогда дал правильную оценку действиям атамана Семенова, назвав нас хамами; многие, услышав об этом, были огорчены происшедшим, но были вполне согласны с данной оценкой, считая ее заслуженной. Во-вторых, Семенову и в штабе был известен взгляд [адмирала] на японцев; тогда говорили, что он сторонник Англии и Франции в противовес Японии, что, конечно, идет вразрез с политикой Семенова. В-третьих, атаман Семенов знает, что адмиралу Колчаку хорошо известны все незакономерные действия как его самого, так и чинов отряда и их поведение.

Очевидно, принимая это во внимание, атаман Семенов просто из боязни, что адмирал Колчак, как верховный правитель, ликвидирует его, чтобы удержать за собой власть, и решился на такой безумный шаг. Для него, конечно, выгоднее видеть верховным правителем ген. Деникина или Дутова, которые не знают всех его художеств, а читают лишь по газетам, что он борется с врагами государства.

Не думаю, чтобы сам он сейчас, при наличии правительства ген. Деникина, серьезно думал о собственной кандидатуре в верховные правители.

Непризнание адмирала Колчака считают персональным.

С марта 1918 г. в отряде ни от него, ни от Таскина я иного и не слышал, что союзники, особенно Япония и Франция, никакой иной, кроме единоличной власти, не допустят.

28. В заключение должен заявить, что беспристрастность моих показаний и оценки поведения и деятельности лиц доказывается тем, что оценка неспособности [атамана] к организации и управлению большим отрядом, поведение чинов отряда, их пьянство, разгул, произвол, бесхозяйственность, тяготение к Японии и недоброжелательное отношение к представителям Англии и Франции, взгляд мой на реквизицию сделаны были мною еще в марте, до разногласий с атаманом.

Генерал-майор Шильников.

Член комиссии [подпись].

---

[1]) Так в подлиннике.

Анатоль Франс и царская цензура

Один из крупнейших писателей буржуазной Франции, изысканнейший представитель буржуазной культуры, посвятивший вместе с тем значительную часть своих произведений вскрытию и разоблачению самых священных устоев капиталистического мира и сделавший основным мотивом своего творчества скептическое, преисполненное иронии и насмешки изображение современности —А. Франс заслуживает со стороны советского читателя самого пристального внимания. Неоднократно касавшийся тем социализма, друг Жореса и враг русского царизма, заплатив дань шовинистическому угару в начале империалистической войны, он нашел в себе силы освободиться от этого угара и понял неизбежность гибели капиталистической системы. Это убеждение и этот вывод привели его к противоположному лагерю,— отсюда его горячие, искренние симпатии к пролетарской революции и к Советскому Союзу, неоднократно высказывавшиеся им в печати, наряду с его резкими протестами против борьбы, которую вел с нами после Октября весь капиталистический мир.

Десять лет, прошедшие со дня смерти великого сатирика (он умер 12 октября 1924 г.), должны не только не ослабить, а наоборот усилить интерес к оставшемуся после него литературному наследству. Переживаемый капиталистическим миром кризис, судорожные попытки преодолеть этот кризис и, в связи с этим, углубление и усиление противоречий империализма заставляют с особым вниманием прислушиваться к метким и злым характеристикам, к едким сатирическим изображениям этих противоречий в произведениях Франса.

Интерес к его творчеству ни в какой мере не освобождает нас однако от обязанности глубоко критического к нему отношения. Огромные заслуги Франса перед современностью, его исключительное мастерство не должны затушевывать ни его подлинного классового лица, ни его социально-политических идеалов, ни методологической сущности излюбленных им литературных приемов.

Представитель мелкобуржуазной интеллигенции, переживший за свою долгую жизнь сложную эволюцию, основные этапы которой определялись такими общественно-политическими событиями, как дело Дрейфуса, революция 1905 г., империалистическая война и Октябрьская революция, Франс к концу жизни называл себя социалистом и даже коммунистом. Однако анализ его произведений как в части острой критики современной ему капиталистической действительности, так и других, менее определенных и ясных положительных высказываний, приводит к выводу, что Франс, в основном, остается в плену мелкобуржуазной идеологии. Непримиримая борьба, которую он вел с основными силами империалистической Франции — церковью, военными кругами и аристократией,— как старой родовитой, так и новой финансовой,— вызывалась и оправдывалась интересами именно мелкой буржуазии. Не будучи в состоянии отвлечься от законов капиталистического общества, он его противоречия превращает как бы в абсолютные законы и распространяет их действие на изображаемое им общество социалистического периода. Что касается последних

лет жизни Франса, когда он смело и открыто заявил о своих симпатиях к Советскому Союзу, при всем громадном значении этих симпатий они не могли превратить его в коммуниста или пролетарского писателя. Наконец, если обратиться к столь типичному для Франса литературному приему, как парадокс, независимо от его необычайной красочности и эффективности, независимо от большого его значения в заострении изображаемых жизненных противоречий, нельзя упускать из виду, что парадоксы его являются в значительной степени софистическими, что они переносят характеризуемые противоречия из области действительности в область логики.

Но и со всеми этими поправками и оговорками нельзя не признать в лице Франса великого разоблачителя противоречий буржуазного капиталистического мира, пытавшегося порвать с этим миром и перейти на сторону нового мира, которому принадлежит будущее.

Печатаемые ниже документы рисуют отношение к Франсу царской цензуры. Царская цензура должна была поддерживать и охранять диктатуру помещика-крепостника. Этим определяется ее особенно бережное отношение к авторитету исполнительного органа этой диктатуры —самодержавию и одному из главных его устоев — религии и церкви. Отсюда же и исключительное внимание цензуры к литературным произведениям, ставящим такие «рискованные» в условиях русской действительности темы, как социализм и революция.

Печатаемые документы относятся преимущественно к французским изданиям сочинений Франса. Это обстоятельство надо учитывать при анализе отзывов и решений цензоров, так как степень доступности для широких читательских кругов сомнительного с точки зрения цензуры произведения играла немаловажную роль: «Конечно, что не может быть пропущено на русском языке, то имеет больше шансов пройти на французском» —отмечает цензор, давая отзыв об «Острове пингвинов» (см. ниже документ № 12).

Наиболее резкое и непримиримое отношение цензуры проявляется по поводу антимонархических тенденций Франса и особенно в связи с высказываниями его, непосредственно обращенными к русскому царизму. «Мнения г. Жерома Куаньяра» были «признаны неудобными к дозволению» в 1893 г. именно в части его суждений о монархической власти, хотя и отмечается, что он (Куаньяр) «не ставит непременным условием насильственный переворот» (см. документ № 3). При пересмотре книги в 1907 г. цензор подтверждал, что «она содержит много неодобрительного, еще больше парадоксов и нелепостей», но предлагал ее допустить, указывая, что в целом ряде допущенных произведений печати затрагиваемые Франсом темы антимилитаризма, социализма и анархизма ставятся и освещаются в гораздо более серьезных формах. Однако эти аргументы не подействовали, и запрещение книги было подтверждено (см. документ № 4).

Отмечая противоцензурные места в книге А. Франса «На белом камне», цензор, конечно, не обходит страниц, «где резко осуждаются правительственные сферы за войну с Японией» (см. документ № 7). Разбирая «кощунственное» «Восстание ангелов», он с раздражением заканчивает свою характеристику словами: «Но А. Франс не может обойтись и на этот раз, чтобы не задеть Россию, к которой он мало расположен», и приводит сравнение обветшавшего небесного самодержавия с самодержавием русским и персидским (см. документ № 15). И, наконец, особенно суровое отношение встречают мысли Франса о неизбежной гибели царизма. Сочинение Вердена «Те, кого презирают», снабженное письмом к автору А. Франса, и сборник «К лучшим временам» подверглись абсолютному запрещению, без выдачи даже «благонадежным» лицам, так как в них говорится об антисемитизме, как о причине гибели царизма, о 9 января русской революции и опасности, представляемой цариз-

мом для всего цивилизованного мира (см. документы №№ 10 и 11). Даже выдержка из речи Франса о 9 января, приведенная для подтверждения отрицательной характеристики его стиля, несмотря на «благонамеренную» цель автора (Эрнест Шарль), исключается цензурой, так как она содержит выпады против царизма.

Не меньшее внимание уделяет царская цензура антирелигиозным выступлениям Франса. Начиная с «Харчевни королевы Гусиные лапки», кончая «Востанием ангелов», ряд его произведений подвергся запрещению за проявленную в них вражду к церкви и религии. Рассуждения Куаньяра, касающиеся религии в «Харчевне королевы Гусиные лапки», в 1893 г. признаны «нецензурными» как «антирелигиозная болтовня» (см. документ № 1). При пересмотре этой книги в 1907 г. высказывания действующих лиц по вопросам веры осуждены цензором еще строже и признаны «непристойными с точки зрения религиозной». Поэтому и в условиях полученных печатью льгот книга снова запрещается (см. документ № 2). К «Саламандре», по заключению духовной цензуры, применяется 262-я статья цензурного устава, которой предписывалось запрещать сочинения, содержащие места, «противные христианской нравственности, правительству и религии» (см. документ № 6). «На белом камне» в 1913 г. инкриминируются по 73 и 74 статьям уголовного уложения «кощунственные и богохульные мысли» (см. документ № 9). Сложный по содержанию «Остров пингвинов» интересует цензуру главным образом своим «насмешливым третированием бога» (см. документ № 12), «наглэ кощунственным глумлением над христианством и специально над св. таинствами крещения и причастия», а также «гнусным издевательством над учением церкви о святых и мощах их» (см. документ № 13). И под влиянием такой характеристики перевод книги на русский язык Московским окружным судом был приговорен к уничтожению. Весь доклад цензора о «Восстании ангелов» состоит из выдержек, указывающих на «кощунственный характер всей книги», в связи с чем она запрещается также по 73 статье уголовного уложения (см. документ № 15).

Проблемы социализма и революции, вследствие их двойственного освещения у Франса, встречают двоякое отношение цензуры. Там, где Франс рисует картину утопического социализма и делает это в общедоступной форме или говорит о своих симпатиях к трудовому пролетариату и чаяниях «наступления социальной справедливости и всеобщего мира», цензура сейчас же настораживается и дает отпор (см. документы №№ 5 и 11).

Там, где при изображении революции дискредитируются и самая идея революции и ее деятели («Боги жаждут»), цензура признает книгу полезной и прощает Франсу даже антирелигиозные выпады, находя для них различные смягчающие и извиняющие соображения. Применяя к книге 182 статью цензурного устава, которая предлагала при рассмотрении иностранных сочинений «обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора, не принимая всех его выражений в тесном смысле», цензура с своей точки зрения рассуждала логично: для такой «цели» и «намерения» автора, как развенчание революции и ее героев, можно было поступиться несколькими резкостями по адресу господа бога (см. документ № 14).

Печатаемые ниже документы хранятся в Ленинградском центр. истор. архиве (фонды Центрального комитета иностранной цензуры, Главного управления по делам печати и Петербургского комитета по делам печати). Названия рассматриваемых книг во всех докладах цензоров в Центральный комитет иностранной цензуры в подлинниках приведены на французском языке.

Л. Полянская.

1. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки», VI издание,, Париж, 1893 г., — 21 апреля 1893 г.

Роман представляет собой цензурный интерес не по существу романической завязки, хода и развязки, а по контроверзам, составляющим главную его основу. Автор его переносит читателя в торговое помещение с организацией продажи приготовленных мясных и других блюд. В этом заведении, по большей части, как и у его владельца, происходят разговоры о ежедневной жизни и толкования также по предметам философского и религиозного характера, конечно, между лицами, не разделяющими одинакие мировоззрения. Каждое из них, убежденное притом в правоте своих выводов, настаивает на них, внушает их слушателям, по большей части не подготовленным к критическому обсуждению мыслей, религии касающихся. Одно из таких лиц, принятое владельцем помещения в наставники к сыну своему, в прениях своих по предмету религии не стеснялось в выражениях о святых, о творце и такими суждениями повлияло и на воспитанника своего. Уже со стр. 30 замечается как оно относилось к этому предмету, а таких мест немало. Но есть и более сильные, как напр. 44—45, 56, 67—68, 119, 121, 142—143—148, 157—158, 159, 180—181, 199—204, 305—306 и др. стр., где между прочим оно говорит и о боге.

Признавая большую часть указанных страниц нецензурными, полагаю, что книга, представляющая собою подобную антирелигиозную болтовню, подлежит запрещению.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры А. Н. Майкова: «Запретить».
(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1893 г., № 3227.)

2. Доклад цензора А. Р. Генца Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки» — 28 августа 1907 г.

В этом рассказе автор изощряет свое остроумие на предметах веры, влагая в уста то аббата Куаньяра, то какого-то сумасшедшего каббалиста различные замечания и речи, которыми они, хотя и без намерения, выводят церковь в комическом свете. Так, аббат высказывает, например, сомнение относительно святости реликвий, которыми торговал один капуцин, встречающийся в рассказе: не собственные ли свои штаны давал этот последний целовать верующим? «Нет,— отвечает тот тоном мученика, страдающего за правду,— это не были мои штаны, это была одна нога святого Евстахия (стр. 43); у меня было еще ребро Марии Египетской» (стр. 44). Упоминание об этом святой дает аббату повод распространяться на тему, что многие женщины уж слишком дорожат своей женской честью, тогда как ведь тело есть-де нечто такое, что должно быть умерщвляемо (стр. 45). Несколькими страницами далее (стр. 59—60) собеседница другого лица — каббалиста замечает, что вполне естественно, что у бога много имен: чем выше кто занимает положение тем больше у него и имен. Каббалист объясняет, что Иегова, сотворивший мир, есть не бог, а могущественный демон (стр. 67—68);

что, с другой стороны, христиане клевещут на сатану (стр. 109—110), что, когда Демиург, называемый Иеговой, не то что создал свет, «это значило бы сказать глупость», а устроил маленькое местопребывание для Адама и Евы, работая при этом собственно в грязи и глине, как обыкновенный хороший горшечник, и имея над собой много других Демиургов, более древних и более искусных, он вскоре разочаровался в своем произведении и наслал потоп, а затем, поняв, как смешон такой гнев, впал в полное уныние (стр. 143—144).

В другом месте (стр. 180—181) говорится по поводу отречения апостола Петра; рассуждает аббат Куаньяр. Он находит связь между белым вином и пеньем петуха и думает, что, если бы святой Петр в ночь отречения выпил белого вина, то он не отрекся бы от Христа; но что, во всяком случае, жалеть об его поступке нечего, так как, не сделай он этой последней из подлостей, то он не был бы теперь величайшим святым и краеугольным камнем церкви.

В доказательство существования бога аббат приводит «в дополнение к доводам богословской науки, которые, впрочем, сами по себе достаточны», еще амурный случай, бывший с ним самим в его юности: «кухонная девушка, молодой священник, лестница, сено... какое сцепление причин и следствий, какое доказательство существования бога!» (стр. 204).

Аббат умирает от раны, полученной в уличном скандале романтического характера: картина смертного одра и причащения также носит до известной степени комический характер (стр. 361 и выше).

Приведенным не исчерпываются места, непристойные с точки зрения религиозной; так, например, на стр. 254 встречается такая безобразнейшая выходка: один дворянчик по поводу приглянувшейся ему еврейской девицы легкого поведения замечает, что ведь и богородица была еврейка.

Полагаю, что для отмены запретительного решения по отношению к этой книге, оснований не имеется [1]).

Генц.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет согласился с мнением докладчика».

(Доклад не датирован; отнесен нами к августу 1907 г., так как рассматривался в заседании 28 августа этого года. Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 6195.)

3. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Мнения г. Жерома Куаньяра», II издание, Париж, 1893,— 2 октября 1893 г.

Издатель книги поясняет в предисловии своем, что случайно найденная им рукопись с мнениями Куаньяра составляет как бы дополнение к воспроизведенному им в начале текущего года сочинению под заглавием «Харчевня...» и т. д. Та книга была запрещена комитетом из-за противомонархической тенденции [2]); в настоящей, многими страницами тождественной с первой, встречаются отделы с субъективным значением для эпохи Людовиков. Таковы о министрах их времени, об отношении их к Америке, об армиях, академиях наук, о справедливости и пр. Во всех этих суждениях Куаньяра издатель находит нрав-

ственные достоинства, приравнивает их к мыслям Франциска д'Ассиза и утверждает, что философские идеи Куаньяра усвоены были этим аббатом с той же восприимчивостью, как и о христианстве с точки зрения римско-католической.

Не касаясь этой стороны, обращу внимание комитета на места, где автор переходит к значению монархической власти, так как в настоящем их воспроизведении они могут быть признаны неудобными к дозволению, хотя Куаньяр и не ставит непременным условием насильственный переворот. Движение народное он предоставляет времени и убежден, что монархическая власть, монархические установления уступят, силою вещей, законам, данным нам природой. С уничтожением монархических принципов общество ни мало не утратит своей силы, сохраняя ее в законах природы, существовавших в первобытные еще времена (стр. 33). В том же смысле, в более резкой форме, встречаются выражения, вытекающие последовательностью своей из воззрений Куаньяра, на страницах 118, 126—127, 167—169, 170—171, 213—218 и др.

В книге есть место и пикантного характера; это — мнение президента обществ охранения нравственности, своеобразный взгляд его на условия брачного союза, вызывающие необходимость особых выкроек для первой ночи (232—235), с ответом Куаньяра. Встречаются и другие места подобного вышеуказанному характеру смысла.

Комитет, быть может, найдет более целесообразным запрещение всей книги, о чем имею честь предложить.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры А. Н. Майкова: «Запретить».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1893 г., № 8307.)

4. Доклад цензора А. Р. Генца Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Мнения г. Жерома Куаньяра»,— [до 28 августа 1907 г.]

Настоящее произведение Анатоля Франса представляет собой, под видом мнений, высказываемых аббатом Куаньяром, сатирическую критику современного общества и государства, их нравов и учреждений; касается автор и церкви. Отношение к церкви характеризуется следующими местами: в одном месте, например, аббат обвиняет неприятного ему капуцина в том, что тот за реликвии выдает легковерным людям бараньи или поросячьи кости, которые он сам же с жадностью обглодал (стр. 56); в другом — серьезно объясняет одной девотке [3]) неосновательность лишения собаки костей в страстную пятницу (стр. 91); в третьем — рассуждение его же о блохах, как великой тайне божией (стр. 116); девице легкого поведения он объясняет, что согрешить с красивой девушкой извинительно перед господом; другое дело — блуд с уродиной (стр. 52—53); людей он потому только воздерживается называть смешными животными, что они искуплены кровью Спасителя (стр. 42); всеобщее избирательное право называет такой же ловушкой для дураков, как — голубка, принесшая св. миро (стр. 30); предпочитая дурное общество хорошему, он подражал де Христу, который также жил между откупщиками

и проститутками (стр. 21). Вообще по отношению к религии — тон насмешки.

Другие темы трактуются таким образом: монархии, если они божественного установления, то даны людям небом разве в наказание (стр. 118); демократия не сделает много более глупостей и зла, чем венчанные государи (стр. 126); но, с другой стороны, министры в демократиях не обладают такой силой, как при абсолютных монархах, что́, впрочем, дает им меньше возможности делать зло (стр. 112); парламентаризм, с своей стороны, дает слабое правительство и только плодит плохих ораторов (стр. 123—124); таким образом, преимущества какой-либо одной форме правления не дается (стр. 217); в деле же революции люди предостерегаются от увлечения фразами (стр. 118).

Идут затем рассуждения об армии, военной дисциплине, милитаризме. Военное состояние тем, по мнению Куаньяра, приспособлено к человеческой природе, что здесь никогда не думают, — а люди не созданы думать (стр. 162); если военное сословие облагораживают военные опасности, то еще более благородными должны быть признаны крестьяне и рабочие: они рискуют каждый день умереть с голоду (стр. 166); если говорят, что армии нужны для безопасности государства, то на самом деле разве государи не двигают их в бой под разными ничтожными предлогами: напр., чтобы кровью своих солдат смыть свою честь — что́ очевидно нелепо (стр. 167), или чтобы отнять область у другого государства (стр. 168), притом им совсем ненужную? (стр. 169).

Распространяется автор (в лице Куаньяра) и по поводу государственной юстиции. Здесь мы встречаемся с принципиальным отрицанием частной собственности: всякая собственность приобретается де насилием или хитростью (стр. 269 и др.); это признают де и судьи, но по отношению лишь к могущественным похитителям: так, королю разрешается отбирать у нас нашу серебряную посуду для своих военных надобностей (стр. 270); в то же время лишение человека тех или других принадлежащих ему драгоценностей может даже быть спасительно для его души (стр. 273). Возмущает аббата и существование особого военного кодекса наряду с гражданским (стр. 277), с жесточайшими наказаниями для ничтожных прегрешений (стр. 278). Вообще суды поддерживают как все хорошее, имеющееся в государстве, так и все дурное, как права граждан, так и тиранические желания королей, не говоря уже о смешных и жестоких предрассудках (стр. 279). Смертная казнь и денежные пени—это те же грабежи, те же убийства (стр. 284); законы—человеческого происхождения и носят в себе все недостатки такого происхождения: невежество, предрассудки, гордыня князей, интересы законодателей, капризы, фантазии... отражаются на них (стр. 285—286).

Книга Франса заключает в себе, таким образом, много неодобрительного, еще более парадоксов и нелепостей; однако, на мой личный взгляд, к запрещению ее достаточных оснований все-таки не представлялось бы: встречающиеся в этом томе выходки против церковности, хотя и заслуживают осуждения, чрезмерно дерзкими едва ли могут быть названы; с другой же стороны, антимилитаризм, и социализм, и анархизм встречаются в много более серьезных формах в произведениях печати, допущенных в настоящее время к обращению в публике. Кроме того, сказанное в книге ослабляется заключительными замеча-

ниями Куаньяра (стр. 288), что он слишком был рассудителен в своей критике законов и нравов, что сердце сильнее головы, и семена добра сеются в обществе не рассудком, а чувством.

Генц.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет постановил запретить» [4]).

(Доклад даты не имеет; она устанавливается фактом рассмотрения его в заседании, бывшем 28 августа 1907 г.—Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 6196.)

5. Из доклада цензора Н. В. Лебедева Петербургскому цензурному комитету о рассказе Анатоля Франса «Дом без греха» 10 сентября 1903 г.

В «Журнале для всех» [5]) предполагается поместить перевод рассказа А. Франса под заглавием «Дом без греха», между тем он представляет собой, в сущности, краткое, но легкое и общедоступное изложение социалистических идей. Эти идеи развивает перед рабочим каменщиком монах брат Джиованни. Он доказывает, что на всем современном строе человеческой жизни «написано одно слово: Несправедливость. Несправедливость высится над всеми гражданами, над правителями, над законами». Все отношения людей настоящего времени основаны на купле-продаже. «Но тот, кто продает, враг тому, кто покупает, и продающий принуждает покупателя стать его врагом. И в этом корень зла, отравляющего города, как яд змеи в ее теле. И должна жена попрать ногою хвост змия, и женой этой будет Бедность. Она уже посетила в темнице Людовика, короля Франции». «Истинно говорю,— восклицает брат Джиованни,—банкиры и менялы не внидут в царство небесное, ни булочники, ни аптекари, ни фабриканты».

Путем таких рассуждений монах доводит рабочего, сначала не понимающего его слов, до убеждения, что настанет день, когда на земле водворится справедливость, и то, что теперь кажется «безумием, станет для всех мудростию». «Все на земле принадлежит богу, и мы—дети бога, а доли всех детей должны быть равны, иначе говоря, каждый должен брать столько, сколько ему нужно».

Очевидно, рассказ подлежит запрещению на основании 95 ст. устава о цензуре и печати [6]).

Лебедев.

Определение Петербургского цензурного комитета: «Рассказ А. Франса «Дом без греха» к напечатанию не разрешать за силой приведенной цензором статьи закона».

(Фонд Петерб. цензурного комитета, дело № 58, 1895 г., л. 24.)

6. Из журнала заседания Петербургского цензурного комитета от 2 июня 1904 г.—О трагедии Уайльда «Саломея» и романе Анатоля Франса «Саламандра».

Предназначенные для помещения в «Новом журнале иностранной литературы» [7]) а) «Саломея. Трагедия в одном действии О. Уайльда» и б) «Саламандра. Роман А. Франса» препровождены были С.-Петербургским цензурным комитетом на заключение С.-Петербургского духовного цензурного комитета [8]). Последний ныне уведомил, что оба на-

званные произведения не могут быть разрешены к печати: первое на основании 260 статьи устава о цензуре и печати, а второе на основании 262 статьи [9]).

Определено: трагедию «Саломея» и роман «Саламандра» к напечатанию не дозволять за силою указанных С.-Петербургским духовным цензурным комитетом статей устава о цензуре и печати.

Испр. об. председателя граф Головин.

(Фонд Петербургского цензурного комитета, журналы заседаний за 1904 г., № 22, статья 8.)

7. Доклад цензора Н. Г. Дукшта-Дукшинского Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «На белом камне», Париж,—16 февраля 1905 г.

В целях изучения и исследования памятников истории и древностей Рима группа лиц предприняла экскурсию по Италии; обозрение музеев привлекало ее к вопросам о культуре, религии народа времен Юлия Цезаря, Нерона и позднейших. Нередко суждения касались создания вселенной, творца мира, основ христова учения, жизни апостола Павла, наконец, бессмертия души, как и религиозных убеждений населения Италии и верования его в силу молитвы, обращаемой им к пресвятой деве и спасителю. Население требовало чудес и от святых патронов своих и, при долгом их неисполнении, недовольство свое выражало неприличными возгласами, как, например, приведенный на стр. 12: «Это не к тебе я обращаюсь, сын блудницы, а к твоей святой матери» [10]), в обращении к спасителю.

В дальнейшем развитии своем суждения экскурсантов переходят на почву материализма, а частью и на мысли, позаимствованные из известного произведения графа Толстого: «Царство божие внутри нас» [11]) (стр. 70—71, 73—75, 81—82—о бессмертии души, 83—84 и т. д., 146—148). С 201—202 стр., с вопроса о солидарности народов, автор на стр. 208, 211, 213, 217 резко осуждает правительственные сферы за войну с Японией. Не менее резкие толкования встречаются и на стр. 276—279—280—281—283—284—287, 290—297—298—299—300, 302—310 и др., хотя в этих последних и передается все в виде сна. Принимая во внимание все вышеизложенное, полагал бы книгу запретить.

Дукшта-Дукшинский.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1905 г., № 1319.)

8. Доклад цензора В. К. Боаса Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «На белом камне», Париж,—19 февраля 1906 г.

Запрещено по докладу № 1319 за 1905 г. [12]). Инкриминированные места, послужившие причиной запрещения этого сочинения, находятся в вышедшем недавно русском переводе «На белом камне» (перевод П. Казановича, СПБ, «Социалистическая библиотека», № 1 [13]). Издатель—редактор В. Яковенко. Типография Меркушева). Места эти в переводе на стр. 12 (французском—12), 48—49 (французском—70), 52—53 (француз-

ском—76), 56—57 (французском—84), 96—97 (французском—146—148), 136—137 (французском—210), 138—139 (французском—212), 140 (французском—217), 182—183 (французском—279). Ввиду появления в свободной продаже перевода, оказавшегося по сличении сходным с оригиналом, полагаю нужным дозволить это сочинение на французском языке. О вышеизложенном имею честь представить на благоусмотрение комитета.

Боас.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Комитет согласился с мнением докладчика».

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 6920.)

9. Представление Петербургского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о книге Анатоля Франса «На белом камне» — 17 мая 1913 г.

На рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати поступил № 1 журнала «Социалистическая библиотека» за 1906 год, выходившего в свет в Петербурге под редакцией В. Яковенко.

Весь этот нумер журнала состоит из одной только книги Анатоля Франса, под заглавием: «На белом камне», в переводе П. Казановича.

Особое внимание в книге Франса обращают на себя те места, где он касается религиозных вопросов. Между прочим на стр. 114 автор говорит так: «Иегова или Геркулес, в чем тут важность? Поверьте, что сын Алкмены правил бы миром точно так же, как отец Иисуса». Подобные же кощунственные и богохульные мысли высказываются и на стр. стр. 106, 112—113 и 116.

Усматривая, ввиду изложенного, в содержании № 1 журнала «Социалистическая библиотека» за 1906 г. признаки преступлений, караемых по ст. ст. 73 и 74 уголовного уложения [14]), С.-Петербургский комитет по делам печати постановил возбудить судебное преследование, по силе вышеуказанных статей закона, против редактора названного издания В. Яковенко, а на № 1 за 1906 г. этого издания наложить арест, на основании ст. 1213 [15] устава уголовного судопроизводства [15]).

О вышеизложенном, с препровождением инкриминируемого издания, С.-Петербургский комитет по делам печати имеет честь представить Главному управлению по делам печати в дополнение к донесению своему от 13 мая сего года за № 1086 [16]).

Исп. об. председателя А. Андрияшев.

За секретаря Г. Попов.

(Фонд С.-Петербургского комитета по делам печати, д. № 829, 1906 г., л. 14.)

10. Из доклада цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Вердена «Те, кого презирают. Роман из современной русской жизни, с письмом к автору Анатоля Франса», Париж, 1905 г.,—22 марта 1906 г.

В письме к автору этого романа известный французский писатель Анатоль Франс превозносит до небес достоинства и романа и его авто-

ра. Роман растрогал его до слез и открыл ему глаза на причину всех несчастий царизма в России. Несправедливость нации к евреям, их постоянное преследование и погромы — вот где кроется причина гибели России и царизма. Из этого уже можно предвидеть содержание романа...[17]).

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу и не выдавать»[18]*).*

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 1617.)

11. Доклад цензора В. К. Боаса Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «К лучшим временам». Париж, 1906, томы I—III (Социальная и философская библиотека)— 31 августа 1906 г.

В этой книге собраны речи Анатоля Франса, произнесенные им по поводу разных событий за последние восемь лет. Книга делится на три части. В первой внимание цензуры могло бы остановиться на особенных симпатиях Франса к трудовому пролетариату и мыслям, выраженным в «Марсельезе» и «Карманьоле» (стр. стр. 20—22, 47, 48, 51, 52, 58). Наиболее резким в цензурном отношении местом в этой части надо признать письмо Франса, прочитанное на митинге, собравшемся для выражения сочувствия русским революционерам (стр. 53). Не буду однако вдаваться в обсуждение этих мест, так как они, сравнительно с высказанными Франсом далее дерзостями по адресу государя императора, представляются только общими известными фразами всех врагов государственной власти.

Ряд речей, произнесенных Франсом на митингах по поводу событий в России, не оставляет сомнений в необходимости строжайшего запрещения этой книги. На первом митинге Франс, между прочим, сказал: «Я не буду вам пересказывать, как царь повелел избивать людей, которые, умирая от нищеты и голода, провинились перед ним только тем, что в отчаянии обратились к нему, как к отцу. На их усердную мольбу, на их сыновний призыв, на их слезы он ответил нагайками своих казаков и пулями своих гренадеров. Эти пули пронизали его собственный портрет, бывший в руках священника Гапона. Справедливый против желания, царь убил царя и царизм. Из крови, обагрившей лед Невы, встанут миллионы мстителей за жертвы. Царь убил царя и вызвал революцию, которая пожрет царизм. Николай Александрович уже более не существует, и память о нем предана проклятию всего мира»[19]). (Часть III, стр. 10.)

Такого же преступного характера все речи, произнесенные Франсом на митингах, собиравшихся для выражения сочувствия русским революционерам. «Последний из Романовых» (стр. 19 и 23), «самодержавный убийца» (стр. 19), «несчастный» (стр. 22), «император-клятвопреступник» (стр. 53)—вот эпитеты, употребляемые Франсом, когда он говорит о государе императоре.

Восхваляя в этих речах деятельность русских революционеров и указывая на то, что царь и его власть, быть может, завтра «будут сме-

тены» (стр. 37), Франс пытается убедить слушателей в том, что царизм, будучи смертоносным в России, представляет опасность для всех цивилизованных народов, и поэтому Франс приглашает сограждан объявить себя врагами царя (стр. 38).

Как вышеизложенное, так и призыв Франса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь для подготовки наступления социальной справедливости и всеобщего мира» (стр. 53) доказывают преступность содержания этой книги, вследствие чего должна быть запрещена и не выдаваема частным лицам по просительным запискам, о чем имею честь представить комитету.

Боас.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу и не выдавать» [20]*).*

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1906 г., № 5213.)

12. Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Остров пингвинов», Париж, 1908, — 29 октября 1908 г.

Новое сочинение известного писателя одновременно вышло в свет в Париже на французском языке и в Петербурге на русском, будучи переведенным с рукописи г-жой Венгеровой. Так как появление в продаже русского перевода при современном положении печатного дела в России еще не исключает возможности наложения ареста на книгу [21]), то это обстоятельство только приходится принимать во внимание при рассмотрении французского подлинника, попутно сравнивая оригинал с переводом.

Содержание книги представляет довольно остроумную сатиру на историю человечества. Святой Маэль, проповедывая евангелие, попал в Ледовитый океан на остров, обитаемый птицами пингвинами, которых окрестил. Крещение птиц произвело в раю большую сенсацию и вызвало совещание святых под председательством самого бога. На этом совещании решено было превратить пингвинов в людей. Когда это осуществилось, то святой Маэль привязал веревку к острову и притащил к берегам Бретани. Затем рассказывается история нового народа пингвинов, представляющая много общего с историей всякого народа, с войнами, завоеваниями, падением власти монархов, установлением федеративного устройства городов вплоть до социальной революции и анархии. Некоторые черты этой истории напоминают события во Франции, но к России прямого отношения не имеют. Автор иронически и зло касается взглядов людей на всякую власть, как происходящую от бога (стр. 63—64), на «неисповедимые пути божии» (стр. 114), на ремесло солдат—стрелять в народ (стр. 279), на абсурд брачного института (стр. 315). Все эти вылазки находятся и в русском переводе (стр. 54—55, 84, 182, 203), но, разбросанные по разным местам, не производят впечатления проповеди разрушительных теорий. Поэтому мне остается обратить лишь внимание комитета на насмешливое третирование бога. Это особенно бросается в глаза в гл. VI и VII «Собрание в раю» [22]) (стр. 25—44). Когда весть о крещении птиц дошла

до рая, то «сам господь был в затруднении» (стр. 25). Он вступает в переговоры со святыми, выслушивает их мнения и советы, успокаивает ссорящихся, прикрикивает на них, приглашая не подражать земным конклавам и синодам, на которых отцы вырывают глаза и бороды друг другу, оставаясь со всем тем непогрешимыми, так как с ними он, бог (стр. 42).

Надо полагать, что переводчица сама усмотрела в этих главах признаки кощунства, предусмотренного ст. 74 уголовного уложения 1903 г. [23]), потому что в этих главах (на стр. 32—44) у нее везде бог заменен архангелом. Точно так же и в дальнейшем можно видеть похвальную осторожность переводчицы. Так, на стр. 95 слова «Святой Иоанн» переводятся «ангелочек» (франц. стр. 134); на стр. 97, говоря об изображении апостолов гуляками, она выпускает слова «и сам бог-отец» (франц. стр. 137), на стр. 113 выпускается несколько строк с насмешками над духовными лицами (франц. стр. 165); на стр. 119 переводчица в фразе: «великие демократии миролюбивы, и дух их вскоре заразит самих самодержцев» — предусмотрительно слово «самодержец» заменяет «властителем» (франц. стр. 175).

Из изложенного видно, что перевод смягчает несколько резкости подлинника, и что если обращение его в публике не встретит препятствий со стороны Комитета по делам печати [24]), то из этого еще не следует, что и французский оригинал должен быть дозволен. Конечно, что не может быть пропущено на русском языке, то имеет больше шансов пройти на французском, тем не менее, представляя об изложенном на благоусмотрение комитета, со своей бы стороны полагал возможным дозволить эту книгу с исключением стр. 25—44.

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Исключить стр. 25—44» [25]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1908 г., № 7694.)

13. Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московского окружного суда о книге Анатоля Франса «Остров пингвинов»—15 мая 1909 г.

Центральный комитет иностранной цензуры, при отношении от 25 апреля сего года, за № 1390, препроводил в Московский комитет по делам печати книгу под заглавием: «Анатоль Франс. Остров пингвинов. Полный перевод с французского Я. Мацкевича и И. Хвойника. Книгоиздательство «Заря». Типография Л. Н. Холчева (Москва, Тверской бульвар, 105). Цена 30 коп.» и просил сообщить ему сведения о том, допущена ли эта книга к обращению в публике в целости.

Рассмотрев означенную книгу в заседании 29 минувшего апреля, Комитет по делам печати нашел в ее содержании нижеследующее.

Это сочинение составляет злобную насмешку над Францией («Пингвиния») в ее историческом прошлом и настоящем времени, как в отношении государственного строя, так и общественной науки и культуры.

Красной нитью через все произведение проходит нагло-кощунственное глумление над христианством и специально над св. таинствами крещения и причастия и над поклонением святым и мощам их.

Настоятель монастыря св. Маэль, переплывая в каменной ладье, направляемой промыслом, от острова к острову, проповедует с успехом христианство. Наконец, он прибывает к далекому пустынному острову посреди Ледовитого океана. Будучи уже полуслепым, полуглухим старцем, он принимает сидящих парами, по случаю весеннего спаривания, на уступах скал пингвинов за людей, проповедует им учение Христа, принимает их крики за выраженное ими на неизвестном ему языке согласие креститься и совершает над ними обряд св. крещения.

Известие о крещении пингвинов вызвало в раю крайнее удивление. Сам господь очутился в затруднительном положении и созвал собрание священников и богословов, чтобы спросить у них, считают ли они это крещение действительным.

Происходят продолжительные прения. По мнению св. Патрика, таинство крещения, совершенное над птицами, недействительно, все равно, как недействительно таинство бракосочетания, совершенное над евнухом. Св. папа Дамасин говорит, что освящающая сила таинства крещения является следствием внешнего действия, и тот, кого крестят, ничем не способствует своему освящению. Если бы это не было так, то не крестили бы новорожденных. Св. Маэль выполнил при крещении пингвинов все преписанные церковью обряды и, значит, пингвины крещены. На это возражает св. Генолэ, что в таком случае можно было бы окрестить во имя отца и сына и св. духа, кроплением или погружением в воду, не только птицу или четвероногое животное, но и всякий неодушевленный предмет: статую, стол, стул и т. д. И это животное было бы христианином, этот идол, этот стол были бы христианскими, — это нелепо!

Затем благочестивый, но не причисленный к лику святых Проб, настаивал на том, что святость и действительность таинства зависят от соблюдения при совершении его всех предписанных формальностей, рассказывает, что, будучи сорок лет священником одной церкви в Риме, он с ужасом видел, что прихожане его, несмотря на то, что усердно причащались св. таин, не поправлялись и еще, так сказать, держа на языке облатку, положенную руками священника, снова впадали в грех, как будто таинство не оказывало на них никакого действия. И, лишь почив в господе, он уже в раю знал от одного из ангелов, что кабатчик все время под названием вина отпускал ему отвар из корней и древесной коры, в котором не содержалось никакого вина, и он не мог претворить эту смесь в кровь, ибо только вино претворяется в кровь христову. Освящение вина было поэтому недействительно, и священник и паства его, сами того не зная, были 40 лет лишены св. причастия и тем самым отлучены от церкви, и ни один из прихожан не был принят в рай. Ввиду этого смиренный Проб просил господа исправить зло, которое иногда происходит вследствие перевеса формы над содержанием в церковных таинствах. «Нет, — ответил господь, — если бы в деле спасения души сущность получила перевес над формой, то наступил бы конец церкви».

Во время дальнейших прений св. Григорий Назианз просит господа даровать пингвинам бессмертную душу, а св. Катерина Александрийская умоляет бога дать им человеческую голову и грудь, чтобы они могли достойным образом восхвалять бога, и даровать им бессмертную душу, но, конечно, небольшую.

Возникли ожесточенные споры, и тогда господь воскликнул: «Исповедники и папы, не подражайте соборам и синодам на земле. Не вносите в торжествующую церковь страсть, раздирающую воинствующую церковь. Ибо слишком известно, что на всех соборах в Азии и Африке отцы вырывали друг у друга бороды и глаза. Но все же эти соборы были, конечно, непогрешимы, ибо я был с ними».

Наконец, господь решает превратить крещеных пингвинов в людей. Архангел Рафаил дает знать св. Маэлю о сделанной им ошибке и приказывает ему сказать вошедшим благодаря ему в церковь господню пингвинам, вооружась именем господа: «Станьте людьми!» Маэль исполнил приказание, и пингвины стали людьми (см. стр. 42—61).

Кроме изложенного, по особому гнусному издевательству над учением церкви о святых и мощах их необходимо отметить рассказ об Орберозе (особенно чтимая французскими католиками св. Женевьева?), признанной церковью святою и непорочною, а в действительности развратнице, потерявшей свою невинность вследствие насилия, совершенного над нею пользовавшимся славою большой святости монахом (стр. 62—63), ставшей затем любовницей разбойника Кракена, который грабил окрестных жителей, наряжаясь драконом, и отдающейся, кроме того, при всяком удобном случае пастухам и погонщикам быков.

Монахи указывают запуганным постоянными грабежами жителям, что дракона может победить лишь девственница, которая, обвив шею своим поясом, сможет повести его за собою, как малую собаченку.

Орбероза задумывает разыграть выгодную комедию, которая ей блестяще удается.

Она рассказывает, что была похищена драконом, который пожрал ее. Но, очутившись во чреве дракона, она осенила себя крестным знамением, вышла невредимою из его пасти и удалилась в пустыню, где предавалась молитве и размышлениям и совершила неслыханные подвиги воздержания, когда вдруг узнала по небесному знаку, что только чистая дева может покорить дракона и что эта дева — она. Она вручит чудовище Кракену, который заколет его, и из брюха дракона выйдут живыми дети, которых он пожрал. Согласно указаниям свыше за освобождение от дракона племя пингвинов должно будет платить благородному рыцарю Кракену ежегодную дань, а освобожденные им дети должны служить и повиноваться ему.

Комедия разыгрывается с инсценированием чучела, изображающего перед наивным населением дракона.

Предмет общественных почестей при жизни, Орбероза после смерти была причислена к лику святых и сделалась небесною заступницею Пингвинии (стр. 101—102), а к месту ее погребения паломничали в особенности юноши и девицы, которые большей частью отправлялись туда парами вечером, точно их благочестивые чувства искали мрака и уединения (стр. 108). Около гробницы основали монастырь, и блаженная Орбероза совершала теперь более крупные чудеса на благо тем, которые возлагали приношения на ее гробницу. Она обнадеживала бесплодных женщин, посылала сны ревнивым мужьям, чтобы разубедить их в измене своих молодых жен. Она отвращала язвы, падеж скота, голод, бури и кападокийских драконов.

После разграбления гробницы возмутившимся народом она оставалась сто лет заброшенной, но затем святилище было вновь восстановлено, и тогда святая стала творить все большие и большие чудеса,

исцеляя в особенности от искривления ног, водянки, паралича и пляски св. Витта (стр. 109).

Вновь через пять веков, после казни короля и провозглашения республики, рака святой была вскрыта, и в ней нашли только горсточку пыли и старые лохмотья, которые были брошены в костер, и вокруг него народ плясал и пел патриотические песни (стр. 144).

По минование террора и восстановления национальной церкви старая сводня Рукен (муж которой занимался холощением котов) явилась к священнику с банкой из под варенья, в которой она поместила золу и обглоданные кости из под собственного очага, выдавая их за добытые ею ночью с опасностью для собственной жизни из костра останки святой. Рассказу старухи поверили, и переданные ею кости были вложены в новую драгоценную раку в церкви св. Маэля (стр. 143, 244, 245).

На стр. 301 рассказывается об одном из чудес, совершенных св. Орберозой; застигнутая мужем в кровати с голым любовником жена ювелира обращается мысленно с молитвою к святой, и, о чудо, к стыду ревнивого мужа, вместо любовника в кровати оказывается племянница этой четы.

Находя на основании вышеизложенного, что в содержании книги Анатоля Франса под заглавием «Остров пингвинов» заключается хула на бога и святых и поношение святых таинств и святых мощей, т. е. признаки преступления, предусмотренного ст. 73 уголовного уложения, Комитет по делам печати постановил: на книгу Анатоля Франса под приведенным выше названием наложить арест, согласно ст. 3 отд. IV именного высочайшего указа от 26 апреля 1906 года [26]), а против виновных по сему делу лиц возбудить судебное преследование по указанной выше статье уголовного закона.

Сообщая об этом, Комитет по делам печати имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство привлечь виновных по настоящему делу лиц к судебной ответственности по ст. 73 уголовного уложения.

Об аресте инкриминируемой книги, а также о доставлении вашему превосходительству требуемых законом сведений об ответственных по сему делу лицах Комитетом сделано надлежащее распоряжение через младшего инспектора книгопечатания 4-го участка гор. Москвы отношением от 29 апреля текущего года, за № 1491.

Экземпляр инкриминируемой книги при сем прилагается.

(Фонд Главного управления по делам печати, II отделение, дело № 254, 1909 г., лл. 3—5).

14. Доклад цензора А. А. Горяинова Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Боги жаждут», Париж, — 20 июня 1912 г.

Действие этого романа происходит во времена первой французской революции, точнее—в последние дни террора, и кончается казнью Робеспьера и его сообщников. Деятели революции, ее «боги», их якобинский образ мыслей, их действия, их политика—вплоть до мельчайших поступков и распоряжений—выведены автором в жалком виде. В талантливом изложении он убеждает читателя в ничтожестве этих «бо-

гов», жаждущих человеческой крови, окончательно одичавших, ограниченных и надутых, а главное, страдающих смертельным страхом и потому казнящих виновных и невинных, чтобы не быть казненными самим. Он же указывает на необъятное воровство и темные проделки с имуществом казненных дворян этих строгих неподкупных республиканцев, впоследствии покорных придворных Наполеона и последующих королей.

Книга, написанная искренно и, повидимому, основанная на документах, прежде не использованных, могла бы быть только полезна, тем не менее я принужден представить ее комитету из-за нескольких мест, в которых имя бога упоминается без всякого уважения. Правда, эти выражения исходят или от санкюлотов или от скептиков, коих так много было в XVIII столетии; те и другие иначе выражаться не могли, и нигде не видно, чтобы автор им сочувствовал. Мест этих пять, приведу наиболее характерные [27]): «теологи... изображают нам его (бога) нелепым и злым... они принуждены сознаться, что он действует с жестокостью» (стр. 88)...». «Без чистилища и без ада господь бог был бы жалким ничтожеством» (стр. 89). «Эпикур сказал: или бог хочет помешать злу, но не может, или может и не хочет; или он и не может и не хочет; или он может и хочет. Если он хочет и не может, он бессилен; если он может, но не хочет, он зол; если он не может и не хочет, он и бессилен и зол» (стр. 212—213). На страницах 277—278 осужденные на смерть люди разных сословий забавляются тем, что изображают чертей, приходящих за душами, причем тянут из постели монаха капуцина, сообщая ему, что он осужден в ад «за то, что превратил творца вселенной в существо завистливое, глупое и злое, врага веселья и любви». Какой-то революционер обзывает христианство «сектой санкюлота Иисуса» (стр. 43).

Подобные же выражения, но значительно слабее, имеются на стр. 215 и 220.

Представляю все вышеизложенные выражения на благоусмотрение комитета, прибавляя от себя, что все они подлежали бы исключению ввиду их внешней резкости, которая, впрочем, почти совершенно сглаживается предыдущими им и последующими рассуждениями и которая неизбежна, принимая во внимание персонажей, выводимых автором.

Горяинов.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры графа А. Н. Муравьева: «Позволить на основании 182 статьи устава цензуры» [28]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1912 г., № 4560).

15. Доклад цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету иностранной цензуры о книге Анатоля Франса «Восстание ангелов», Париж, 1914,—26 марта 1914 г.

Новый роман Анатоля Франса, в сущности, не роман, а фантастическое повествование о восстании ангелов против бога, уснащенное богословскими и философскими рассуждениями автора.

Один из ангелов-бунтовщиков, Аркадий, начитавшись разных мыслителей в богатой библиотеке буржуазной семьи д'Эспарвье, пропа-

гандирует идею бунта против бога и вместе с другими такими же бунтовщиками поднимает восстание. При этом, конечно, ангелы пользуются всеми современными человеческими средствами разрушения и достигают того, что под предводительством сатаны овладевают троном бога, изгоняют его с неба в ад, коронуют богом сатану, а побежденный бог делается в аду сатаной [29]).

Из философских мудрствований автора однако можно усмотреть, что он как будто воюет с еврейским богом, Иеговой, который, по его мнению, представляет лишь видоизменение ассирофиникийского Ялдбаота. В действительности же он нередко от Иеговы переходит к христианскому богу, и, таким образом, резкая критика божества порой относится непосредственно к богу, чтимому христианами. Так [30]):

1. На стр. 96—97 Аркадий говорит: «Я верю в бога евреев и христиан. Но я отрицаю, что он создал мир; он, самое большее, лишь организовал некоторую его часть, и все, к чему он прикоснулся, носит на себе печать его грубого и непредусмотрительного ума. Я не думаю, чтобы он был вечным и бесконечным, так как абсурдно мыслить существо, которое не имеет конца во времени и пространстве. Я считаю его ограниченным и даже очень» и т. д.

2. На стр. 114 бог представляется Аркадию так: «Этот жадный до хвалений повелитель, которому он долгое время поклонялся, теперь представлялся ему невежественным, тупым и жестоким тираном».

3. На стр. 126 про Ялдбаота говорится, что «он лжет, называя себя бесконечным, вечным и всемогущим, что он далек от того, чтобы создавать миры, и не знает ни их числа, ни законов».

4. На стр. 135, когда Аркадий убедился, что Ялдбаот вместе с миром сотворил зло и смерть, он перестал обожать его и служить ему: «Его любовь превратилась в ненависть, поклонение в презрение. Он крикнул ему в лицо свое проклятие и бежал на землю».

5. На стр. 217—218 сначала говорится об Иегове: «Его невежество, жестокость, тщеславие и азиатская роскошь, его пренебрежение к законам, его упорное желание оставаться незримым»,— все это оскорбляло греков и римлян, а затем незаметно тот же Иегова превращается в христианского бога: «Лукавый Иегова дал понять, что он послал собственного сына на землю, дабы тот кровью искупил долг всех людей... нашлись несчастные существа, поклонявшиеся Иегове и его сыну-искупителю, которые провозгласили их таинства, как благую весть. Мы должны были ожидать этого безумия».

6. На стр. 234—235 автор, допуская снисхождение к Иегове и его сыну, не прощает христианской церкви ее нетерпимости.

7. На стр. 244 утверждается, что «бог писания поражает боящегося его и щадит идущего против него, не считается с поступками людей и осуждает на гибель, когда ему вздумается, самых верных своих слуг».

8. На стр. 285—286 бог определяется, «как демиург. Он ничего не знает о божественном мире, выше его стоящем, и простодушно мнит себя единственным, истинным богом».

9. На стр. 289 Иегова-Ялдбаот опять величается не творцом, а демиургом, «невежественным и варварским».

10. На стр. 292 прибавляется: «Он никогда не видит дальше кончика своего носа... По слепоте его можно сравнить лишь с любимейшим его королем Карлом X» [31]).

11. На стр. 294 еще прибавляется: «Несмотря на свои громы он (демиург) не очень силен, это доказывает тот ужасный страх, который вызвала в нем башня из необожженного кирпича и асфальта» [32]).

12. На стр. 340 говорится об иудейско-христианском небе и опять Иегова-Ялдбаот называется «невежественным и грубым демиургом».

13. На стр. 357 высмеиваются церкви, колокольни которых «вздымаются к небу, как гигантские клистирные трубки к голым задам херувимов».

14. На стр. 404—411 описывается разгром неба, свержение бога с трона и водворение на его место сатаны.

Приведенные места подтверждают в достаточной мере кощунственный характер всей книги, но Анатоль Франс не может обойтись и на этот раз, чтобы не задеть Россию, к которой он мало расположен, а именно:

15. На стр. 139, сравнивая небо с землей, автор находит, что на земле социальный порядок лучше, чем на небе: там все прогнило: «старое управление, старое военное устройство, старые финансы, все это изъедено червями более, чем русское или персидское самодержавие».

Представляя об изложенном комитету, с своей стороны полагаю, что роман этот подлежит запрещению на основании ст. 73 уголовного уложения 1903 г. [33]).

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета иностранной цензуры гр. А. Н. Муравьева: «Запретить» [34]).

(Фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1914 г., № 2500.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Новое рассмотрение этого произведения было вызвано циркуляром Главного управления по делам печати от 17 октября 1906 г., № 10497, которым предписывалось пересмотреть запретительные решения, состоявшиеся по отношению к заграничным изданиям, прошедшим русскую цензуру до 1 октября 1905 г. (в связи с манифестом 17 октября 1905 г.).

2) Запрещение книги А. Франса «Харчевня королевы Гусиные лапки», по докладу самого Дукшта-Дукшинского, последовало вследствие того, что в ней была усмотрена антирелигиозная, а не антимонархическая тенденция (см. документ № 1).

3) Девотка — набожная женщина, ханжа.

4) Эта книга А. Франса, как и «Харчевня королевы Гусиные лапки», пересматривалась цензурой в 1907 г. на основании уже упомянутого циркуляра Главного управления по делам печати от 17 октября 1906 г., № 10497, подобно ей подверглась новому запрещению.

5) «Журнал для всех» издавался в Петербурге с 1895 г.; редактором-издателем его с 1899 г. был В. С. Миролюбов. Благодаря хорошо подобранному составу сотрудников, большому вниманию, уделяемому журналом освещению темных сторон русской жизни, а также вследствие очень низкой цены (1 руб. в год), он пользовался большим распространением. Неоднократно подвергался цензурным взысканиям.

6) Статьей 95-й запрещалось допускать к печати сочинения, «излагающие вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

7) «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки» издавался в Петербурге с 1897 г. (редактор Ф. Н. Булгаков). С 1904 г., кроме переводов, стал помещать и произведения русских авторов, в связи с чем из его названия было выпущено слово «иностранной».

8) Устав о цензуре и печати не только предписывал передавать на рассмотрение духовной цензуры произведения, целиком или частично посвященные вопросам ре-

лигии, но обязывал сноситься с органами духовной цензуры по поводу всех произведений, по закону подлежащих ведению светской цензуры, но вызывающих хотя бы сомнение относительно подведомственности их цензуре духовной.

9) Статья 260-я предписывала не разрешать сочинений «с большими недостатками в основательности мыслей, чистоте христианских чувств, доброте слога, ясности и правильности изложения».

Статья 262-я предлагала запрещать сочинения и переводы, «в которых находятся места, противные христианской нравственности, правительству и религии».

10) В подлиннике цитата приведена на французском языке.

11) Произведение Л. Н. Толстого «Царство божие внутри нас» неоднократно подвергалось цензурным запрещениям как за «кощунственное отношение к догматам и обрядам христианской, особенно православной, церкви», так и за проповедь «всесторонней государственной и общественной анархии». См. фонд Главного управления по делам печати, I отделение, дело № 246, 1908 г.

12) См. документ № 7.

13) Журнал «Социалистическая библиотека» выходил в 1906 г.—2-я и 3-я его книги подверглись аресту в том же году. Они состояли: № 2—из статьи П. А. Кропоткина «Завоевание хлеба», № 3 — из статьи А. Вольского «Умственный рабочий. — Ч. I. Эволюция социал-демократии» (в 1913 г. арестованные экземпляры этой книги были уничтожены).

№ 1 журнала, состоявший из перевода книги А. Франса «На белом камне», в 1906 г. цензура «проглядела». В сферу внимания цензоров эта книга попала только в 1913 г. (см. документ № 9).

14) Статьями 73-й и 74-й устанавливалось наказание за богохульство (ст. 73) и «поношение установлений или обрядов церкви православной или вообще христианской» (ст. 74).

15) Статья 1213[10] устава уголовного судопроизводства устанавливала случаи, в которых цензуре предоставлялось право налагать арест на отдельные нумера периодических изданий, одновременно с возбуждением судебного преследования против виновных (в том числе, когда в содержании этих нумеров заключались признаки «преступного деяния, уголовным законом предусмотренного»).

16) Утверждения ареста судом, видимо, не последовало, так как в изданном Главным управлением по делам печати «Алфавитном указателе книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 15 апреля 1914 г.», ни № 1 журнала «Социалистическая библиотека», ни книга Анатоля Франса «На белом камне» не помещены.

17) В романе изображается судьба раввина и его сыновей, из которых один стал революционером и подвергся преследованиям и ссылке, другой — врач — сделался невольным участником русско-японской войны и погиб, испытав все ее ужасы. Попутно описываются погромы и вообще тяжелое положение евреев, как жертв русского царизма.

18) Кроме абсолютного запрещения заграничных изданий, Центральный комитет иностранной цензуры практиковал еще запрещение для широкой публики, при котором допускалась выдача запрещенного издания по просительным запискам наиболее надежным в политическом отношении лицам.

19) Эта и следующие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

20) Перед нами снова случай абсолютного запрещения (см. примечание 18-е). В связи с этим подверглась исключению выдержка из речи Франса о 9 января, приведенная в книге «Эрнест-Шарль. Литературные субботы», Париж, 1907, как доказательство того, что Франс из тонкого изящного писателя превратился в «напыщенного и лишенного вкуса митингового оратора». Цензор А. А. Горяинов предложил исключить эту выдержку, считая, что «плоские слова» Франса о Николае II не могут быть терпимы даже при условии отрицательного отношения к ним автора. (См. фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1907 г., № 8326).

21) После отмены предварительной цензуры неповременных изданий (1906 г.) органам цензуры было предоставлено право налагать арест на вышедшие уже издания, с одновременной передачей решения дела судебным учреждениям (см. примечание 26-е).

22) Название глав VI и VII, а также дальнейшие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

23) О статье 74-й см. примечание 14-е.

24) Имеется в виду Петербургский комитет по делам печати, занимавшийся, как орган внутренней цензуры, рассмотрением произведений, выходивших в Петербурге,

в отличие от Центрального комитета иностранной цензуры, ведению которого подлежали вопросы о допущении к обращению внутри империи заграничных изданий.

Перевод на русский язык «Острова пингвинов», о котором упоминает цензор, Петербургским комитетом по делам печати был пропущен без возражений, так как было признано, что первые восемь глав книги, содержащие сомнительные с точки зрения религиозной места «представляют собой пародии частью на католические средневековые легенды, частью на те споры, которые происходили на католическом западе в эпоху схоластического богословия и которые в настоящее время не могут иметь религиозного значения». Приняты были во внимание также существенные отступления перевода от подлинника (см. фонд Главного управления по делам печати, I отделение, дело № 39, 1910 г.). О цензурной судьбе перевода «Острова пингвинов» Мацкевича и Хвойника см. документ № 13

25) В соответствии с исключением VI и VII глав из французского подлинника книги Центральный комитет иностранной цензуры произвел исключения этих глав из переводов ее на немецкий и польский языки, подвергавшихся рассмотрению в 1909 г. (см. рапорты №№ 3563 и 5370).

Перевод книги на датский язык, рассмотренный в 1910 г., вызвал более снисходительное отношение: было разрешено выдать книгу владельцу, не производя из нее исключений (см. рапорт № 2395). Видимо, было принято во внимание, что датским языком в России владеет очень ограниченный круг читателей.

26) Указ 26 апреля 1906 г., содержащий «временные правила» для непериодической печати, так же как и указ 24 ноября 1905 г. относившийся к печати периодической, представлял собой уступку, к которой самодержавие было вынуждено революцией. Основное содержание этой уступки — отмена предварительной цензуры.

Статья 3 отдела IV указа 26 апреля 1906 г. предоставляла органам цензуры право наложения ареста на все экземпляры неповременного издания, «когда в издании этом заключаются признаки преступного деяния, предусмотренного уголовным законом». Одновременно вопрос об аресте должен был передаваться на решение судебного учреждения.

Приговором Московского окружного суда от 10 февраля 1911 г. было постановлено книгу А. Франса «Остров пингвинов» уничтожить. (См. фонд Главного управления по делам печати, II отделение, дело № 254, 1909 г., л. 8).

27) В подлиннике цитаты приведены на французском языке.

28) Статья 182 устава о цензуре и печати предписывала «при рассмотрении книг иностранных... обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора, не принимая всех его выражений в тесном смысле».

29) Конец романа цензором пересказан не совсем точно. Как известно, в романе план восстания ангелов не приводится в исполнение, так как сатана разочаровывается в самой его идее после того, как во сне видит осуществление замысла и его результаты.

30) Все дальнейшие цитаты в подлиннике приведены на французском языке.

31) Карл X — второй после реставрации Бурбонов король Франции (1824—1830), свергнутый Июльской революцией. При нем крайне усилилось влияние духовенства и иезуитов, которым он оказывал особое покровительство.

32) Намек на библейскую легенду о Вавилонской башне.

33) О статье 73-й см. примечание 14-е и документ № 13.

34) В связи с запрещением романа «Восстание ангелов» цензура исключила и статью о нем Жоржа-Ле-Кордоннеля, помещенную во французском журнале «Ле-Марж» (№ 50 от 15 июня 1914 г.). Исключение этой статьи было произведено по отзыву цензора Н. А. Васенцовича-Макаревича, указавшего, что в ней проводится сочувственное отношение к Франсу и его произведению и что она содержит выдержки из романа, «конечно, самые яркие и сильные места кощунственного характера». (См. фонд Центрального комитета иностранной цензуры, рапорты за 1914 г., № 6605).

Из дневника А. А. Половцова

Выдержки из дневника А. А. Половцова уже печатались в «Красном архиве» [1]).

Половцов соединял в себе черты представителя высшей бюрократии трех последних царствований и представителя крупной буржуазии. Сам по себе он был человеком незнатного происхождения, и в обычных условиях ему нелегко было бы сделать карьеру. Но он женился на приемной дочери капиталиста барона Штиглица, и миллионы открыли ему дверь в придворные круги. После смерти своего тестя он стал владельцем крупных металлургических заводов в Богословском горном округе, одним из богатейших людей царской России.

Он был образованным для своего круга человеком, и всего больше манила его придворно-бюрократическая карьера. Но она не давалась ему. Хотя он и достиг звания сенатора, государственного секретаря и члена Госуд. совета, но руководящие посты ускользали от него при всяких переменах на троне и среди министров. Все его старания стать ближайшим советником у царей оканчивались неудачей. Богатство создало ему некоторую «независимость» при дворе. Хотя он был убежденным монархистом и реакционером и эта его «независимость» сопровождалась верноподданническим холопством, но при дворе и в высших бюрократических сферах к нему относились, как к выскочке.

Неудачи создали озлобленность. Накопившуюся горечь Половцов изливал в своем дневнике. Он был не лишен наблюдательности и литературных способностей. Поэтому его характеристики царей, великих князей, придворных сановников и бюрократов высшей марки часто злы и метки. В интимном дневнике он разоблачает тайны двора. Как председатель императорского Исторического общества он не имел мужества в исторических трудах раскрыть подлинное лицо царизма. Но в дневнике своем он часто выступает как летописец-разоблачитель, и его свидетельство имеет ценность исторического материала.

Публикуемые в этом томе выдержки из дневника Половцова охватывают 1894 год. Они дают интересную картину царского двора и высших кругов бюрократии в момент, когда после смерти Александра III вступил на престол его сын. Черты последнего представителя династии Романовых проступают ярко уже в первые месяцы его царствования. При крайне убогом общем и специально историческом образовании он был, оказывается, «усердным поклонником» Николая I.

Рассказ об обстоятельствах, вызвавших отставку министра путей сообщения Кривошеина, о взятках, грабеже, растратах в дворцовой охране и в «богоугодном» ведомстве императрицы Марии Федоровны дает дополнительный материал для характеристики всего хищнического строя, разбитого и уничтоженного пролетарской революцией.

Д. З.

---

[1]) См. «Красный архив» тт. III, IV, XXXIII, XLVI (в III т. даны краткие биографические сведения об А. А. Половцове).

1894 год.

27 октября. Четверг.

Положительные известия о плохом состоянии здоровья государя [Александра III] мы получили в сентябре месяце от кн. Н. С. Долгорукого, приехавшего из Красного Села, где он по обязанности свиты генерал-майора дежурил при императоре и был поражен его исхудалостью и ослаблением. Окружавшие государя категорически заявили Долгорукому, что врачи удостоверили существование albuminerie — отделения белковины.

По возвращении в Париж дурные вести стали умножаться, и скоро исчезла всякая надежда на выздоровление. Несмотря на то в. кн. Владимир Александрович и в. кн. Мария Павловна приехали в Париж. В среду, 12 (24) октября, мы должны были ехать вместе в Opéra Comique, но втечение дня я получил из России телеграмму, гласившую: «Fin approche, question d'heures»[1]). Я немедленно поехал в «Hôtel Continental», и в. князь с в. княгиней, несмотря на то, что получили в этот же день из Ливадии от императрицы депешу, утверждавшую, что государю лучше, решили не ехать в оперу, а провести вечер в нашей скромной квартире, rue Cambon, 41. Я поскорее забежал в Jockey-club и уговорил трех любезных французов: duc de la Force, Fredern, O'Connor провести вечер у нас и своей болтовней несколько ослабить тяжесть угнетавшего нас впечатления. На другой день получены весьма дурные известия, и в. князь с в. княгиней тотчас уехали в Ливадию. Двадцать четыре часа спустя за ними проследовал в. кн. Алексей Александрович. Уехавший из Парижа одновременно с ним Долгорукий обещал предуведомить нас о времени привезения в Петербург тела государева, и, получив от него условленную депешу, выезжаем из Парижа в понедельник, 24-го, а достигаем Петербурга в четверг, 27 октября.

Проездом через Берлин вижу Шувалова, который не может нахвалиться германским императором, непрестанно восхищающимся достоинствами de son ami Nica[2]).

Петербург еще довольно пуст, но несмотря на то переполнен сплетнями и выдумками.

Захожу к министру внутренних дел Дурново, который получил от молодого государя такую телеграмму: «Если можете, приезжайте в Москву, где надеемся быть в воскресенье».

Дурново сообщает, что в Москве, а также и в Петербурге были разосланы и расклеены по стенам прокламации, требовавшие от нового государя конституции и угрожавшие в противном случае смертным приговором.

29 октября. Суббота.

Узнав о приезде в. кн. Владимира Александровича, еду к нему в 1½ час.

Вот приблизительно сущность слышанного от него.

Государь умер, сознавая приближение кончины, он часто крестился и, видимо, молился. Он говорил императрице, что оставляет духовное

---

[1]) «Кончина приближается, вопрос нескольких часов».
[2]) Своего друга Ника.

завещание, но до сих пор такового не нашли. Быть может, оно в столе аничковского или гатчинского кабинета; ключи от этих столов были в Ливадии. Ничего он наследнику не говорил в смысле политических наставлений. Наследник по вступлении на престол выражал Владимиру Александровичу, в какой степени положение его затруднительно вследствие его неприготовленности и отдаления от дел, в коем его доселе держали.

Владимир Александрович отвечал ему, что помнит вступление на престол и своего отца и своего брата, что при каждом из этих событий Россия находилась в совсем ином, весьма тяжелом, смутном положении, что теперь напротив, после тринадцатилетнего мира, все находится в ином положении. Без сомнения, течение государственной и народной жизни потребует изменений, но что торопиться этими изменениями нет надобности. Не следует подать повода заключать, что сын осуждает порядки, установленные отцом, выборы людей, призванных им к сотрудничеству; на первое время переменами следует приостановиться, но, конечно, следовать тому, что было основою всей политики покойного: Россия для русских. Он мог ошибаться в подробностях, но основная, коренная мысль его была верна.

Молодой император весьма сочувственно принял слова своего дяди и тотчас передал их своей матери, которая тем более была тронута этими словами, что на основании некоторых прежних эпизодов ожидала иного мнения.

Передавая мне все это, в. князь прибавил всегдашнюю свою оценку достоинств своего покойного брата, останавливаясь особенно на том, что он, как человек глубоко искренний, готов был слушать всякое чужое мнение и нередко отступал от своего убеждения. При этом в. князь вспомнил, как вначале царствования он имел с своим братом продолжительные разговоры, умеряя его вспышки неудовольствия и раздражения то против Австрии, то против Пруссии, то против Англии, — вспышки, тесно граничившие с воинственным задором.

Я мог ответить только, что в. князь может с покойною совестью наслаждаться мыслью о том, что он доставил счастие современникам и потомству, схоронив в душе своей воспоминания о разговорах с братом и не нуждаясь в людской славе, в похвалах, пригодных для какого-нибудь Скобелева, Бонапарта и им подобных проходимцев.

Вечером от достоверного повествователя слышу, что новый государь — усердный поклонник императора Николая I (вероятно, потому, что плохо знает его царствование). Под впечатлением такого поклонения он относится с большим сочувствием к престарелой и недалекой в кн. Александре Иосифовне, которой сказал, что ему надоели советы дядей и что он им покажет, как обойдется без этих советов.

В. кн. Михаил Михайлович чрез в. кн. Марию Павловну просил о даровании ему прощения и позволения приехать в Россию ко дню похорон императора; императрица мать предложила разрешить Михаилу Михайловичу приехать ко дню похорон и немедленно вслед затем опять уехать из России, но молодой император категорически во всем отказал Михаилу Михайловичу.

Делая визиты, заезжаю в этот день к Витте, которого застаю дома. Входит Муравьев, и они вдвоем рассказывают невероятные пошлости министра путей сообщения Кривошеина, который распорядился о взыскании с каждого подписывающего в министерстве контракт взыски-

вать многотысячную сумму на общеполезное по его, Кривошеина, понятиям дело.

Один из таких контрагентов — Юз, владелец обширных на юге каменноугольных копей и железоделательного завода, был обложен сбором в 50 тысяч; он согласился заплатить всего 10 тысяч, и, когда ему отказано было в подписании контракта, то он пришел в департамент железных дорог министерства финансов и сделал сцену, вследствие которой дело и дошло до министра.

С другим подрядчиком произошла комическая сцена. Его фамилия Игнациус, и Кривошеин, принимая его, начал бранить его за то, что он не хочет вносить наложенного на него платежа, подобно всем приезжающим из других государств иностранцам, кои преследуют лишь цели наживы и не хотят делать никаких на пользу России пожертвований. Подрядчик отвечал, что он коренной русский подданный и отставной полковник Преображенского полка.

Заходит ко мне гр. Константин Пален, бывший министр юстиции, и рассказывает еще хороший анекдот про того же Кривошеина. По докладу государственного контролера государь сделал отметку, что Либавскую дорогу следует в видах экономии отапливать углем, а не дровами. Кривошеин отвечал, что это невозможно, потому что с подрядчиком заключен долгосрочный контракт. Тогда контролер выяснил, что контракт имеет силу всего на 8 месяцев и что в качестве топлива поставляются дрова из лесов, принадлежащих Кривошеину.

31 октября. Понедельник.

Приезжает ко мне Муравьев. Рассказывает, что в анархистских кругах положено напомнить о своем существовании выходками спорадического террора. Намечены жертвами Победоносцев и Гурко. В Польше, с одной стороны, социальное, с другой, революционное движение подвигаются быстро. Пробыв в Варшаве 5 дней, Муравьев имел случай в том убедиться рассмотрением множества производящихся там политических процессов. Гурко — развалина. Его жена непозволительно захватывает власть. Муравьев ожидает первого своего доклада у государя, чтобы представить ему обширные документы относительно анархического движения. Иными словами, он рассчитывает на возможность этим путем пробраться в министры внутренних дел.

Я забыл записать, что, быв у Витте, я обратился к нему и присутствовавшему при этом Муравьеву с такими словами: «Вы оба, господа, умнее всех своих сотоварищей, вы жалуетесь на то, что при покойном государе проскакивали такие непродуманные распоряжения, как учреждение инспекторского департамента. Позвольте сказать вам, что для предотвращения этого в будущем одно средство: по возможности вести дела к тому, чтобы они обсуждались при участии нескольких лиц, а не решались с глазу-на-глаз в кабинете государя с одним каким-либо лицом. Вам обоим это всегда будет выгодно, потому что вы сумеете в прениях победить других».

Они оба так были поражены смелостью моего заявления, что ни единого слова мне не отвечали.

При новом свидании Муравьев заявил мне, что он моей мысли вполне сочувствует, а относительно Витте прибавил, что он тоже против

моей мысли ничего не имеет, но под условием, чтобы он, Витте, был приглашаем на всякое подобное совещание. Я возразил, что без министра финансов едва ли может решаться какой бы то ни было серьезный вопрос.

1 ноября. Вторник.

К девяти часам утра приезжаю на станцию Московской железной дороги. На меня возложена обязанность нести сибирскую корону, состоящую в числе «регалий». В 9½ часов церемониймейстер устанавливает нас на Невском проспекте вблизи от Николаевской улицы. Граф Пален несет скипетр, Набоков императорскую корону, Роон государев меч и т. д. При каждом из нас два ассистента. Меня сопровождают гофмейстер Мицкевич и сенатор Гречищев, которым я от времени до времени и передаю подушку, на коей лежит мнимо-сибирская корона, т. е. шапка из золотой парчи, окаймленная соболем и покрытая эмалевыми украшениями в стиле XVI столетия с несколькими не очень драгоценными камнями. По прибытии погребального поезда в 10 часов шествие трогается и достигает Петропавловской крепости в 2 часа. По обеим сторонам улиц (Невский, Адмиралтейская площадь, Английская набережная, Николаевский мост, Васильевский остров, Мытнинский мост, сквер) стоят войска и учебные заведения, а позади их публика. Порядок примерный. В соборе служат панихиду и поклоняются телу, лежащему в открытом гробе. Бальзамирование сделано через три дня после смерти и потому весьма неудачно.

2 ноября. Среда.

В 12 часов в Аничковом дворце государь принимает Государственный совет. В гостиной, что пред бальным залом, мы выстраиваемся по старшинству. Войдя в комнату и остановясь недалеко от двери, молодой государь говорит приблизительно следующее:

«Нас постигла тяжелая утрата, мы потеряли государя, благодетеля, отца. По воле провидения мне суждено принять наследство отца моего преждевременно рано. Я не имел случая в последние дни жизни отца моего получить от него поручение благодарить вас, но, зная его чувства по отношению к совету, я могу не ошибаясь передать вам, господа, его благодарность за труды ваши в его царствование. Возлагаю на провидение надежду, что оно поможет мне исполнять лежащие на мне обязанности; надеюсь и на вас, господа, в том, что вы трудами своими поможете мне сделать все от меня зависящее для счастья России».

После своей речи он подошел к старейшим членам гр. Гейдену, Абазе, Убри, Набокову, Палену, Сольскому, Гирсу и пожал каждому из них руку; дойдя до гр. Игнатьева, он сделал общий поклон и удалился.

Еду вечером на панихиду в Петропавловскую крепость. Стоя рядом с Победоносцевым, спрашиваю его, он ли писал манифесты. Отвечает, что писал только второй — о крещении невесты, а первый был представлен графом Воронцовым-Дашковым.

Сообщает, что в Москве имел продолжительный разговор с юным государем, которому и написал слышанную советом речь, причем сказал: «Ведь вы никого не знаете. Ваш отец при вступлении на престол был в таком же положении, — я один был около него. И теперь, если

вам что понадобится, то пошлите за мной, — ведь мне ничего не нужно, я желаю только служить вам».

3 ноября. Четверг.

Приезжает завтракать Павел Шувалов; рассказывает о том, как горячо в отношении нового императора выражает свои чувства Вильгельм, который непременно хотел приехать в Петербург на похороны, но отказался от этой поездки вследствие настояний своих приближенных, находивших, что он и без того слишком усиленно и явно ухаживает за Россиею. В. кн. Владимир Александрович мне говорил, что в депеше государю Вильгельм пишет: «Je suis obligé de rester ici pour étouffer le socialisme»[1]). Шувалов в дополнение этому говорит, что Вильгельм сообщал ему, что в Магдебурге был открыт заговор анархистов, намеревавшихся взорвать укрепления Магдебурга, причем должно было погибнуть до 100 тыс. человек.

Шувалов забавляет нас рассказом о том, как он имел свидание с Гирсом и заявил ему о желании после десятилетней тяжелой в Берлине службы покинуть тамошний пост. На что Гирс с обычным лицемерием отвечал, что он намерен просить об отставке и что ходатайство Шувалова должно быть заявлено его преемнику.

4 ноября. Пятница.

Государь принимает в три часа Лобанова весьма любезно в Аничковском дворце, где он продолжает занимать свои великокняжеские комнаты. Разговор продолжается 20 минут и не касается политики. Государь жалуется на продолжительность и множество церковных церемоний. «Мы все исплакались,— говорит он,— и присутствуем на панихидах как истуканы».

5 ноября. Суббота.

Разговаривал у себя дома вечером с несколькими приятелями по поводу выраженного одним из них убеждения о глубокой преданности царю русского народа, выслушиваю такой рассказ от князя Куракина, крупного симбирского помещика. Один из мужиков, запевал в его имении, узнав о смерти государя, сказал Куракину: «Ведь у него, верно, наследник был?» — и на утвердительный ответ продолжал: «Знамо дело, они не переведутся».

6 ноября. Воскресенье.

Заезжаю к Победоносцеву, который на вопрос мой о том, хранит ли он письма покойного государя, отвечает, что послал молодому императору письма его отца за первый год царствования. В числе их есть любопытные, как, например, письмо от 31 декабря. Накануне нового года Александр III пишет, что лишь глубокое религиозное чувство, им питаемое, останавливает его от самоубийства, — до того ужасно его положение.

Среди современных драматических событий и положений слышатся любопытные в психологическом и историческом отношении рассказы, которые я и буду заносить сюда, ручаясь за их достоверность, но не выставляя имен тех, кому я обязан их сообщением.

[1]) «Я должен остаться здесь для того, чтобы задушить социализм».

Гр. С. Д. Шереметьев говорит, что нынешний государь — человек весьма бессердечный, неспособный к увлечению. Дети гр. Шереметьева с детства были товарищами по играм, препровождению времени с наследником, но никто из них не может сказать, в чем заключается его образ мыслей. Во время предсмертной болезни государя в Ливадии однажды гр. Шереметьев, разговаривая с наследником, выхвалял ему прелести Ливадии и жизни там сравнительно с Петербургом и петербургской жизнью. Наследник в ответ на такую оценку сказал, что жизнь в Ливадии скучна, из чего гр. Шереметьев вывел новое доказательство его бессердечности.

Молодой государь чрезвычайно нежно обходится с матерью. День начинается с того, что он приходит к ней в уборную и, показывая ей все полученные им письма, советуется относительно всего предстоящего ему в тот день.

Втечение дня, в то время как он читает в изобилии присылаемые ему бумаги, его невеста сидит за чтением или рукоделием в той же или соседней комнате.

13 ноября. Воскресенье.

Министр иностранных дел Гирс, гораздо более похожий на разлагающийся труп, чем на живого человека, при первом докладе государю уклончиво пролепетал что-то о своей отставке; он утверждает, будто бы государь отвечал, что просит его не покидать, что теперь настает время пожинать то, что отец его и Гирс посеяли. Так ли это?

Сегодня заехал ко мне Бунге и рассказывал, что, быв у государя, чтобы переговорить о всемилостивейшем манифесте по случаю бракосочетания, спросил его, кому ему угодно будет поручить председательствование в Сибирском комитете; на это последовал ответ: «Это дело так меня интересует, что я желаю сам остаться председателем».

14 ноября. Понедельник.

В 11½ часов приказано съезжаться в Зимний дворец по случаю бракосочетания государя императора. Между матерью императора и братьями покойного отца его были продолжительные споры о том, каким порядком должна совершаться церемония, т. е. с обычною пышностью и блеском или в более скромных размерах. Первое мнение — мнение в. кн. Владимира Александровича — восторжествовало, по счастью.

15 ноября. Вторник.

Заезжает ко мне Имеретинский и, с свойственными ему остротою и резкостью, рассказывает следующее:

Согласно давно существующему обычаю, решено послать к иностранным дворам генерал-адъютанта для оповещения о вступлении на престол нового государя. Добрый, но глупый командующий главною квартирою Рихтер в выборе долженствующих ехать с этим поручением лиц руководствовался исключительно желанием сих последних. Так, напр., на вопрос, сделанный Рихтером Имеретинскому, куда бы он желал поехать, последний отвечал: «Меня интересуют макароны и кастаньеты», вследствие чего Имеретинский и назначен к поездке в Италию и Испанию. Вероятно, таким же порядком назначен в Берлин пошлый глупец Свечин, а в Париж и Лондон — ненавистный Европе

вообще, и Англии в особенности, по своей предшествующей деятельности, гр. Игнатьев.

На церемонии бракосочетания Имеретинский увидал в одной из зал неподвижно стоявшего Гирса (которого унесли на кресле тотчас после того, как прошло шествие, так как он не имел сил ни войти в церковь, ни добраться на своих ногах до подъезда). Подойдя к нему, Имеретинский спросил, окончательно ли состоялось назначение ген.-адъютантов. Гирс вспыхнул и сказал, что не понимает, как Рихтер осмелился сделать подобные распоряжения, не войдя в соглашение с ним, Гирсом, и что он пойдет жаловаться государю и просить распоряжения об отмене.

Другой рассказ Имеретинского: Воронцов сказал Победоносцеву, что сам писал первый манифест — о вступлении на престол; вслед за тем Вяземский, на скромность которого Воронцов рассчитывал, стал утверждать, что [манифест] написан им, а когда это известие распространилось, то один из подчиненных Вяземского — Ваганов — стал утверждать, что истинный автор манифеста никто иной, как он, Ваганов.

Лобанов дает нам обед в помещении нового клуба. Павел Шувалов сообщает мне, что комбинация о назначении его генерал-губернатором в Варшаву подвигается вперед. После обеда в приятельском кружке (Пален, Убри, я) он поддерживает тему, что и ему принадлежит частичка того ореола «миротворца», коим исключительно поминают Александра III. Как образец того, в какой степени бывало трудно поддерживать хорошие с Пруссией отношения, Шувалов передает следующий случай. То было во время приготовления к памятному дню свидания императоров в Киле, где Шувалов уже ожидал съезда высочайших путешественников. Здесь он получил от Александра Александровича депешу, написанную немецкими словами, но русскими буквами,— депешу, в грубых выражениях предписывавшую отменить все сделанные германским императором распоряжения о принятии наивозможно торжественнее и пышнее его русского коллеги. Времени до приезда оставалось слишком мало, чтобы начать телеграфную переписку, и Шувалов решился сесть на первый отходивший в Потсдам поезд и, не снимая поношенного пальто и потертой шляпы, отправился прямо к императору Вильгельму. В Потсдаме оказалось, что император присутствует на каком-то торжественном параде, так что полицейские стражи не пропускали Шувалова, принимая его чуть не за анархиста. Наконец, ему удалось пробраться, и он стал на пути следования императора, ведшего под руку императрицу. Прочитав депешу, текст которой был несколько сглажен Шуваловым, Вильгельм тотчас, нисколько не задумываясь, сказал: «Отвечайте, что я на все согласен; войдите в кабинет мой и напишите там ответную депешу».

Графиня Шувалова рассказывает мне, что у нее в тот день была с визитом жена Гурко и заявила, что после оскорблений, испытанных ее мужем в Петербурге, он ни в каком случае не останется долее варшавским генерал-губернатором.

17 ноября. Четверг.

В пятом часу еду к в. кн. Марии Павловне, которой еще не видал с приезда. В этот час она бывает дома и принимает. Застаю ее наверху в гостиной вместе с в. князем и мекленбургскою ее приятельницей

госпожею Петерс. Через несколько времени входит кн. Волконская, и я увожу в. князя в соседнюю комнату, чтобы держать ему приблизительно следующую речь:

«Все, что слышится о новом государе, утешительно и отрадно во всех отношениях, но есть несколько мелких обстоятельств, в коих вы можете оказать ему услугу. Например, Кшесинская продолжает вести себя неприлично, кричит окружающим ее: «Ну, еще увидим, чья возьмет, — Алиса или я» и т. п. Необходимо ее выслать из Петербурга и не давать в руки капиталов, а назначить пенсию, которую и выплачивать ежемесячно под угрозою отнятия в случае возвращения.

О поведении ее мне известно от директора театров Всеволожского. Она чувствует поддержку в Михайловичах, которые ссудили государя 400 тыс. руб., чтобы рассчитаться с любовницей, когда покойный отец его не хотел давать более несообразно ограниченной суммы.

Вы говорили мне, что ляжете костьми, но не пропустите к молодому государю хлыща, а между тем хлыщ уже проник туда и, как слышно, пользуется особым расположением: это — Плеве, человек весьма способный, но без всяких принципов, думающий исключительно о своих выгодах и одинаково пользовавшийся расположением и Лорис-Меликова, и Игнатьева, и Толстого, и Дурново. Не такие люди нужны государю. Воспользуйтесь первым случаем, чтобы убедить его при первой возможности созывать несколько людей и выслушивать их взаимные прения. Пускай на докладе того или другого министра отложит одно или два дела, имеющие отношение к другому министру, а затем созовет в один день всех подлежащих министров и выслушает мнение каждого».

В. князь сочувствует этой мысли и обещает сделать все от него зависящее для ее осуществления.

В. князь: «Il comprendra que je n'ambitionne rien». Я: «Certainement d'autant plus que vous êtes exempt d'ambition non seulement par naissance, mais aussi par tempérament»[1]).

19 ноября. Суббота.

Делаю визит к Сольскому. Этот высшего сорта чиновник представляет из себя любопытное явление. Будучи богато одарен от природы, весьма образован, в итоге исполнен добрых чувств,— он мог бы принести своею службою несомненную пользу, но полнейшая его бесхарактерность, вознесшая его, правда, на высоту чиновничьего величия, сделала из него опасного и презренного покровителя всякой мерзости или пошлости, коль скоро мерзость эта исходит от сильного по положению человека.

На этот раз начинаю разговор с предстоящего в ближайшем заседании финансового комитета обсуждения вопроса о выпуске новых билетов государственного казначейства (серий) взамен таких же, оканчивающих срок своего существования. Я высказываю мысль о необходимости вникнуть поглубже в оценку этой формы займа, — формы приносящих проценты денежных знаков, формы наиболее опасной при наступлении какого-либо кризиса. Сольский, в душе своей разделяющий взгляд мой, находит на словах, что форма эта прекрасна и возбуждаемый мной вопрос излишен.

[1]) В. князь: «Он поймет, что я ничего не домогаюсь». Я: «Конечно, тем более, что вы лишены честолюбия не только по своему происхождению, но и по темпераменту».

Переходя к обсуждению всей финансовой политики Витте, я высказываю мысль, что столь широко проводимые им принципы безграничного вмешательства правительственных чиновников в мелочи частной промышленной деятельности и всякого рода предприимчивости убивают эту предприимчивость, делают невозможным сильное развитие труда, а с ним вместе и подъем экономического благосостояния, что та ужасная чиновничья опека, под которою мы живем, есть ничто иное, как государственный социализм, приносящий нередко плоды еще более горькие, чем социализм отдельных граждан.

Что же отвечает мне Сольский? «Да, это правда, но социализм делает повсюду такие быстрые шаги вперед, что нам остается лишь подчиниться этому движению». На этом слове я встал и уехал.

20 ноября. Воскресенье.

В 1 ч. уезжает к своему посту в Вену кн. Лобанов, прогостивший у нас в Петербурге три недели. Он уезжает, опасаясь, что будет скоро вызван для занятия места Гирса. Опасается он этого потому, что видит всю трудность ведения дел при петербургских порядках, и потому, что в его годы желал бы прожить остаток дней, дыша во всех отношениях менее отравленным воздухом.

Лобанов человек добрый, умный, простой в обращении, честный и твердый в сношениях, весьма образованный, быть может, иногда слишком легко принимающий события и подчас смотрящий на них несколько исключительно.

Несомненно, что он головою выше всякого другого кандидата, который мог бы попасть на этот наиважнейший в настоящую минуту для России пост.

21 ноября. Понедельник.

На своей обычной утренней, в девятом часу, прогулке встречаю в. кн. Владимира Александровича, который сообщает мне, что назначение П. Шувалова на место Гурки в Варшаву дело решенное, что Гурко будет назначен фельдмаршалом. Я: «А в Берлин кого же?» В. князь: «Мой кандидат был бы Н. Долгорукий». Я: «Против него будет Шувалов». В. князь: «Я не думаю, потому что Долгорукий ушел из военных в Берлине агентов, как скоро узнал, что его личность неприятна была Шувалову».

Поговорив о предметах безразличных, спрашиваю его, говорил ли он что-либо вдовствующей императрице о каких-то бриллиантах. Отвечает, что говорил два раза и будет говорить еще, потому что бриллианты эти, по завещанию императрицы Марии Александровны, должны были быть вручены новобрачной супруге императора в самый день ее свадьбы, а между тем Мария Федоровна этого не сделала; впоследствии это забудется, и воля матери его, в. кн. Владимира Александровича, останется неисполненною. Я: «Но вы сказали это в присутствии Ксении Александровны. После вашего ухода [она?] и мать проливали обильные слезы, будучи обижены тем, что подверглись таким с вашей стороны подозрениям».

Владимир Александрович: «И все-таки я буду еще раз говорить». Я: «Умоляю вас этого не делать». Владимир Александрович: «Да ведь то же самое было с кольцами, завещанными императрицею Ека-

териною для венчания императора или наследника престола. Я с величайшим трудом добился, чтобы они были возвращены по назначению».

22 ноября. Вторник.

Обычно ничтожное заседание Госуд. совета. Рядом со мною сидящий Чертков сообщает, что едет в Париж и Лондон объявлять о вступлении на престол Николая II. Отжившее обыкновение, лишенное ныне всякого значения.

В 9 часов заседание финансового комитета на квартире у Сольского, в Гагаринской улице. Витте делает через Ротшильдов стомиллионный заем для погашения пятипроцентных железнодорожных облигаций.

Прошлою осенью, в бытность мою в Париже, я виделся с министром внутренних дел Дурново, который мне говорил, что, даже и находясь в Париже, он будто бы не перестает заниматься делами и в особенности делом об ограничении прав евреев, которое, по приказанию государя, он, Дурново, обязан непременно внести в Государственный совет. На вопрос мой, почему дело, столь долго тянувшееся, необходимо должно теперь получить столь быстрое окончание, Дурново отвечает мне, что доселе министр финансов Витте останавливал государя тем, что имел нужду в евреях, но что в последнее время Витте заявил государю, что финансы приведены им, Витте, в такое блестящее положение, что ему, Витте, никакой более надобности в евреях нет.

Неискренность такого выражения подобострастия и желание понравиться государю всего лучше доказывается тем, что на первых же днях нового царствования Витте заключает заем со всеми домами Ротшильдов.

Дело само по себе недурное, но обсуждение его в финансовом комитете почти комичное. Всякого замечания Сольский боится, как огня, и всегда соглашается с министром. По делу о займе я настаиваю только на внешней форме указа, не допуская, чтобы правительство могло давать обещания, что не будет делать того или другого. Нахожу неуместной эту отрицательную форму.

По другим делам, в особенности по выпуску новых серий, стараюсь отстоять вред такой формы займа и необходимость консолидации его на продолжительное время, с устранением характера денежных знаков, принадлежащего ныне «сериям». Витте, напротив, по недостатку финансового образования, дорожит этим характером и желает даже новым выпускам придать форму сторублевых билетов. Сверх того, он желает запретить вывоз таких билетов за границу, чтобы отнять у берлинской биржи материал для спекуляций. На этой спекуляции он совсем помешался.

Разумеется, его во всем поддерживают и Сольский, и государственный контролер [1]), цитирующий лишь тексты из правил апостольских, и Вышнеградский, опасающийся лишь раскрытия его мошенничеств преемником, и два подвластные Витте наемные чиновника, носящие титул его товарищей. Какой это комитет,—он не имеет ничего общего с комитетом в первоначальном его устройстве!

---

[1]) Филиппов, Т. И.

23 ноября. Среда.

По приглашению Воронцова еду с ним охотиться на лосей в «Вартемяш» — имение П. Шувалова.

Воронцов совсем иной, чем прежде, — нахмуренный, озабоченный, грустный. При всегдашней его молчаливости все-таки проскакивают кое-какие интересные факты, итог коих сводится к следующему.

Завещание до сих пор не найдено, и потому на-днях должен возникнуть вопрос о наследовании в имуществе покойного. У него осталось лично ему принадлежащих капиталов около 4 миллионов и приблизительно столько же в купленных им имениях. Второму сыну, Георгию, государь подарил имение в Орловской губернии, заплаченное около 4 миллионов; дочь Ксения получила в приданое 2 миллиона и дом, заплаченный один миллион, но третий сын, Михаил, и вторая дочь, Ольга, ничего еще не получили. Возникает необходимость раздела оставшегося имущества.

24 ноября. Четверг.

Разговор со вновь назначенным управляющим государственного банка [1]), который, будучи не блестящим, но здравомыслящим человеком, весьма трезво смотрит на значительную долю увлечения и пересаливания, отличающих деятельность Витте, особливо в банковом деле.

В 2 часа у графини Монтебелло, очень милой и умной женщины, весьма приятно разговаривающей до той минуты, пока она не считает необходимым перед каким-нибудь второстепенным слушателем стать на посольские ходули.

Встречаю здесь Н. Долгорукого, обер-церемониймейстера, царедворца до мозга костей. Поболтав с посольшею, едем вдвоем в новый клуб, чтобы поговорить о современном положении. Долгорукий начинает вопросом: возможно ли было ожидать такого ореола последнему царствованию? Я отвечаю, что не вижу ореола. Вся измельченная, разбитая в политические дребезги Европа была счастлива тем, что наибольшая в свете сила сосредоточилась в руке человека, искренно желавшего мира, державшего слово и отличавшегося своим упрямством. Нестало этого человека, и Европу охватил панический страх, выразившийся похвальными кликами. Но вся эта Европа видела лишь ту сторону императорской фигуры, которая была обращена к ней. Что делалось и делается в самой России, для Европы и не совсем постижимо. Пускай только не будет войны, а как живут русские, как удовлетворяются их нравственные и материальные потребности, это для Европы безразлично; напротив, чем мы беднее, невежественнее, суевернее,— тем для Европы приятнее. И вот почему самые похваления минувшему царствованию в Петербурге изображают чуть не эхо парижских и лондонских восклицаний. Я не слышал ни слова хвалы относительно мероприятий к устройству, улучшению русской жизни.

27 ноября. Воскресенье.

Вечером заезжает Протасов-Бахметьев, всегда преисполненный рассказов о своем управлении. Своеобразность его недоконченных фраз, сопоставление событий, не имеющих ничего общего, опасение сказать что-либо не только резкое, но просто категорическое, делают его изло-

[1]) Плеске, Э. Д.

жение на первый взгляд трудно понятным, но когда привыкнешь отгадывать, что скрывается под этою темнотою выражений, какой порядок вещей царит в этом будто бы благодеющем, а в действительности злодеющем ведомстве, то чувствуется, что не бедному, хотя и вполне честному, Протасову совладать с этим нравственным хаосом. Какова, например, такая картина:

В Николаевском институте расхищено 95 тысяч рублей, и вся растрата произведена с письменного разрешения заведывающего этим учреждением почетного опекуна гр. Делянова. Опекунский совет, рассматривая это дело, нашел, что виновны в такой растрате три лица: начальница института госпожа Шостак, которую нельзя подвергнуть возмещению убытков за старостью ее лет, директор заведения, который не может, равным образом, подлежать взысканию, за множеством лежащих на нем обязанностей, и, наконец, почетный опекун Делянов, на которого денежное взыскание не может быть наложено потому, что взыскание в подобных случаях производится соразмерно получаемому обвиняемым содержанию, тогда как Делянов никакого содержания не получает, и, следовательно, никакому взысканию подвергнут быть не может. Такое решение опекунского совета было представлено в августе месяце покойному государю, который написал такую резолюцию: «Какое отвратительное безобразие! Пора положить этому конец».

Такова его оценка лица, которое втечение всего своего царствования он сохранял во главе народного просвещения!

28 ноября. Понедельник.

На утренней прогулке встречаю Имеретинского, который сообщает мне, что едет в Мадрид и Лиссабон объявлять о вступлении на престол нового императора, и спрашивает, что сказать от меня Шувалову в Берлине.

Я: «Скажите ему, что я не одобряю сделанный им выбор покровительствуемого им преемника».

Имеретинский: «Да, намеченный ему в преемники Муравьев—такой проныра, что он сам себе покровительствует и ни в чьем покровительстве не нуждается. Я состоял при датском короле и видел, как Муравьев ежедневно являлся в Аничков дворец и через короля добился аудиенции у императрицы, где под влиянием ее отца устроил и свою судьбу, и повышение своего зятя — Дабижа».

Продолжая разговор, Имеретинский высказывает весьма справедливый взгляд на то, что мы до сих пор работали для Дании, что естественным последствием такой работы было охлаждение в отношении Германии и шаткое, неясное в могущих ежедневно наступить последствиях сближение с буйной, переменчивой, демагогической Францией.

29 ноября. Вторник.

Объяснение с Витте. Заявляю ему, что условия обсуждения дел в финансовом комитете невозможны и что потому только я не мог настоятельнее спорить с ним (спорить безрезультатно) относительно нового выпуска серий, кои считаю вредною для правильного финансового хозяйства бумагою. Витте отвечает мне, что, в сущности, он со мною согласен, но что вопрос этот стоит в связи с вопросом о металлическом обращении, потому что до восстановления металлического

обращения нельзя сокращать количества бумажных денежных знаков без стеснения денежного рынка, так как из других государств не может в минуты кризиса последовать прилива металла; что вопрос о металлическом обращении весьма его занимает и что на-днях он намерен внести в финансовый комитет свои предложения, заключающиеся в том, чтобы разрешить для сделок некоторых категорий употребление золотой монеты по курсу и таким образом постепенно увеличивать обращение металла, до тех пор, пока итог его, при постепенном одновременном уничтожении ассигнаций, приведет окончательно к возможности открытия размена.

Все, что он говорит, весьма умно, но несколько самонадеянно и в подробностях исполнения подлежит весьма тщательному изучению.

30 ноября. Среда.

Зайдя навестить одного больного, слышу рассказ его врача, который, состоя профессором медицинской академии, повествует о том, в каком затруднительном положении он очутился после смерти покойного государя:

«Входя на кафедру, я, конечно, желал сказать несколько слов о том, что сделал для врачебной части покойный, но что же можно было сказать, когда вся его деятельность ограничивается тем, что он из принадлежащего медицинской академии капитала выдал 30 тысяч рублей обществу врачей-гомеопатов. Мне бы следовало сделать, как Захарьин в Москве. Взойдя на кафедру, он закрыл лицо руками, несколько раз вздохнул, потом перекрестился и начал чтение лекции».

5 декабря. Понедельник.

В общем собрании Государственного совета, между прочим, рассматривается представление министра финансов Витте о предоставлении ему права назначать служащих до должностей V класса включительно, не стесняясь чином. Департамент законов сначала хотел отказать в этом представлении, а затем разрешил временное, на шесть месяцев, пользование этим правом, с тем, чтобы назначаемые имели высшее образование и с тем, чтобы втечение 6 месяцев были выработаны правила общего прохождения служебной карьеры.

Будучи связан с этим вопросом,— вопросом об уничтожении чинов,— не только личными симпатиями, но и участием своим в совещании, разработавшем предположения о замене чинов должностями, я настаиваю в особом собрании на том, чтобы предоставляемые министру финансов права были распространены на всех остальных министров. Несмотря на оппозицию Островского и Делянова, мнение мое принимается общим собранием единогласно.

12 декабря. Понедельник.

Постыдное для Плеве заседание общего собрания Государственного совета. В. кн. Михаил Николаевич устраивает торжественный прием вновь назначенному членом совета в. кн. Сергею Александровичу. Членам совета предписывается приехать в праздничной форме. в. князь обходит поставленных по старшинству членов, пожимая им руку, и, наконец, Плеве читает журнал, в коем говорится о благоговейной благодарности совета к государю за назначение в. князя. Я требую жур-

нал, мною составленный при назначении членом совета наследника престола, нынешнего государя, в коем никаких подобных выражений подобного низкопоклонничества не существует, и по окончании заседания громко говорю в. кн. Алексею Александровичу, что ему должно быть обидно, что при назначении его совет не считал, что должен чувствовать благоговейную благодарность, как при назначении его младшего брата.

На замечание, обращенное к Плеве, о том же, он отвечает, что при внимательном чтении написанного им журнала я увижу, что эти слова могут относиться к совету столько же, как и к самому в. князю. Каков негодяй!

15 декабря. Четверг.

Охота у Юсупова около станции Саблино на лосей. По возвращении домой узнаю, что министр путей сообщения Кривошеин уволен от должности. По слухам, дело было так: государственный контролер Филиппов представил государю доклад о произведенном по его распоряжению следствии относительно злоупотреблений, допущенных Кривошеиным при поставке из своего собственного имения шпал на Либаво-Роменскую дорогу. Следствие, как слышно, было подкреплено данными, добытыми через прокурорский надзор и представленными министром юстиции Муравьевым. Был вызван в Царское Село Бунге, в качестве председателя Комитета министров долженствовавший сообщить о рассматривавшемся там отчете государственного контролера. Результатом общего всех сих лиц обсуждения было поручение от государя Бунге приказать Ренненкампфу (управляющему собственною е. и. в. канцелярией) объявить Кривошеину, чтобы он подал в отставку, что и было исполнено.

Кривошеин в этот самый день производил освящение вновь отстроенной им в доме министра церкви и давал присутствовавшим (до 60 чел.) лицам обильный завтрак, после коего и получил сам угощение.

16 декабря. Пятница.

В клубе И. Н. Дурново усердно защищает Кривошеина, утверждает, что все взведенное на него клевета. Я советую ему не вмешиваться в дело, обстоятельства коего ему недостаточно известны, тем более, что каковы бы ни были его уверения, все останутся убежденными, что ему обязаны назначением Кривошеина. Дурново возражает, что Кривошеин был назначен исключительно по представлению Витте вследствие настояний Мещерского.

19 декабря. Понедельник.

Никакого заседания Государственного совета. Министры остановились какими бы то ни было представлениями. Очевидно, выжидают, чтобы выяснилось, какое дуновение свыше. Своего, самостоятельного, твердого ни у кого нет.

20 декабря. Вторник.

Заходит из комитета Победоносцев. Рассказывает, что был в Царском Селе, ездил к государю докладывать церковные дела, а при этом говорил о необходимости приблизить к императрице двух-трех женщин, могущих знакомить ее с Россией. Рекомендовал Е. А. На-

рышкину (рожд. Куракину) и Д. Ф. Тютчеву. Государю на жалобы его, что его заваливают бумагами, говорил, что он должен бы отклонить от себя многое пустое, тем более, что на его утверждение часто представляются решения только с тем, чтобы избежать ответственности. Повторял уже сказанное о Совете министров и о возможности созывать советников, хотя бы и в менее, чем советским учреждением предусмотрено, числе. Жаловался государь на Гирса, который присылает ему множество бумаг, т. е. все получаемые депеши и телеграммы. Жаловался, что не может назначить посла в Берлин, не повидавшись с Гирсом, а тот лежит недвижим в своей министерской квартире. Победоносцев упрашивал государя ни под каким предлогом не пускать к себе Мещерского; это, впрочем, казалось отвечающим взглядам многого государя.

27 декабря. Вторник.

Подвергнувшись припадку подагры, сижу дома. Заходит в. кн. Владимир Александрович, более 25 лет верный в дружественном своем расположении. Повидимому, очень равнодушен ко всему окружающему и как будто чувствует, что его от серьезного дела отодвигают. Разговариваем о записках Муравьева-Карского, помещенных в последнем № «Русского архива». Какая иллюстрация николаевского царствования, — какое царствование лжи, подличания, обмана, самообольщения! В. князь говорит, что посоветовал молодому государю прочитать эти записки. Я невольно перехожу к тому, как исторически необходимы были первые годы царствования Александра II и как преступны те, кои убедили покойного государя, что реформы отца его были для России опасны и вредны.

Вслед за в. князем входит Витте, и разговор с ним столь любопытен, что постараюсь записать его дословно:

Витте: «Я пришел к вам с великой просьбой, надеясь, что вы исполните ее, если ваше убеждение согласно будет с моим. Вот в чем дело: для министра финансов весьма важно иметь министра путей сообщения, с которым он мог бы вести дело в согласии. В настоящую минуту идет речь о четырех кандидатах на место министра путей сообщения: 1) Куломзин, который оседлал Бунге; это—тупой чиновник, с которым дело вести будет невозможно. 2) Князь Хилков; это—не дурной, но посредственный человек, который мог бы быть директором департамента, но никак не больше. 3) Кази—человек даровитый, но способный только на отдельный эпизодический труд, а никак не на продолжительное управление какой-либо частью; человек блестящий, но не солидный; наконец, четвертый—Иващенко, который по избранию Сольского имел в руках контрольное дело железных дорог; человек степенный, трудящийся, несколько медлительный в труде, но снискавший себе уважение в совете, где он втечение двух лет присутствует в качестве моего товарища. Это был настоящий человек. Завтра, в среду, вероятно, решится у государя этот вопрос, и я думаю, что слово в. кн. Михаила Николаевича могло бы иметь решающее влияние. Зная, в какой степени ваши мнения уважаются в. кн. Михаилом Николаевичем, я прошу вас, если вы разделяете мое мнение, убедить его замолвить слово за Иващенко».

Я: «Я разделяю ваше мнение о том, что из всех четырех кандидатов Иващенко был бы наилучшим, но вы видите, что я недвижим вслед-

ствие подагры, а к тому же и мое мнение не имеет перед в. князем значения, и сам в. князь никогда не решится заговорить о том, а государь его не спросит».

Витте: «Тогда, по всей вероятности, будет назначен Куломзин, а с ним невозможно будет вести дело».

Я: «Я не знаю, какое вы принимали участие в увольнении Кривошеина, а потому и не могу сказать, в какой степени у государя должна быть мысль о том, что не из вашего кармана следует брать ему преемника».

Витте: «По счастью, я был совсем в стороне от этого дела. Я имел доклад в пятницу и ничего не говорил о Кривошеине. В субботу государственный контролер Филиппов представил государю собранные им о Кривошеине данные, в следующую среду был вызван Бунге, по совету коего и последовало увольнение Кривошеина. Мое участие заключалось в том, что Филиппов в заседании Комитета министров подошел ко мне и сказал, что намерен представить Комитету собранные им данные. Я ему советовал представить все государю и при этом внушил мысль, чтобы бумаги были переданы на рассмотрение не кого-либо из министров, а кого-либо независимого, указав при этом на Бунге. В следующий доклад государь спросил меня, почему я ему не говорил о Кривошеине. Я отвечал, что сделал бы это через несколько времени, но не на самых первых порах. При этом упомянул, что об увольнении Кривошеина у меня была речь с «вашим батюшкою», который сказал, что увольнение это последует тотчас по возвращении его осенью в Петербург. Государь спросил свою мать, которая подтвердила, что слышала это от покойного мужа».

Я продолжаю настаивать на своей подагре и выражаю сожаление, что не попаду в четверг на заседание, в коем он, Витте, будет представлять положение наших финансов. Вспоминаю, как велика перемена сравнительно с тем, что было в начале моего служения государственным секретарем, когда я устраивал совещания об уничтожении сверхсметных кредитов.

Витте: «Об этом вы услышите послезавтра воспоминание».

Я: «Как сводится в нынешние годы исполнение бюджета?»

Витте: «64 миллиона превышения доходов».

Я: «Надо бы сложить некоторые налоги».

Витте: «Я представлю о сложении половины страхового налога, об освобождении прямых наследников от платежа налогов с наследства, когда наследство заключается в землях, а также о взыскании крепостных пошлин при переходе недвижимого имущества с цены имущества за вычетом долгов».

Я пробую уговорить его сделать по этому предмету общее представление, но эта мысль ему не нравится.

В заключение Витте мне говорит, что вследствие ходатайства нескольких губерний предполагается начать покупку хлеба казною, что принесет 7 или 8 миллионов убытка. Я энергически говорю против, но вижу очень хорошо, что с его стороны это лишь маневр, в надежде привлечь на свою сторону известные группы, почитаемые им влиятельными.

Стараюсь доказать ему, что экономическое положение изменится лишь тогда, когда создастся действительная, а не фиктивная поземельная собственность, но он отвечает, что это уж не его дело, и что

если бы он это затронул, то его стали бы еще больше бранить за вмешательство в чужие дела.

29 декабря. Четверг.

Почувствовав облегчение от припадка подагры, еду в заседание общего собрания Государственного совета. Витте читает длинный доклад о финансовых результатах, но не последнего года, как это установлено, а целого царствования императора Александра III. Он хочет установить полную свою солидарность с покойным государем, которого изображает не только твердым в своих привычках бережливости, но еще прозорливым гением в деле развития экономической народной жизни. Выставляя блестящие цифры кассовой наличности, Витте останавливается на одной темной стороне настоящего положения—дешевизне цен на хлеб. После него государственный контролер Филиппов бормочет несколько комплиментов министру финансов о его деятельности. Затем Сольский, повторив эти комплименты в грамотной форме, объявляет, что для поднятия цен есть средство — закупка хлеба средствами казны, что по сему предмету уже высочайше утверждено предположение об образовании совещания под председательством его, Сольского (это главное), из министров финансов, земледелия, контролера, внутренних дел.

Бунге отвечает министру финансов, что, хотя доходы и увеличились, но не по статье прямых налогов, что, напротив, на крестьянах числится огромная недоимка, из которой последним манифестом сложено 40 миллионов, что экономическое благосостояние поднимется только тогда, когда громадная крестьянская масса получит управление и организацию, основанные на возможности осуществления гражданских прав, подобно тому, как это происходит в государствах Западной Европы.

После заседания я тщетно стараюсь убедить Сольского в опасности такого мероприятия, как покупка хлеба правительством. Его, очевидно, соблазняет перспектива популярности ввиду ходатайства по сему предмету дворянских собраний.

Приезжает обедать с нами Протасов-Бахметьев; рассказывает любопытные подробности о всякого рода домогательствах различных членов императорской фамилии по его управлению.

Относительно отношений, связующих Дурново с Кривошеиным, Протасов выдает за верное, что, быв екатеринославским губернатором, Дурново состоял в связи с барышнею Струковою, которую и выдал замуж за своего товарища и друга Кривошеина. За такую услугу он устроил ему блестящую карьеру, своей же карьерой обязан много тому, что в это же самое время его жена была в связи с Рихтером, который командовал дивизиею, в той же местности расположенною.

Приезжает с визитом Черевин, который очень сбавил тон, вследствие того, что молодой государь не взял его с собою в Царское Село и вообще далек от той с ним интимности, которая существовала при Александре III. Черевин и умный и благородный человек, но на нем два пятна: первое,—что он горький пьяница, и второе—госпожа Федосеева, которой муж состоит при нем правителем канцелярии, дворецким, чем хотите, получает значительные суммы на охрану и, вместо чем раздавать их полицейским агентам, нанимает роскошную квар-

тиру, задает пиры, путешествует за границею и т. д. Разумеется, при этом не обходится без взяток в разнообразных формах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александра Иосифовна, вдова вел. кн. Константина Николаевича.
Бунге, Н. Х. (1823—1895), б. министр финансов (1881—1886).
Воронцов-Дашков, И. И. (1837—1916), граф, министр двора и уделов (1881—1897), позже наместник на Кавказе.
Вышнеградский, И. А. (1831—1895), б. министр финансов (1887—1892).
Вяземский, Л. Д., кн., ген.-от-кав., член Госуд. совета.
Гирс, Н. К. (1820—1895), министр иностр. дел (1882—1895).
Гурко, И. В. (1828—1901), ген.-ад., варшавский генерал-губернатор (1883—1884).
Делянов, И. Д. (1818—1897), министр нар. просвещения (1892—1897).
Дурново, И. Н. (1830—1903), министр внутр. дел.
Иващенко, А. П., тов. мин. финансов.
Игнатьев, Н. П. (1832—1908), граф, в 1864—1878 гг. посол в Константинополе, в 1881—1882 гг. министр внутр. дел.
Имеретинский, А. К. (1837—1900) князь, ген.-ад., б. главный военный прокурор (1881—1891), позже варшавский генерал-губернатор.
Кази, И. И., пом. мор. министра.
Куломзин, А. Н. (1838—1924), управляющий делами Комитета министров.
Кшесинская, М. К., балерина имп. театров, с которой Николай II находился в интимной связи в бытность наследником.
Лобанов, А. Б. (1824—1896), князь, в 1881—1895 гг. посол в Вене, в 1895—1896 гг. министр иностр. дел.
Лорис-Меликов, М. Т. (1825—1888), граф, ген.-ад., министр вн. дел в 1880—1881 гг.
Мещерский, В. П. (1839—1914), князь, редактор-издатель ультра-реакционного «Гражданина».
Михаил Михайлович (1881—1929), вел. кн., за вступление в морганатический брак был выслан из России и проживал за границей.
Михайловичи — вел. кн. Сергей, Николай и Георгий Михайловичи; после женитьбы Николая II М. К. Кшесинская вступила в связь с в. кн. Сергеем Михайловичем и имела от него сына.
Монтебелло — жена французского посла в Петербурге гр. Г. Монтебелло (1891—1903).
Муравьев, М. Н. (1845—1900), граф, посланник в Копенгагене в 1893—1897 гг.; в 1897—1900 гг. министр иностр. дел.
Муравьев, Н. В. (1850—1908), граф, министр юстиции (1894—1905).
Нарышкина, Е. А., ур. Куракина, статс-дама.
Плеве, В. К. (1845—1904), сенатор, тов. министра внутр. дел, в 1902—1904 гг. министр внутр. дел; убит с.-р. Ег. Сазоновым.
Плеске, Э. Д. (1852—1904), упр. Госуд. банком, позже министр финансов.
Протасов-Бахметьев, Н. А. (1833—1907), граф, стоял во главе ведомства учреждений им. Марии.
Сольский, Д. М. (1833—1910), граф, б. госуд. контролер (1878—1889), председатель деп. госуд. экономии Госуд. совета.
Толстой Д. А. (1823—1889), граф, министр внутр. дел в 1882—1889 гг.
Филиппов, Т. И. (1825—1899), госуд. контролер.
Хилков, М. И., гл. инспектор жел. дорог, министр путей сообщения в 1895—1905 гг.
Черевин, П. А., ген.-ад., нач. дворцовой охраны.
Шувалов, П. А. (1830—1908), граф, ген.-ад., в 1885—1894 гг. посол в Берлине.

Из записной книжки архивиста

Николай II — „доктор русской истории"

Покровительство официальной русской истории входило в круг тех почетных обязанностей, которые возлагали на себя русские цари. Вообще говоря, они не обременяли себя науками, справедливо полагая, что не царское это дело, как госпожа Простакова полагала, что география — не дворянское дело. Но для «отечественной истории» делалось исключение из общего правила о науках. К «отечественной истории» цари, — в особенности последние, питали некоторый интерес. Они председательствовали в торжественных собраниях «императорского Исторического общества», и звание почетного председателя переходило от одного императора к другому наряду со всякими другими званиями.

Русские официальные историки прославляли сию попечительную любовь монархов к «отечественной истории». Со своей стороны монархи выделяли историков из толпы иных ученых и даже приближали некоторых ко двору. Карамзин именовался придворным историографом — звание, которое, кажется, для него и было учреждено, другие русские историки, в том числе и прославившие свое имя, фактически состояли при дворе, хотя и не носили официального титула придворных историографов.

За этим декоративно-церемониальным интересом монархов к русской истории был вполне реальный интерес династии. «Отечественная» история была в действительности историей самодержавия, и у монархов были вполне достаточные основания для того, чтобы держать под строгим контролем всякие исторические изыскания в весьма щекотливой области происхождения и приключений династии Романовых. Конечно, на этот предмет существовала надежная цензура. Кроме того, государственные архивы оберегались так, словно содержали они величайшую и опаснейшую тайну. Были такие исторические эпизоды, на которые наложены были высочайшими покровителями истории строжайшие запреты, так что придворные историографы и не смели приблизиться к таким темам. Сплошь и рядом требовалось разрешение самого царя на производство научных изысканий в архивах минувших царствований. В своем дневнике, частью опубликованном в «Красном архиве», А. А. Половцов, состоявший в звании неофициального придворного историографа, не раз испрашивал позволения опубликовать те или иные документы чуть ли не столетней давности и не раз получал отказ, так как документы эти бросали неблаговидный свет на жизнь предков царствующего монарха. С позволения сказать, историк Половцов недовольно брюзжал в своем интимном дневнике, но, конечно, подчинялся.

Однако простая охрана памяти предков от уличающих преступления династии фактов не могла удовлетворить монархию. В интересах самодержавия она требовала систематической фальсификации исторических фактов. Придворные историографы этому подчинялись. Цари умели ласкать и приучать тех, кто им был нужен. Впрочем, дворянские историки не были слишком требовательны. Фальсификация истории лежала по линии интересов дворянства. Даже те из дореволюционных русских историков, которые проявляли некоторую сравнительную независимость, уклонялись от того, чтобы со всей беспощадностью вскрыть подлинную историю сословий и классов в России. Близость ко двору давала себя знать. В. О. Ключевский и по таланту, и по эрудиции, и по научной самостоятельности стоял тремя головами выше всех своих собратий. Но и он не избежал общей участи. Его панегирик царю Александру III, как покровителю русской истории, ярко свидетельствует

об условиях, в которые была поставлена до революции русская официальная историография. Что уж говорить о С. Ф. Платонове, придворное холопство которого нуждается для сравнения в образцах эпохи московских царей!

Из всех коронованных покровителей отечественной истории последний Романов был самым убогим. Ему полагалось по званию и по традициям проявлять интерес к истории. Он и «проявлял», т. е. один раз в год безмолвно председательствовал на торжественных собраниях русского Исторического общества и затем в стереотипных фразах выражал свою милостивую благодарность. У Александра III, — при всей его тупости, — были все же какие-то свои вкусы. Он баловался славянской стариной и содействовал насаждению в России лжерусского стиля, замечательного своей бездарностью. У его сына и такого пристрастия не было.

И все же именно при Николае II холопство официальной русской историографии достигло таких размеров, которые показались бы чрезвычайными даже холопам предшествующей эпохи, когда тон русской исторической науке задавал Победоносцев. Из публикуемых ниже документов видно, что в 1914 — 1915 годах профессора русской истории замышляли преподнести Николаю второму звание доктора русской истории. Это не вышло по причинам, которые всего меньше зависели от призванных «знатоков» исторических событий в России. Война представила холопствующей русской буржуазии повод для выдающегося сервилизма. Но представители буржуазной исторической науки в своей готовности распластаться на брюхе перед престолом побили всякий рекорд.

Легенда о римском императоре Калигуле, который посадил своего жеребца в сенат, исторически верными чертами характеризует состояние римского сената в данную эпоху. Намерение русских придворных историографов поднести Николаю II звание доктора русской истории honoris causa превосходно характеризует состояние этой отрасли науки перед революцией. С равным основанием господа профессора могли бы преподнести звание доктора истории и жеребцу своего покровителя.

Д. Заславский.

Печатаемые ниже документы извлечены из дела департамента народного просвещения «о разрешении имп. Московскому университету созвать совещание из профессоров русской истории российских университетов» 1915 г., № 128, хранящегося в Архиве внутренней политики ЛОЦИА. Второй документ (письмо проф. Любавского) — подлинник, первый и третий — копии, заверенные подписями составителей, четвертый (адрес) — заверенная копия. Документы сообщены ст. научным сотрудником ЛОЦИА — Л. И. Полянской, подготовлены к печати ученым специалистом ЛОЦИА М. И. Ахуном.

1.

Представление проф. М. Н. Крашенинникова[1]) в историко-филологический факультет Юрьевского университета от 27 ноября 1914 г.

Честь имею войти в факультет с предложением присудить державному покровителю нашего университета его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу степень доктора руской истории honoris causa ввиду особо выдающихся заслуг его императорского величества в области русской истории.

Выступая с этим предложением, я опираюсь на следующие факты и соображения.

1. Его императорское величество, являясь всесторонним и глубоким знатоком как русской, так и всеобщей истории, а равно в совершенстве владея и различными вспомогательными дисциплинами, как например, палеографией и дипломатикой, но, как известно, главным образом интересуясь именно отечественной историей, всемерно и мощно содействует развитию и преуспеянию русской исторической наукп, втечение уже целого ряда лет принимая непосредственное и активное участие в ученой деятельности императорского Русского исторического общества, которое имеет поистине завидное счастье состоять под действительным председательством его императорского величества и своим процветанием обязано именно августейшему покровителю и председателю.

2. Как верховный и самодержавный вождь всего великого народа русского его императорское величество, неустанно работая на благо нашего отечества и победоносно преодолевая тысячи разнообразных препятствий на многотрудном пути к достижению заветной цели, мощною рукою направляет русскую историю в искони ей предназначенное судьбою истинное русло и этим самым приобщается к числу таких избранных провидением делателей русской исто-

[1]) Крашенинников Михаил Никитич, профессор Юрьевского университета по кафедре древнеклассической филологии и литературы.

рии[1]), как Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Петр Великий, Александр II и Александр III, имена которых золотыми буквами отмечены в летописях отечественной истории.

Из многочисленных великих и славных деяний во славу и пользу нашего отечества, которыми ознаменовано благополучное царствование государя императора, позволю себе отметить следующее.

В сфере внешней истории России его императорское величество ныне счастливо завершает великое дело собирания земли русской, «отторженная возвращая» (Галицкую Русь), и сверх того, победоносно расширяет пределы государства российского, причем недалек и тот счастливый день, когда православный крест воссияет на св. Софии в русском Царьграде.

В области внутренней истории России достаточно упомянуть о таких грандиозных реформах, как призвание к жизни Государственной думы, новое земельное устройство Российской империи по программе, предначертанной самим государем императором, значительное расширение сферы народного просвещения, благодетельное отрезвление народа и в особенности продолжение начатого незабвенным императором Александром III величайшего и труднейшего дела искоренения давнишнего немецкого засилья, которое является самым серьезным и опасным недугом России.

К вышеизложенному считаю долгом добавить, что если бы факультет постановил поднести его императорскому величеству степень почетного доктора не только русской, но и всеобщей истории, приняв во внимание и такой факт, имеющий мировое значение, как совершающаяся ныне решительная борьба славянства с германизмом, в которой протагонистом бесспорно является государь император, как верховный и самодержавный вождь и руководитель наших победоносных войск, — то я первый приветствовал бы такое постановление факультета.

Во всяком случае на нас, скромных тружениках науки, имеющих счастье быть современниками настоящей великой эпохи, лежит, по моему мнению, нравственная обязанность принести в том или ином виде и наш «малый дар, но от чистого сердца», по выражению античного поэта (Гомер, Одиссея. VI, 208), великому обновителю русской жизни и русской истории его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу, имя которого будет алмазными буквами начертано на скрижалях как отечественной, так и всемирной истории.

Декан историко-филологического факультета императорского Юрьевского университета ординарный профессор Михаил Крашенинников.

Г. Юрьев, 27 ноября 1914 г.

[1]) Здесь и ниже подчеркнуто самим составителем документа.

2.

Письмо ректора Московского университета проф. М. К. Любавского[1]) товарищу министра народного просвещения М. А. Таубе[2]) от 18 декабря 1914 г.

Секретно.

Милостивый государь, барон Михаил Александрович.

Вашему превосходительству угодно было почтить меня доверительным сообщением о том, что среди профессоров императорского Юрьевского университета возникла мысль о всеподданнейшем поднесении государю императору степени доктора русской истории, причем инициаторы этого дела готовы уступить честь осуществления его старейшему в России Московскому университету. В устной беседе с вами по этому поводу я счел своим долгом высказать свои сомнения о возможности и уместности этого шага. Но так как сообщение ваше было для меня неожиданным и я не успел выяснить себе всех сторон этого дела и

[1]) Любавский Матвей Кузьмич, профессор русской истории Московского университета с 1902 г., ректор с 1911 г., после демонстративного ухода ряда профессоров Московского университета в связи с реакционной университетской политикой министра народного просвещения Л. А. Кассо. В годы империалистической войны Любавский в качестве ректора вел активную борьбу с революционным движением среди студенчества (см. статью «Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции» в LVIII т. «Красного архива», стр. 101—130). В 1929 г. был избран членом Академии наук СССР. В 1930 г. вместе с С. Ф. Платоновым Любавский за контрреволюционную деятельность был лишен звания академика.

[2]) Таубе Михаил Александрович, барон, товарищ министра народного просвещения (с 1911 г.); был профессором международного права Петербургского университета, состоял членом Государственного совета, сенатором, членом Русского исторического общества. После Октябрьской революции эмигрировал; в 1928 г. выпустил в Париже книгу «La Politique russe d'avant guerre».

всех связанных с ним затруднений, то и считаю своим священным долгом в дополнение к тому, что было уже сказано мною устно, изложить свои соображения в настоящем письме.

В среде ученых, занимающихся русской историею, высокое покровительство государя императора разработке отечественной истории и живой интерес, проявляемый его величеством к нашему прошлому, хорошо известны и высоко ценимы как проявления не только его горячей любви к отечеству, но и его знания отечественной истории. Мысль о торжественном признании этого факта со стороны ученого мира и, в частности, со стороны императорского Московского университета, конечно, найдет во всех нас сердечный и единодушный отклик. Но предположенный профессорами Юрьевского университета способ этого признания представляется мне несоответствующим высокой цели ни по форме, ни по существу.

Присуждение ученых степеней университетами является обычным, будничным их делом, одним из моментов их ученоучебной деятельности. Степени присуждаются после известных испытаний, рассмотрения ученых трудов и обсуждения их в факультетах, защиты диссертации и т. д. Правда, что в известных случаях в степень доктора возводятся ученые и без испытаний и защиты диссертаций. Но условия и обстановка этого возведения, предусматриваемые законом, таковы, что исключают возможность подвергать этому действию превысочайшую особу государя императора. По закону требуется ходатайство факультета перед советом, голосование в совете большинством $^2/_3$ (в некоторых университетах в таких случаях практикуется закрытое голосование) и, наконец, утверждение министра. Все эти моменты, как в отдельности, так и в совокупности знаменующие собою присуждение[1]) ученой степени, не могут быть приложены к особе государя императора, носителя наивысшей санкции, от которой проистекают и все полномочия подчиненных органов управления.

Но и независимо от формальных препятствий я нахожу присуждение государю императору степени доктора русской истории слишком мелким признанием его заслуг перед наукой русской истории, не обнимающим всего их величия. Государь — не простой работник на научном поле, которого можно поставить на одну доску с «докторами русской истории». Он — не автор разных ученых трудов в этой области, но их вдохновитель, своим животворным интересом, одобрением, предуказаниями, материальным содействием вызывающий их появление на свет, морально объединяющий всех ученых работников в области русской истории в дружной и плодотворной деятельности. Причисление его величества к разряду простых, так сказать, цеховых ученых мне представляется натяжкою, а следовательно, и порухою его превысочайшему сану.

В силу всех этих соображений в устной беседе с вашим превосходительством я высказал было мысль, нашедшую и ваше сочувствие, о возможности более торжественного возведения государя императора в степень доктора русской истории всеми университетами, для чего может быть выработано соответственное единогласное представление всех русских историков. По тщательном размышлении я нахожу однако, что и этот путь не лишен риска и очень большого. Советы не могут быть посвящены во все деликатные детали этого дела, и предложение русских историков, даже прошедшее в факультете, может вызвать серьезные возражения в том или другом совете с формальной, законной стороны и может быть признано неуместным и дерзновенным.

Итак, по моему мнению, нужно подумать о других способах осуществления симпатичной мысли торжественного признания заслуг его величества перед наукою русской истории. Наиболее удобным представляется мне съезд русских историков, выработка ими и поднесение его величеству торжественного адреса с изображением всех заслуг его величества перед наукою русской истории. В этом адресе была бы для русских историков возможность высказать, что знание русской истории помогло его величеству стать великим зиждителем современной истории России в духе заветов ее великого прошлого. Русские историки могли бы выразить его величеству верноподданническую преданность и признательность не только словом, но и делом, приняв постановление изготовить соединенными силами обзор разработки науки русской истории в царствование его величества ко дню 25-летия этого царствования, с посвящением его государю императору.

Если бы ваше превосходительство нашли предлагаемый способ осуществления мысли профессоров Юрьевского университета приличествующим существу дела, то Московский университет мог бы в данном случае взять на себя инициативу. Как я уже докладывал вам, в январе 1915 года мы имеем в виду присудить степень доктора русской истории

[1]) Подчеркнуто составителем письма.

его императорскому высочеству великому князю Николаю Михайловичу. В связи с этим я мог бы в совете коснуться и высоких заслуг перед наукой русской истории его величества и предложить совету войти с ходатайством к министру народного просвещения о созыве съезда профессоров русской истории для обсуждения вопроса о способах торжественного признания этих заслуг и благодарного их увековечения. Министерство по вашему ходатайству могло бы созвать этот съезд у себя в Петрограде, примерно на масленице или на святой неделе, и на этом съезде могли бы быть выработаны и адрес и вышеуказанное постановление о составлении обзора русской историографии за царствование его величества с присоединением даже исторической библиографии. На съезд могли бы быть привлечены и все вообще видные русские историки, даже и не состоящие университетскими профессорами. В результате могла бы выйти импозантная демонстрация, кладущая более сильное и ясное впечатление, чем присуждение государю степени доктора русской истории.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою Матвей Любавский, ректор императорского Московского университета.

3.

Представление профессоров М. М. Богословского[1]) и М. К. Любавского в историко-филологический факультет Московского университета[2]).

Профессорам русской истории в императорском Московском и других российских университетах пало на долю великое счастье разрабатывать свою науку в непосредственном общении с державным покровителем наук в России — его величеством государем императором. Среди своих многочисленных царственных забот и трудов его величество уделяет любовное внимание отечественной истории, знакомясь с важнейшими трудами в этой области, живо интересуясь лицами и делами минувших дней, процессом строительства русской государственности и общественности как в ближайшем, так и в отдаленном прошлом. Под его руководительством, при его поощрении и материальном содействии работает императорское Русское историческое общество в Петрограде, выпускающее «Сборники» ценнейших материалов по русской, преимущественно новой, истории и многотомный биографический словарь русских исторических деятелей на всех поприщах жизни. Годичные заседания этого общества, сопровождающиеся чтением ученых докладов, происходят обычно под личным председательством его величества, давая великое нравственное удовлетворение всем участникам их, в присутствии царя получающим наглядное указание на всю жизненную важность и ответственность их дела.

Покровительство его величества разработке отечественной истории не ограничивается тесными пределами императорского Русского исторического общества, но широко распространяется на ученые силы, работающие в области науки русской истории. Состоящее при Московском университете императорское Общество истории и древностей российских в день своего столетнего юбилея удостоилось всемилостивейшего приветствия и поощрения его величества. Благосклонности государя императора это общество обязано увеличением казенной субсидии до десяти тысяч рублей, что дало ему возможность широко развернуть свою издательскую деятельность и печатать на страницах своих «Чтений» первостепенной важности источники и капитальнейшие исследования. В самое последнее время удостоились всемилостивейшего внимания и самые молодые научные учреждения, работающие в области русской истории — губернские ученые архивные комиссии. Государю императору для более успешного развития их деятельности благоугодно было назначить им пособия по 2 000 рублей на каждое. По указанию его величества, в Петрограде состоялся в прошлом году съезд представителей губернских архивных комиссий для выяснения их нужд и очередных задач и объединения их деятельности; для этого съезда по распоряжению его величества было отпущено 5 000 руб. Съезд удостоился приветствия его величества и получил таким образом великую поддержку не только материальную, но и моральную.

Его величество подает собою высокий пример глубокого уважения ко всем памятникам русской исторической жизни, ко всем проявлениям русского народного духа как в творениях литературы, так и в произведениях искусства. Его заботам о сохранении национального духовного достояния обязаны крупными

[1]) Богословский Михаил Михайлович (1867—1929), экстраординарный профессор Моск. университета по кафедре русской истории; с 1921 г.—член Академии наук.

[2]) Представление было заслушано 10 февраля 1915 г. в заседании историко-филологического факультета Московского университета.

приращениями такие учреждения, как Эрмитаж и Музей Александра III в Петрограде; среди этих приращений в высокой степени ценным приобретением является единственное по богатству собрание икон древнерусского письма.

Глубоко признательные его величеству за высокое покровительство, оказываемое разработке отечественной истории, мы, профессора русской истории в старейшем университете России, в переживаемые ныне великие исторические дни с особою силою чувствуем и сознаем великое значение национального воспитания, которому служила эта деятельность его величества, высокую ценность тех культурных благ, которые насаждал его величество, тех нравственных ресурсов, которые представляют из себя любовь к своему родному, духовная солидарность поколений, связь со всем историческим прошлым России и его великими заветами. Это наше чувство и сознание ищет своего внешнего выражения и закрепления. Вполне уверенные в том, что его разделяют и все наши ближайшие товарищи по специальностям, все вообще профессоры российских университетов, мы просим историко-филологический факультет через совет императорского Московского университета войти к г. министру народного просвещения с ходатайством о разрешении Московскому университету созвать на предстоящей святой неделе, 26 марта, комитет из профессоров русской истории российских университетов для обсуждения вопроса о торжественном признании и благодарном увековечении заслуг его императорского величества государя императора перед наукою русской истории.

Ординарный профессор М. Любавский.

Экстраординарный профессор М. Богословский.

4.

Всеподданнейший адрес профессоров русской истории и истории русского права, поднесенный Николаю Романову 24 мая 1915 г.

Всемилостивейший государь!

Волею господнею русский народ в царствование вашего императорского величества поднялся на высоту своего исторического призвания. По зову своего монарха, как один человек, восстал он на освобождение от тевтонского ярма своих братьев славян, на защиту собственного достояния и чести, на восстановление поруганных начал права и справедливости в международных отношениях. Близятся к разрешению очередные великие задачи России, поставленные ей историею, исполняются заветы ее прошлого и открываются перспективы светлого будущего...

В эти знаменательные исторические дни мы, профессоры русской истории и истории русского права в российских университетах, следившие за внешними судьбами нашего отечества и за ходом его внутреннего государственного и гражданского развития, с особою силою почувствовали и с особою ясностью сознали великое значение совершавшегося доселе национального воспитания русского народа. Усилиями многих веков, многих поколений государственных, общественных, литературных и научных деятелей совершалось это национальное воспитание, прояснялось народное самосознание, развивалось чувство национального достоинства и укреплялась стихийная любовь к отечеству. При обозрении этих усилий наши взоры с глубоким умилением останавливаются на вашей деятельности, великий государь.

Призвав свой народ в лице выборных представителей к участию в государственном домостроительстве, ваше императорское величество тем самым сообщили новую действенную силу русскому национальному чувству и сознанию. Эта действенная сила ярко выразилась ныне в заявлениях и постановлениях законодательных учреждений, в заявлениях и деятельности многоразличных государственных и общественных организаций, в патриотическом одушевлении и готовности к жертвам широких народных масс. Чувство, сознание и воля русского народа слились ныне воедино и в тесном, неразрывном соединении с чувством, сознанием и волею монарха направились ныне к совершению великих дел, великого исторического подвига.

Разделяя со всем русским обществом, со всем русским народом благодарное признание этого великого деяния вашего императорского величества, мы, русские ученые, работающие в области русской истории вообще и истории русского права в частности, испытываем ныне душевную, сердечную потребность благодарно засвидетельствовать и о той стороне вашего мощного содействия делу русского национального воспитания, которая близко соприкасается с нашею специальною научною деятельностью. Среди своих многочисленных царственных забот и трудов ваше императорское величество всегда уделяли любовное внимание отечественной истории, лицам, деяниям и памятникам минувших времен.

В лице вашего императорского величества наука русской истории имеет высокого покровителя, неустанно пекущегося о сохранении ее памятников и разработке их, а русские историки имеют своего царственного духовного вождя, подающего им высокий пример глубокого уважения ко всем памятникам русской исторической жизни, ко всем проявлениям русского национального гения в слове, образах и действии, своим живым интересом, одобрением и содействием ведущего их на усердную и дружную работу на поле отечественной истории.

Великий государь! Дерзаем думать, что ничем другим мы не сможем ответить на все эти щедроты вашего любвеобильного духа, как только усилением нашей научной деятельности. В прошедшем 1914 году по указанию вашего императорского величества собирался съезд представителей губернских ученых архивных комиссий для выяснения их нужд, очередных задач и объединения их деятельности. В этом съезде мы увидали предуказание вашего императорского величества, что́ надо делать и нам, профессорам и преподавателям учебных заведений и членам ученых исторических обществ. Собравшись в стенах старейшего в России Московского университета, мы, профессоры русской истории и истории русского права, пришли к мысли связать с славным именем вашего императорского величества возникновение в России нового установления — периодических съездов русских историков в широком смысле этого слова, имеющих созываться через каждые пять лет в университетских городах по очереди и в общении изысканиями и мнениями объединять всех ученых, работающих в разных отраслях русской истории и соприкасающихся с нею дисциплин.

Повергая к стопам вашего императорского величества чувства беспредельной любви и преданности, всеподданнейше просим вас, всемилостивейший государь, благословить и утвердить это наше начинание и тем дать нам возможность запечатлеть достойно и навсегда особое благоволение и покровительство вашего императорского величества разработке науки русской истории.

Вашего императорского величества верноподданные... [1])

5.

Ответ Николая Романова представлявшимся ему 24 мая 1915 г. профессорам русской истории и истории русского права [2]).

Сердечно благодарю вас, господа, за внимание, которое вы мне оказали, и с особым удовольствием изъявляю свое согласие на присвоение периодическим историческим съездам моего имени.

Верю вместе с вами, что после великой, грозной и тяжелой войны Россия еще более окрепнет и что с развитием ее внутренней жизни и дорогая нам с вами наука русской истории и русского права пойдет вперед верными и бодрыми шагами.

Еще раз благодарю вас, господа.

До Цусимы.

Публикуемое ниже письмо старшего флаг-офицера штаба 2-й Тихоокеанской эскадры, близкого к адмиралу З. П. Рожественскому, лейтенанта Е. В. Свенторжецкого *) написано за четыре месяца до Цусимской катастрофы.

Публикуемое письмо было написано Вавилову, Павлу Михайловичу, штабс-капитану по адмиралтейству, младшему делопроизводителю Главного морского штаба, сослуживцу Е. В. Свенторжецкого по ученому отделу.

Свенторжецкий оставил советскому историку документ, который вскрывает то, чего не дают официальные документы. Сохранившиеся в Морском историческом архиве ЛОЦИА донесения адмирала З. П. Рожественского носят характер информаций о стоянках, о выходе и передвижении эскадры, о погрузках

*) Свенторжецкий, Евгений Владимирович (род. в 1865 г.), лейтенант. В 1900—1901 гг. и. д. старшего флаг-офицера штаба начальника эскадры Тихого океана; в 1904 г. был назначен обер-офицером стратегической части военно-морского ученого отдела Главного морского штаба; в том же 1904 г. был вновь переведен в действующий флот, во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, в качестве старшего флаг-офицера походного штаба З. П. Рожественского. Погиб 14 мая 1905 г. во время Цусимского разгрома.

[1]) Подписи отсутствуют. Текст адреса воспроизводится по копии его, хранящейся в деле деп. нар. просв. 1915 г., № 128, лл. 45—46.

[2]) «Правительственный вестник» № 114 от 27 мая 1915 г.

угля, но в них нет и намека на те настроения команды и офицерства, на те трудности плавания, о которых так полно и искренно говорит в своем письме Е. В. Свенторжецкий.

Ценность этого письма заключается еще в том, что в нем устами представителя сравнительно передовой части офицерства вскрывается вся авантюрность политики царизма и русской буржуазии, стремившейся к господству на Дальнем Востоке, без ясного отчета в реальности осуществления задуманного плана.

Царский флот по сравнению с японским, согласно донесениям морских агентов, количественно отставал незначительно, но в части военной техники, подготовки личного состава, организации и руководства оставался далеко позади японского.

Соединение судов новой постройки с «старыми сундуками» типа «Адмирал Ушаков», «Николай I» и др., включение в состав эскадры совершенно не испытанных кораблей превратили эскадру Рожественского в собрание разнокалиберных судов и резко снижали боевые качества флота. И вот эта «великая армада», такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя [1]), была двинута с затратою миллионов народных денег на Дальний Восток овладевать «господством на море». Отсутствие разведывательной службы и морских баз на всем пути осложняло и без того исключительное по своим трудностям плавание эскадры.

Еще хуже обстояло дело с личным составом. Матросская масса, собранная «с бору да с сосенки» [2]), в большинстве своем состояла из запасных (кадровые были оставлены внутри страны для борьбы с революцией); в экипажи судов эскадры попали люди пожилые, давно отставшие от военной службы.

Бесконечные погрузки угля приводили экипажи судов в такое физическое состояние, при котором уже не могло быть и речи об учебно-практических занятиях с матросами, да и времени для этого не оставалось: погрузка угля поглощала все внимание и время всего личного состава от самого Рожественского до последнего матроса; боязнь остаться без угля посреди океана заслоняла в пути все прочие опасности. Инстинктивно чувствуя бессмысленность этого военного похода, задавленная железной дисциплиной, матросская масса по мере продвижения к театру военных действий все больше проникалась мыслью, что ее ведут на убой.

В такой атмосфере на судах постоянно вспыхивали матросские «волнения» (на броненосце «Орел», крейсере «Адмирал Нахимов», на судах «Терек», «Малайя»), начинавшиеся, по обыкновению, на экономической почве.

Командный состав подбирался в такой же спешке и в большинстве состоял либо из молодых мичманов, не окончивших курса, либо из призванных из запаса перед самым уходом эскадры.

Эти недостатки комплектования эскадры значительно понизили ее тактическую ценность и незамедлительно сказались при открытом столкновении с японским флотом.

«Преступно пренебрегая элементарными принципами морской стратегии» [1]), русское офицерство отправилось завоевывать воды Тихого океана.

Разгром порт-артурской эскадры и падение после восьмимесячной блокады такой, казалось бы, неприступной твердыни, как Порт-Артур, убили последнюю веру в успех этой военной авантюры даже у оптимистов и предрешили вопрос о господстве на море. Разгром порт-артурской эскадры подвел «один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны» [2]).

Офицерство типа Свенторжецкого воочию убедилось в своем невежестве, отсталости и в бессмысленности дальнейшего ведения войны.

Разгром эскадры у Цусимы и пленение Рожественского показали уязвимые места царизма, после чего наступил момент, когда «все ополчилось против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре» [3]).

Письмо Е. В. Свенторжецкого публикуется по машинописной копии, хранящейся в фонде «Дневников, заметок и записок участников русско-японской войны» (Морской исторический архив ЛОЦИА — ф. № 3465, д. № 42-46, 1905 г. лл. 301—316). Документ подготовлен к печати научной сотрудницей Морского архива А. М. Заковой.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VII, изд. 3-е, стр. 333.

[2]) Там же, стр. 335.

[1]) Ленин, Собр. соч., т. VII, изд. 3-е, стр. 47.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 136.

Носси-бе.
21 января 1905 г.

Дорогой Павел Михайлович,

Вчера почта из Европы через Джибути доставила мне ваше письмо, за которое искренно благодарен. Это же письмо напомнило мне один из лучших периодов моей службы, именно службы в ученом отделе, где милые и добрые сослуживцы всегда были лучшим утешением в минуты служебных разочарований. Благодарю вас сердечно за постоянное внимание к моим просьбам и очень извиняюсь, что моя корреспонденция, наверно, приносит вам немало хлопот.

Наше плавание, которым вы интересуетесь, описывается довольно подробно в донесениях адмирала; донесения эти получаются, вероятно, очень регулярно и читаются с интересом.

С своей стороны я попытаюсь побеседовать с вами о том, что́ нельзя найти ни в каких донесениях: о наших недостатках, тяжелых ранах, о наших мечтах, о наших дальнейших планах и о вероятных результатах нашего плавания в очень недалеком будущем.

Лично мне одному известна корреспонденция Зиновия Петровича [1]), так как шифрованная переписка поручается только мне, и, как вам, вероятно, известно, содержание ее благодаря характеру адмирала никогда не обнародуется. Во время составления телеграмм адмирал нередко выражает свои взгляды на положение дел, и здесь невольно приходится знакомиться с его настроением.

Ведь не секрет, что вторая эскадра была сформирована внезапно из судов или только что едва-едва закончивших постройку, или судов устарелых типов, что в эскадру было зачислено все, что возможно; личный состав также набран без особого выбора, казалось лучшее, что в это время было, и таким образом было образовано скопище совершенно неподготовленных судов, которые форсированным ходом должны были длиннейшими путями следовать на театр военных действий.

Короткий подготовительный учебный период в Ревеле, одновременно с окончанием постройки некоторых судов и постоянными приемками, не мог принести существенной пользы в деле боевой подготовки эскадры, и адмирал главным образом заботился собрать, наконец, свою эскадру, чтобы двинуться в путь. Работа эта шла при постоянном понукании со стороны русского общества, обвинявшего Зиновия Петровича в нежелании поспешить на Восток, выручить Порт-Артур. Но согласитесь, что такое понукание могло быть только со стороны тех, кто незнаком с организацией боевой подготовки флота, кто не знает, что обучить флот — работа многих лет, а не двух-трех недель, что корабли без обученного личного состава — груз, легкая добыча для неприятеля. Этого именно не сознавало русское общество, кричавшее на всех перекрестках о необходимости скорейшего отправления нашей эскадры. Это же общество теперь, под влиянием разжигающих статей Кладо [2]) и других, не вовремя взявшихся за перо, военных писателей, требует скорейшего отправления к нам на помощь еще одной эскадры, совершенно не представляя себе той обстановки, которая ожидает вдали от родины этот жалкий отряд адмирала Небогатова, который бог весть когда доберется до театра военных действий.

Хотят отправлять на Восток даже «Полярную звезду» и «Штандарт» [3]), — это ли не увлечение, хотя бы плавание их было бы в качестве госпитальных судов! Ну, а если и с приходом третьей эскадры мы все еще будем слабы? Что отправлять тогда к берегам Востока?

Итак, под влиянием, могу сказать, неразумного русского общественного мнения, мы покинули в начале октября Либаву. Сзади тянулись запоздавшие корабли, часть которых скоро начала отставать. А ведь перед нашим выходом из Либавы можно было почти с уверенностью сказать, что Порт-Артур не выдержит осады, что наш флот в Артуре, этот несчастный флот, погубленный не столько беспечностью личного состава, сколько превосходством военных знаний и добросовестностью боевой подготовки противника, не сослужит той службы, которая поручена была ему государством. Мысль об этом нередко приходила в голову, но надо было стараться отогнать ее и мечтать, что в ходе наших операций порт-артурский фрот и владивостокские крейсера принесут хоть какую-либо пользу. Эти соображения, хотя чрезвычайно шаткие, всетаки отчасти служили при составлении соображений относительно нашей экспедиции, главным образом в отношении границ театра военных действий и распределения на театре неприятельских морских сил.

Под влиянием этих мечтаний мы начали наше плавание. Никакое донесение, никакое самое яркое описание не в состоянии изобразить всю тяжесть обстановки переходов второй эскадры. Первый раз в истории флотов всего мира вы видели большую эскадру, которая, не имея ни морских баз, ни угольных станций, состоящая из судов всевозможных типов, всевозможных возрастов и требований, отважилась двинуться в такой

далекий путь. Политическая и стратегическая обстановка плавания вам хорошо известна, но надо было лично испытать всю тяжесть этих дипломатических переговоров с различными администрациями в Испании, в африканских колониях, чтобы перечувствовать то, что перечувствовал адмирал [4]). Любой испанский жандарм мог принести много горя вашему самолюбию, любой командир старого полуразвалившегося европейского стационера с сознанием собственного достоинства и правоты мог заставить вас призадуматься, не говоря уже о различных требованиях и намеках колониальных губернаторов, выражающих поступками своими какие-то приступы будто бы незаконной политической благотворительности. Надо было иметь только такт, сдержанность и ум Зиновия Петровича, чтобы обойти все эти трудности без оскорбления этой многочисленной отвратительной челяди, не уронив собственного достоинства и вверенной ему эскадры. Вот при такой обстановке эскадра двигалась сперва соединенно, а потом поотрядно к пункту соединения.

Отряд броненосцев, не имея ни одной угольной станции и поддерживаемый угольной любезностью Гамбургско-американской линии [5]), шел вокруг мыса Доброй надежды. Броненосцы вокруг мыса, это, кажется, первый пример в истории. Англичане в виде опыта, при известной всему миру прекрасной обстановке для судов их флота, посылали два броненосца из эскадры Канала в Кептоун.

Переход броненосцев вокруг мыса представлял поразительное зрелище. Громадные корабли походили скорее на угольные транспорты. Нельзя было надеяться на уголь при всяких условиях, и потому суда брали усиленные запасы. На броненосцы принималось вместо 1100 тонн — 2500. Все, что возможно, заваливалось углем: 75-мм батарея, с совершенно негодными для моря орудиями, была наглухо задраена и обращена в угольные ямы. Уголь грузился в коридоры, на срезы, на ют, везде, где только можно было найти свободное место. Грязь была невыносимая. Весь корабль, все офицерские каюты были беспрерывно покрыты тонким слоем кардифской пыли. Весь переход от Танжера до Мадагаскара был беспрерывной угольной операцией. Как только эскадра приходила на рейд, где ожидали ее угольщики, тотчас к борту подводился угольщик, все лебедки, все стрелы Темперляя начинали моментально работать. В это время начинались бесконечные переговоры с местной администрацией, посылались многочисленные телеграммы в метрополии, мы употребляли все старания затянуть переговоры, пользуясь временем для угольной операции. Погрузка угля обратилась в спорт — грузили на призы, причем лучшим, почти непобедимым, был «Император Александр III». Окончив погрузку угля, отряд тотчас выходил в море и следовал на следующую станцию.

С выходом в море на верхнем мостике появлялся адмирал. Он почти не сходил оттуда ни день, ни ночь. Отряд двигался безостановочно только потому, что неустанная энергия Зиновия Петровича подгоняла броненосцы. С никуда негодными рулевыми приборами броненосцы обошли мыс с промежутками между кораблями в два кабельтова. Во второй кильватерной колонне двигались вокруг мыса наши несчастные спутники: «Камчатка», «Метеор», «Корея», «Малайя», «Анадырь» и «Роланд». Немало хлопот было с «Малайей», «Камчаткой» и «Роландом». Наши пароходные общества, вероятно из патриотических чувств, снабдили нас такими достойными представителями, как «Малайя» и «Князь Горчаков». С «Малайей» каждый день в океане что-нибудь случалось; какие-нибудь поломки ее задерживали отряд иногда по восьми часов с застопоренными машинами [6]).

Ничего не проходило мимо внимания адмирала. День и ночь на мостике он подгонял свой отряд; никакие поломки не могли заставить его зайти для исправлений в ближайший порт, и только сигналы, эти бесконечные и подчас оскорбительные сигналы, с категоричными требованиями, могли благополучно перевести броненосный отряд из Танжера на Мадагаскар [7]). Переходы при страшной жаре и вечных погрузках угля до-нельзя утомили личный состав. И, когда отряд был в ходу, нечего было и думать о какой-нибудь серьезной боевой подготовке. Люди, истомленные жарой и работой, лежали на грудах угля и беспомощно проводили жаркие часы дня.

У мыса Доброй надежды отряд броненосцев выдержал шторм. Броненосцы, перегруженные углем, сверх ожидания, прекрасно выдерживали волну. Размахи не превосходили 10—12 градусов на сторону. Во время этого шторма мы потеряли «Малайю», которая потом все-таки присоединилась к нам у острова Сент-Мари. Ее поставило поперек волны, и она около девяти часов, при крене до 45°, исправляла свои повреждения в машине.

В Сент-Мари отряд пришел после довольно беспокойного перехода. Здесь предполагали сосредоточить эскадру перед выходом в Индийский океан, и потому адмирал, не имея еще никаких телеграмм из Петербурга, послал адмиралу

Фелькерзаму [9]) приказание следовать в Сент-Мари, куда должны были прибыть и германские угольщики на Диэто Суарец. Отделенный от отряда в Ангаре Пеквена госпитальный «Орел» привез однако массу телеграмм, из которых мы хоть немного ознакомились с тем, что делается на белом свете. Ведь за весь переход из Танжера до Мадагаскара мы не представляли себе политического мира, не могли угадать, что происходит на театре войны.

Отряд Фелькерзама однако не мог присоединиться к нам в Сент-Мари. Верный традициям своих предков, отряд этот кое-как с большим кейфом допола до Носси-бе и конечно прежде всего начал чиниться. Хромые миноносцы отправились в Моонгу, где имеются кой-какие мастерские; остальные суда начали разбирать свои старческие члены и готовиться к будущей победе. Публика повалила толпой на берег, где вместе с разношерстной публикой Добровольного флота немедленно открыли в каких-то притонах игорные дома; распущенная команда наших судов и транспортов наводнила небольшую французскую колонию, обратив ее в какую-то зараженную клоаку.

При таких условиях, конечно, нечего было и думать о приходе отрядов Фелькерзама и Раллова [9]) в Сент-Мари, и адмирал решил итти с отрядом броненосцев в Носси-бе. Перед самой съемкой якоря мы получили от губернатора известие о занятии Порт-Артура и уничтожении нашего флота. С этими тяжелыми новостями, совершенно изменившими наши операционные расчеты, прибыли мы, наконец, в Носси-бе.

Появление адмирала в Носси-бе отрезвило публику. Карточная игра была немедленно прекращена, увольнение команды на берег разрешалось только по праздникам и с большим выбором. Начались погрузки угля, пошли учения и занятия. эскадра после продолжительного плавания начала приводиться в порядок.

Момент нашего прихода в Носси-бе совпал с моментом перемены всей стратегической обстановки дальнейшего хода наших действий. Мы следовали на театр военных действий из России не в качестве активного флота, а в виде сильного стратегического резерва, который своими обдуманными операциями должен был поддержать флот активный, сосредоточенный на театре войны, выручить его, усилить и совместными операциями способствовать уничтожению флота противника. На Востоке однако этого, видимо, не понимали, что особенно рельефно выразилось в телеграмме адмирала Скрыдлова [10]), полученной нами через наше посредство. В этой телеграмме адмирал Скрыдлов просит потребовать от командующего 2-й эскадрой рандеву, на которое он собирался прибыть для соединения с нашей эскадрой. Этот один вопрос уже обрисовывает взгляд командующего флотом на стратегическую обстановку на театре войны. Конечно, другого ответа, кроме того, который мы сообщили, и дать было нельзя—20 января в Зондском архипелаге.

Итак, до прихода эскадры на Мадагаскар мы считали себя вспомогательной резервной эскадрой, которая, хотя и с трудом, может обойтись средствами малонадежной плавучей базы, каковыми являлись беззащитные транспорты.

Но с уничтожением флота в Артуре все переменилось. Из резервного мы обратились в активный флот.

Флот этот, совершенно отрезанный от каких-либо отечественных баз, сосредоточился на северной оконечности Мадагаскара, вдали от театра военных действий; он, как теперь оказывается, должен начать новую и непременно победоносную войну. Чем обеспечен этот флот? Ничем. Он никогда не чувствовал себя таким осиротелым и необеспеченным, как теперь. Единственная база — Владивосток — очень далеко: она никогда не была так далека для русского флота, как теперь; достигнуть Владивостока — значит преодолеть все трудности плавания на театре военных действий, чтобы достичь единственной базы для остатков нашего флота. Вторая эскадра совершенно не обеспечена. Вам хорошо известны недоразумения с Гамбургско-американской компанией, поставляющей уголь. Разве это надежная плавучая угольная база? Уже теперь ощущается недостаток в машинных материалах, провизии, в одежде; смешно, но правда, что почти вся команда на эскадре ходит в лаптях, сделанных на борса. Но уголь, уголь, вот главный вопрос, вопрос более существенный, чем пища и лапти. Разве мы обеспечены углем, отправляясь в такую серьезную экспедицию? Наконец не менее важно — это отсутствие веры личного состава эскадры в успех экспедиции. Эта вера сразу была потеряна по получении известия о сдаче Артура и уничтожении нашего флота.

Четыре недели — год войны. Каковы ее результаты? Вам они лучше известны. Так неужели же, господа, после целого года неудач, после потери лучших сил флота с его базой на главном театре, после годовых неудач на сухопутном театре, после установившегося господства неприятеля на морском простран-

стве театра войны, можно ждать от флота не подготовленного вследствие тяжелых условий плавания к бою, от флота, находящегося у берегов Мадагаскара, т. е. совершенно изолированного от отечественной, единственной базы, успехов и утвердительного решения той задачи, которая сообщена была нам телеграммой № 224? Без сомнения, нет. В эту войну мы никогда не будем владеть морем. Ведь для того, чтобы владеть морем, надо уничтожить противника на море, а разве мы можем это сделать с нашими силами? Мы ожидаем подкреплений; на-днях, вероятно, придет «Олег» и два миноносца с «Изумрудом», но разве это подкрепление? А третья эскадра, господа, помилосердствуйте! Посылаются суда заведомо негодные, суда, которые могут быть приняты в состав эскадры только из деликатности: «Николай», «Ушаков», «Сенявин», «Апраксин», «Мономах» и «Водолей»... Зачем давать еще призы японцам, они уже довольно их получили! Что мы будем делать с этими судами, на эскадре никто не знает, а если адмирал откажется их подождать в Носи-бе, то им придется просто вернуться в Россию, так как их отдельное плавание на театр военных действий будет небезопасно. Третья эскадра — это ведь последние ресурсы флота, а что дальше?

Успех второй эскадры совершенно не обеспечен. Не надо мечтать о победах, вы о них не услышите. Вы услышите только жалобы и стоны тех страдальцев, которые сознательно, не веря в успех, пошли умирать. Мне невольно вспоминаются слова известного лейтенанта Семечкина [11]), который ровно 36 лет тому назад, призывая личный состав флота к изучению военных наук тактики и стратегии, на одной из своих лекций, между прочим, сказал: «Что умереть не страшно, то в этом нам убеждать друг друга не нужно, но умереть пешкою — ужасно. Отдать свою жизнь за родину — легко и отрадно, но отдать ее не умеючи, дешево, не за дорогую цену — невыносимо тяжело и трудно». Так и он говорил 36 лет тому назад, так и мы теперь поступаем.

Что же ожидает нашу эскадру в самом скором будущем? Вот как, по моему мнению, обрисовывается грустная картина предстоящих военно-морских операций.

Освободившийся после уничтожения нашей эскадры в Артуре японский флот мог перенесть театр военных действий в Зондский архипелаг. Японцы отлично знают все, к чему мы готовимся, и так как нельзя ожидать внезапного появления нашего флота в Зондском архипелаге, то они и сделают попытку предпринять пока какие-либо меры против Владивостока. Не знаю, когда, но, наконец, мы должны будем тронуться в путь через Индийский океан. Путь этот будет очень сложный. Он окончательно оторвет нас от телеграфной линии, чем лишит нас возможности сноситься с главными центрами и различными пунктами, где будут сосредоточены наши запасы и находиться доверенные лица. Приемка угля в условных рандеву хороша на бумаге, а не на пространстве вблизи театра военных действий. Первое нападение на германских угольщиков, а, ведь, вероятность таких нападений вам хорошо известна, поведет к расстройству организаций угольных рандеву и озлобит немцев, ни в чем неповинных людей. Это же вызовет недовольство команд германских угольщиков и, может быть, преднамеренные поломки машин угольных транспортов, что заставит их остаться в различных нейтральных портах позади эскадры. Японские миноносцы безнаказанно могут уничтожить наши транспорты. У нас нет средств защитить транспорты. Минный флот,— да ведь это не миноносцы, а минные карикатуры, которые будут нами потеряны, если не в океане, то во всяком случае в первом сражении. Обеспокоенные [?] переходом через океан, мы, может быть, наконец, прибудем в одну из бухт Зондского архипелага, где уже наши боевые корабли начнут подвергаться минным атакам японских миноносцев. Что мы будем делать, если какой-либо из наших броненосцев получит пробоины? Недавняя история научила нас, что можно сразу надолго вывести из строя три сильных корабля [12]). Что мы будем делать, если это несчастье случится с нами где-нибудь у пустынных берегов Суматры или Явы? Где мы будем чинить наши корабли? А до Владивостока ой как далеко, да там ведь единственный док занят, кажется, надолго. Может быть, мы справимся с повреждениями кораблей, может быть, придется на буксире вести раненых дальше. Как печально, как ужасно вести в бой корабли на буксире! На переходах нас, конечно, не оставят японские миноносцы. Они постараются вывести окончательно из строя буксируемые нами корабли. Роль наших старых, никуда негодных крейсеров я даже не могу предугадать, ведь «Алмаз» тоже крейсер и флагманское судно адмирала Энквиста [13]).

В таком виде, без надежных угольщиков, мы или должны будем искать пристанище опять во французских колониях или рискнуть итти в Корейский про-

лив, прорываясь к Владивостоку. Тут нас ожидает, может быть, генеральное сражение с японским флотом, вполне исправным, с флотом, заслужившим себе боевую славу, с флотом, уже уничтожившим один наш флот. С нашей стороны выступят утомленные и долгим плаванием и тревожными ожиданиями корабли, никогда не бывшие в бою, никогда не испытавшие разрушительного действия меткого неприятельского артиллерийского огня. В этом сражении, из-за недостатка тактической подготовки, мы понесем немало потерь, которые еще увеличатся при прорыве мимо Цусимы, базы японского минного флота. Наконец, может быть, части флота доберутся до Владивостока, где с нетерпением будут ожидать очереди ввода в док. А где в это время будут наши транспорты? Что будет в это время делать третья эскадра археологического состава? Неужели и ей придется перенести все ужасы нашего плавания?

Кто же после этих событий, согласно телеграмме № 224, будет владеть морем?

Нет, говорю совершенно убежденно: нет, мы никогда, ни при каких условиях **не будем в эту войну владеть морем**, т. е. не выполним возложенной на нас задачи.

Я думаю, адмирал в это [не] верит, но он, конечно, молчит и никому не высказывает своих тяжелых, раздирающих душу, мыслей. Он сам никогда не подаст и тени мысли о возвращении эскадры в Россию. Он отлично знает, что вся Россия ожидает от него чего-то необычайного, ожидает победы и уничтожения японского флота. Но ведь это может только ожидать русское общество, общество, совершенно незнакомое с обстановкой, в которой находятся теперь наши морские силы, с обстановкой, в которой мы будем находиться очень скоро после выхода из Носси-бе. Адмирал отлично знает, что вся пресса кричит о его будущих подвигах, что нет самой ничтожной провинциальной газеты, где бы не было имени Рожественского. И он, конечно, пойдет вперед. Ему уже все равно; он знает, что родина не даст ему ничего, кроме добрых пожеланий, но ведь добрые пожелания не броненосцы, не современные сильные броненосные крейсера, не неистощимые запасы угля и других материалов, без которых не может существовать флот. И вот с этими добрыми пожеланиями ринется вперед человек, который мог бы принести немало пользы именно теперь, когда нужны будут люди для великой работы преобразования флота, создания новых морских сил после столь постыдной войны.

Что же делать, — вы, может, спросите меня? Да, что же делать? Постыдно сознаться, но говорю беспристрастно, надо окончить морские операции. Надо сознаться, что флот, т. е. его личный состав, оказался не на высоте, что современные корабли без личного состава, подготовленного к бою,—не что иное как неприятельский приз, что мы мало знакомы с военными науками, что мы не верим в них, не следуем бессмертным заветам истории и пренебрегаем основными принципами стратегии и тактики. Надо сознаться, как это ни грустно, что мы не оправдали надежд, возложенных на нас нашей родиной, что мы не могли поддержать честь государства. Надо смириться с теми упреками, которые посыпятся на нас со всех сторон, с теми насмешками, которыми заполнятся заграничные газеты и журналы. Надо смириться с теми тяжелыми условиями, которые принесет нам мир, и наконец дать себе слово создавать обдуманно и трудолюбиво новый флот, забыв, главным образом, наши традиции. Японский флот потому только и силен, что у него нет традиций, от которых он мог бы отстать; традиции губят именно флот — это сложное и великое техническое сооружение, а ведь известно, что техника пренебрегает традициями. Затем никогда не надо забывать, что без организации флот существовать не может, что **организация есть мать победы**.

Вот все, что я мог вам сказать, дорогой Павел Михайлович, может быть, последний раз. Лично я искренно люблю флот, и каждое событие может привести меня в жестокое разочарование. С самым тяжелым чувством следил я втечение последнего года за грустными событиями войны и особенно нашего флота. Наконец, я сам попал в самое сердце той силы, которой суждено спасти честь государства на море. Но и в это я не верю. Что же делать, но такова судьба! И вот за всю свою службу во флоте на всевозможных обязанностях я пришел к глубокому убеждению, что, несмотря на дивные качества русского солдата и русского матроса, несмотря на все усилия военных и морских тружеников, мы не будем иметь успеха, пока не поверим, наконец, что надо учиться, надо слепо верить в основные принципы военных наук, а не строить свое здание на фантастических устоях отдельных личностей, и тогда мы только можем достичь, если не полной победы, то, по крайней мере, избегнуть того срама, которым покрыла нас текущая война, этот суровый боевой экзамен пред лицом всего мира.

Благодарю вас искренне еще раз за ваши хлопоты. Не откажите передать мой искренний поклон Вере Андреевне, всем моим сослуживцам по ученому отделу, Павлу Александровичу Вельцину[14]) и Евграфу Романовичу[15]).

Желаю вам сил для службы нашему флоту, ему нужна теперь эта работа более, нежели когда-либо.

Буду вам писать, а вы не забывайте всегда сердечно преданного вам и искренне любящего вас К. Свенторжецкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Рожественский, Зиновий Петрович, адм., командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой.

2) Кладо, Николай Лаврентьевич, проф. морской академии по кафедре стратегии; военно-морской писатель. Речь идет о статьях, в которых Кладо выразил свое мнение о слабости для самостоятельных операций против японцев 2-й Тихоокеанской эскадры и о недостаточности ее для овладения господством на море. Его пуолицистические выступления в печати закончились увольнением его в отставку в мае 1905 г.

3) «Полярная звезда» и «Штандарт» — царские яхты, совершенно не приспособленные для океанского плавания.

4) Трения в портах нейтральных держав возникали вследствие того, что перед походом эскадры не были предприняты все мероприятия международного характера, обеспечивающие плавание в нейтральных водах; не было договоренности с портами этих держав относительно стоянок и снабжения всем необходимым. Такую подготовку командование считало невозможной, опасаясь, что предварительные переговоры преждевременно разоблачили бы маршрут эскадры.

5) Согласно контракту транспорты пароходного общества Гамбургско-американской линии доставляли уголь для 2-й Тихоокеанской эскадры. После падения Порт-Артура положение несколько изменилось: дирекция согласилась на доставку угля лишь до Мадагаскара, что ставило эскадру под угрозу остаться без угля в открытом море. После долгих переговоров конфликт этот был улажен, и угольщики Гамбургско-американской линии продолжали сопровождать эскадру до места назначения.

6) «Несчастные спутники», о которых говорится в письме, — многочисленные транспортные суда, следовавшие за эскадрой. Благодаря дальности перехода и отсутствию базы транспорта (походные мастерские, суда с пресной водой и т. п.) были совершенно необходимы для эскадры и являлись в то же время обузой, уменьшая и без того малую ее боеспособность.

7) «Никто не имел понятия, — пишет старший офицер броненосца «Сысой Великий» капитан Георг. Авенир. Явков, — о намеченном направлении пути, и все только слепо верили в Рожественского, который в то же время на всех нагонял какой-то страх; все жили под каким-то гнетом, более думая о том, чтобы угодить адмиралу и не попасть под гнев его, и менее всего думал о неизбежности столкновения с гигантскими силами противника» (фонд «Дневников, заметок и записок участников русско-японской войны», ЛОЦИА).

8) Фелькерзам, Дмитрий Густавович, контр-адмирал. Командовал 2-м отрядом броненосцев, входившим в состав 2-й Тихоокеанской эскадры; отряд этот прошел через Суэцкий канал. Умер накануне Цусимского разгрома.

9) Радлов, Отто Леопольдович, капитан I ранга; заведывал отрядом транспортных судов 2-й Тихоокеанской эскадры.

10) Скрыдлов, Николай Илларионович, в.-адм. В апреле 1904 г. после гибели адмирала С. О. Макарова был назначен командующим морскими силами на Д. В.

11) Семечкин, Леонид Павлович, лейтенант. Читал лекции в Кронштадте по морской тактике. Умер в 1889 г.

12) Речь идет о броненосцах «Ретвизан» и «Цесаревич» и о крейсере «Паллада», подорванных японцами в ночь на 27 января 1904 г. при первой их атаке на Порт-Артур.

13) Энквист, Оскар Адольфович (1849—1912), контр-адмирал, командовал 1-м отрядом крейсеров 2-й Тихоокеанской эскадры.

14) Вельцин, Павел Александрович, в 1904—1905 гг. старший делопроизводитель в Главном морском штабе.

15) Каульбарс, Евграф Романович, подполковник, бывш. лейтенант; в 1904 г.— штаб-офицер для особых поручений при управляющем морским министерством.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. ответ. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА КРАСНОЙ АРМИИ

(г. Москва, Б. Андроньевская ул., д. № 22, тел. 1-57-04).

По инициативе народного комиссара обороны СССР т. Ворошилова Центральный архив Красной армии приступил к собиранию и выявлению архивных материалов о погибших героях гражданской войны и Красной армии.

Эти материалы будут использованы для издания ряда художественно-исторических сборников о погибших героях.

Значительное количество документов, необходимых для этой цели, еще не поступило в указанный архив и находится у участников гражданской войны и других лиц.

Прошу все воинские и военно-морские части и соединения РККА, воинские землячества, общества красногвардейцев и красных партизан, старых большевиков и политкаторжан, всех участников гражданской войны, членов профсоюзов, членов Осоавиахима, членов домов Красной армии и флота, краеведов, туристов и всех трудящихся СССР выслать в Центральный архив Красной армии (по адресу: Москва, 38, Большая Андроньевская ул., д. № 22) имеющиеся в их распоряжении все материалы (как напр.: дневники, биографии, автобиографии, подлинные письма, приказы, фотоснимки, газеты, брошюры, книги, воззвания, донесения и т. п.), могущие помочь освещению подвигов, жизни, гражданской и военной деятельности героев, убитых на полях сражений, умерших от ран и болезней во время гражданской войны и в особенности награжденных орденами Красного знамени, почетным революционным оружием и другими наградами за боевые отличия, а также героев гражданской войны, погибших и умерших после гражданской войны.

Если имеются другие документы, относящиеся к истории гражданской войны, Красной гвардии, РККА, красным партизанам или белым армиям, просьба выслать их в тот же архив.

Почтовые расходы по пересылке документов будут возмещены архивом.

Прошу всех председателей бюро землячеств заверять все материалы о героях, отправленные в ЦАКА.

Директор Центрального архива
Красной армии *Ширинский.*

Цена 2 р. 50 коп.

Центральное Бюро Международного Книгообмена

964

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1935 год

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Год издания 14-й

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—15 руб., на 6 мес.—7 р. 50 к.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР—2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями, магазинами и киосками Когиза, в главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7 и повсюду на почте.